ISSN 0131—0097

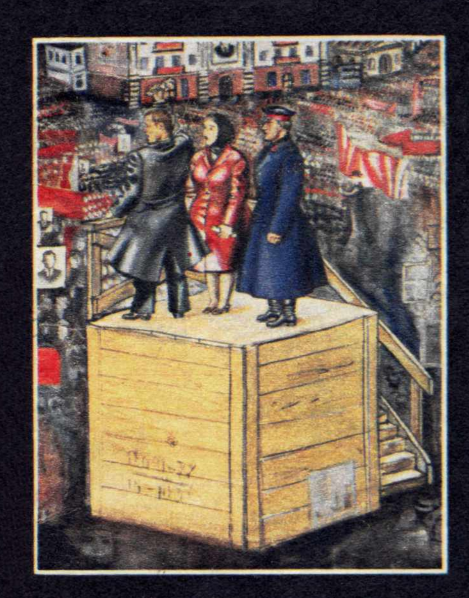
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 35 АВГУСТ 1989

ДНЕВНИКИ
МАРИСА ЛИЕПЫ

ХУДОЖНИК
И ПОЛИТИКА

В ПОЛОСЕ
ОТЧУЖДЕНИЯ

КТО НАС ЗАЩИТИТ?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (3240)

26 АВГУСТА—2 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Общество объявило войну преступности. (См. в номере материалы: «Тревога!» и «Частный сыск?».)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Л. Н. ГУДКОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 07.08.89. Подписано к печати 22.08.89. А 08903. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1060. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТРЕВО

В состоянии повышенной боеготовности работают сейчас все подразделения внутренних дел страны. Общество объявило преступности войну.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

● С НАЧАЛА ГОДА ДО 15 АВГУСТА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПРОКУРАТУРЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО 1 292 905 ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЧТО НА 32 ПРОЦЕНТА БОЛЬШЕ АНАЛОГИЧНОГО ПЕРИОДА ПРОШЛОГО ГОДА.

● ОСОБЕННО ЗАМЕТЕН РОСТ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АРМЯНСКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ, ЛИТОВСКОЙ, КИРГИЗСКОЙ, ЭСТОНСКОЙ ССР, ТАТАРСКОЙ АССР, В МОСКВЕ, ВОЛГОГРАДСКОЙ, МУРМАНСКОЙ, ПСКОВСКОЙ, РОСТОВСКОЙ, ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ.

● ТОЛЬКО В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ВЫЯВЛЕНО 2427 ФАКТОВ РЭКЕТА. К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭТОТ ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНО 1532 ЧЕЛОВЕКА.

● УХУДШАЕТСЯ РАСКРЫВАЕМОСТЬ. ЕСЛИ В 1978 ГОДУ БЫЛО 600 НЕРАСКРЫТЫХ УБИЙСТВ, ТО В ПРОШЛОМ ИХ СТАЛО 1558.

● В СТРАНЕ НАСЧИТЫВАЮТСЯ СОТНИ ТЫСЯЧ АЛКОГОЛИКОВ, ТУНЕЯДЦЕВ, БРОДЯГ, ПРОСТИТУТОК.

● С НАЧАЛА ГОДА РАЗОБЛАЧЕНО 1320 ГРУПП, БАНДИТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ, КОТОРЫМИ СОВЕРШЕНО ПОЧТИ 9000 ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

При всей леденящей душу убийственности этой статистики просматривается в ней одна, может быть, и зыбкая с точки зрения успокоения, но тем не менее отрадная, на мой взгляд, тенденция. Впервые за долгие годы мы имеем дело действительно со статистикой (во всяком случае, хочется в это верить), а не с «филькиной грамотой» так называемой отчетности, с помощью которой еще недавно было принято дурачить сознание людей, сея в них благодушие, созерцательность и бездействие, уводя таким образом общество от решения жгучих, острых и не откладываемых на завтра проблем. Что делать, взятый нынче на вооружение диктат Правды во всей полноте отражает жуткую реальность, но ведь только объективные данные в истории болезни дают надежду на исцеление больного.

Некоторые теоретики и практики в области криминалистики, с которыми довелось беседовать в эти дни, склонны утверждать, что обострившаяся криминогенная обстановка — прямое следствие наметившихся в стране в последнее время социальных, экономических и политических кризисных явлений. Разгул преступности всегда был чутким барометром, улавливающим степень дестабилизации общества. Так было и в первые годы становления нашего государства, и в послевоенную пору, когда страна сбрасывала с плеч гнетущее ярмо голода и разрухи, и во времена «хрущевской оттепели», совпавшей с первыми шагами по провозглашению демократических свобод...

Но кого успокоит экскурс в историю, если тучи сгущаются с каждым днем, обстановка накаляется, принимаемые меры эффекта не дают, ситуация становится неуправляемой, и люди, обеспокоенные разгулом преступного террора, все чаще задают недвусмысленный вопрос: а кто нас защитит?

На состоявшемся в Моссовете совещании, где обсуждалось недавно принятое постановление «О решительном усилении борьбы с преступностью», подчеркивалось, что оперативная обстановка в столице остается напряженной. Значительно возросли все виды тяжких преступлений — квартирные и автомобильные кражи, разбойные нападения, грабежи, умышленные убийства. Все чаще с тревогой повторяется слово «рэкет» — особо изощренный вид вымогательства. Более половины всех преступлений совершается группировками преступников. А если в столице так неспокойно, то что говорить о других регионах. И снова все тот же вопрос: кто нас защитит?

Сегодня мы вправе спокойно и трезво оценить качества советской милиции, без передержек и перехлестов, без кренов то в сторону непомерных и умилительных восхвалений, то в сторону осуждающих и ругательных обобщений. Сегодня мы вправе серьезно и открыто задуматься, почему нормальные и толковые люди в милицию не спешат, почему наряду с, безусловно, героями, готовыми подставить под пули грудь, в ее рядах оказываются приспособленцы, нравственные уроды, а то и просто преступные элементы?

Кто отвечает за кадровую политику в МВД? Почему даже в личном составе московской милиции сегодня не хватает около четырех тысяч человек или, как говорится, недокомплект увеличился более чем на 80 процентов по сравнению с прошлым годом? Почему за нынешние полгода сюда было принято на работу 1453 человека, а уволено за тот же период 1850, причем около тысячи милиционеров изгнаны из органов внутренних дел за пьянку, аморальные поступки, предательство?.. Есть факты, когда во главе бандитских формирований становятся профессиональные милицейские работники отнюдь не низших чинов — такие случаи отмечались в Донецке, Иркутске и других городах... А сколько из них срастились с преступным миром и безбедно живут, торгуя информацией, чем сводят на нет огромные усилия в оперативно-розыскной работе. «Будь ты проклят!» — говорил одному из таких предателей капитан Жеглов в небезызвестном фильме братьев Вайнеров «Место встречи изменить нельзя». Допускаю, что и нынешнее поколение честных и преданных народу стражей порядка готово повторить эти проклятия, адресуя их тем, кто спекулирует милицейскими погонами, наживается на людском горе.

Руководители Москвы сейчас подготовили решение о мерах по широкому вовлечению общественности в укрепление правопорядка в столице. Возрождаются отряды дружинников, создаются различные органы самоуправления, активизируется деятельность опорных пунктов и групп содействия, намечена организация дежурств жителей во дворах и подъездах. Безусловно, такие действия оправданы сегодня — экстремальные обстоятельства требуют чрезвычайных мер. Только не надо успокаивать себя, что это раз и навсегда найденный выход из положения, а борьба с преступностью по известному принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих» — панацея от всех бед.

Конечно, можно поставить возле каждого подъезда сознательного пенсионера, но кардинального решения все обостряющейся проблемы не произой-

дет. Если решать задачу в государственном плане, то нужна и государственная организация высококлассных и, если хотите, высокооплачиваемых профессионалов. Смехотворные оклады оперуполномоченных сегодня уже никого не смешат. Парадокс, но дешевая милиция крайне дорого обходится государству! Опыт жизни диктует: здесь нужны смелые и радикальные преобразования. Пусть свое слово скажут новый парламент, народные депутаты.

...В кабинете заместителя начальника Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома по уголовному розыску генерал-майора Алексея Прохоровича Бугаева на Петровке, 38, то и дело звонит телефон. Вот еще одно сообщение, характерное для этих дней. В полдень совершено разбойное нападение на одну из московских квартир, похищено имущество, имеются жертвы...

— Какова вероятность найти бандитов? — спрашиваю генерала.

— Достаточно высокая,— отвечает мой собеседник,— при получении подобного сигнала включается целая система поиска, в которой задействовано немало человек. МУР сегодня хорошо изучил стратегию и тактику имущественных преступлений, его специалисты знают все орбиты, на которые так или иначе должен выйти преступник.

— В послевоенные годы, случалось, убивали за буханку хлеба, сейчас иная корысть?

— Куда там... Конечно, акценты сместились. Преступная идеология по-своему интерпретирует модный нынче лозунг «Экспроприация экспроприаторов», буквально идет охота на дорогостоящие компьютеры, видео- и радиотехнику, ювелирные изделия. Как это заработано — честным или нечестным трудом, их, понятно, не волнует.

— И все-таки чем объясните рост преступных проявлений, покушений на жизнь человека?

— Общество не изжило в себе старую, запущенную болезнь, имя которой перегиб и кампания. Естественная в демократическом процессе начала перестройки гуманизация уголовного законодательства вышла за рамки разумных пределов, постепенно превращаясь в безнаказанность. А это очень сильный импульс для стимулирования вспышек преступной активности. Вот один из примеров. В первом квартале нынешнего года 45 процентов всех происшедших в Москве случаев противоправных хулиганских действий были переданы милицией на рассмотрение товарищеских судов. Хулиган тотчас почувствовал слабинку, сориентировался в окружающей среде и распоясался.

— Вы хотите сказать, что единственный путь к стабилизации, погашению преступных вылазок — курс на ужесточение?

— Не единственный... Но всякое действие усиливает противодействие. Мы, например, не можем мириться с тем обстоятельством, что каждый год гибнут десятки людей в милицейской форме, чьи руки в применении оружия скованы устаревшими инструкциями и несовершенным законодательством. Известно, что подготовлены проекты изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательства, направленные на ужесточение ответственности за совершение преступлений организованной группой. Расширяется спектр источников доказательств, что значительно облегчает оперативно-розыскные действия. В частности, можно будет использовать видеофотоматериалы, звукозаписи. Должен сказать, что лидеров преступного мира ожидает еще ряд неприятных для них сюрпризов.

— Если следовать вашей логике, что общество, лишенное элементарной человеческой культуры, бросается из одной крайности в другую, то не станет ли ужесточение со временем очередной кампанией?

— Целиком разделяю эти опасения. Вся надежда, что мы все-таки умнеем год от года и должны же когда-нибудь стать цивилизованным государством.

— Словосочетание «организованная преступность» нам давно известно... А кто, по вашему мнению, в рядах организаторов? Какая среда питает наших доморощенных мафиози, кто направляет их, руководит их действиями в широком масштабе?

— Если кто-то считает, что за спиной преступного мира стоят только тюремные паханы с татуировкой на спине, глубоко заблуждается. Вся совокупность негативных процессов, сеющих в стране хаос, панику, анархию, питается от одного корня. Трагедии, вызванные стачками на межнациональной почве в различных регионах страны, экстремизм примазавшихся к демократическим волеизъявлениям людей на митингах, в ходе других публичных акций, наконец, раздутая до невиданных масштабов преступность умело направляются силами, которые упорно сопротивляются перестройке. Организаторов надо искать во всех звеньях командно-административной системы, а то и в высших эшелонах власти. Угрозыск сегодня не просто ловит жуликов и бандитов — он участвует в политической борьбе. И это накладывает на нас особую ответственность.

— В ходе разрабатываемых в Москве мероприятий высказываются варианты материальной помощи органам правопорядка. Руководители и советы трудовых коллективов многих предприятий и организаций заявляют о готовности выделить вам средства, некоторые из них готовы предоставить транспорт, вычислительную технику. Как вы относитесь к такой форме народной поддержки?

— Положительно, но с серьезными оговорками. Кое-кто пытается субсидировать работу угрозыска и ОБХСС, может быть, из благих, искренних пожеланий, а может быть, вынашивая тайную мысль купить их на корню. Если кто-то хочет перечислять деньги, пусть перечисляет. Но только не на счет районных и даже городского управлений МВД. Есть разговоры о создании городского общественного фонда правопорядка — это другой вопрос. А вообще, на мой взгляд, необходима Государственная программа по профилактике преступности, объединяющая усилия всех слоев общества. Мы слишком разобщены в этом мире — надо консолидироваться!

...Надо консолидироваться, надо объединяться! Как жестоки реалии, в которых сегодня живем, как нелегок выбранный путь к горизонтам демократических свобод, как безжалостно насилие во всех его проявлениях! Что противопоставим ему — ответный взрыв жестокости и гибельного террора или ум, волю, доброту, незыблемое почитание нравственных принципов и законов.

Я видел в МУРе собранные в кучу горы несметных богатств, отнятых у современных злодеев, жуткие фотографии, на которых запечатлены жертвы кровавых убийств, слушал рассказы бывалых оперативников о страшных приемах, на которые способны пойти бандиты...

Надо консолидироваться... Как-то нерешительно и стеснительно ведут себя пока в борьбе с преступностью органы государственной безопасности. Преступный мир должен же наконец на своей шкуре ощутить, что КГБ — это не только архитектурный ансамбль монументальных зданий в центре Москвы, но и высокий боевой профессионализм, правовой интеллект, способность мгновенного подавления черных сил.

Надо объединяться... Приходится сознавать, что сегодняшний бой с преступностью — еще одно серьезное испытание, выпавшее на долю выстраданной нами перестройки.

Александр БОЛОТИН

ПРОШУ СЛОВА!

КАК ПРОРЕЖИВАТЬ «МОРКОВКУ»

Открытое письмо Вадиму Кожинову

Если судить по статье «Позиция» и понимание» в «Литературной России» от 28 июля с. г., очень не понравилось Вам, Вадим Валерианович, как выступили и о чем говорили на Съезде народных депутатов А. Адамович, Ю. Черниченко, Г. Попов и Ю. Афанасьев. Легко можно представить, как азартно поддержали бы Вы тех, кто дружно захлопывал этих выступающих в кремлевском зале. Не были там — с тем большим напором проделали Вы это в своей статье. Зато у Вас была возможность заглянуть в прошлое некоторых из названных лиц: что и как писал, например, Юрий Афанасьев, когда, по его же самокритичной характеристике, цитировавшейся даже в «Правде», мы «сидели в дерьме»...

Про себя, например, я узнал от Вас, что в прежние годы только тем и занимался, что переиздавал «очередную книгу о зверствах немцев». То есть ругал тех, кого можно было ругать, и это лишь поощрялось. Без всякого намека, как Вы пишете, «на безмерно трагедийную судьбу народа в *довоенные* десятилетия». Вы даже цитату привели, очень удачно усеченную, изъяв из нее рассказ о том, как мы, жители белорусского поселка Глуша, где почти сто человек были репрессированы (кстати, все сугубо рабочие люди, стеклодувы заводские, а не начальники «Штокманы» — вопреки Вашему взгляду на 1937 год), читали немецкие брошюры о кровавых «застенках ОГПУ» и как, зная, что это правда, истово старались заглушить боль очевидного, чтобы она не заглушала в нас ненависть к оккупантам,— «Яростно удерживали в себе довоенное» — вот это Вы процитировали уличающе.

Вы хотите уверить сегодняшнего читателя, что жестокую правду народных рассказов о пережитом, из каких состоят «Блокадная книга» и «Я из огненной деревни», начальство и Главлит принимали на «ура», что такая правда поощрялась, что печатать «Карателей» или «Хатынскую повесть» было легче легкого. И столь же безопасно, как ругать Рейгана, по Вашим словам. Этого мы с Я. Брылем и В. Колесником как-то не ощутили, когда начали предлагать главы из «Огненной деревни» в Минске, а затем в московские журналы. Не редакторы даже, а лица повыше тут же нашли угрожающе-запрещающие формулировки: «сплошь жертвы», «жертвенность и никакого героизма»! «Это же очередной ГУЛАГ, хотят показать и доказать, что победа наша была Пиррова!» Ленинградский секретарь Романов, прослышав, какую мы с Д. Граниным книгу делаем, чуть ли не кордоны ставил на подступах к Ленинграду («Хватит ленинградцам плакать, строить надо!»).

А когда «Блокадная книга» попала в «Новый мир», она вдруг была затребована наверх (теперь, думаю, не с подачи ли ленинградского руководителя?) и исчезла в каком-то идеологическом столе, да так, что семь месяцев вернуть не могли. Ну, а что семь лет мешали Элему Климову начать работу над фильмом по «Хатынской повести», все о тех же «зверствах немцев»,— это общеизвестно.

Я мог бы и дальше поразубеждать Вас, но тоже подумал: а не лучше ли вместе с Вами вспомнить, как на такие вещи смотрел (не теперь говорит, а тогда смотрел) критик Вадим Кожинов? Раз это модно — вспоминать, кто и что говорил или писал в годы застойные. Кто был герой-оппозиционер, а кто, как формулирует Ю. Афанасьев, сидел... в этом самом. Давайте вместе вспомним Ваш спецвояж в Минск, в академический Институт литературы имени Я. Купалы, сразу же после того, как разогнали «Новый мир» Твардовского. Судя по выступлениям перед нашим коллективом, приехали Вы крепить связи с «братьями-славянами», ну и кое-что разъяснить, чего провинция недопонимает. Например, что незачем скорбеть по «Новому миру», журнал этот ничуть не лучше кочетовского «Октября» и даже менее патриотичный.

«А вы не мародеры случайно?» — спросили у Вас не очень дипломатично. Уже тогда мы с Вами как-то плохо понимали друг друга. И особенно разошлись в вопросе о том, как надо писать о войне, а также о «морковке». Но о «морковке» чуть позже, а пока вспомним, что Вы говорили перед немалой академической аудиторией о военной литературе: «Ну что ваши Быков и Адамович все о жертвах и страданиях в годы войны?! Вот я помню плакат тех лет: «Родина-мать зовет!» — так надо писать об Отечественной. Чтобы цель не терялась, масштабы событий»... и т. п. А мы Вам, помните, посоветовали хотя бы в Хатынь съездить, чтобы понять, какими жертвами народ оплатил эти «масштабы».

Когда Иосиф Сталин вывел на листочке бумаги цифру «7» вместо двузначной — цифру наших потерь в Великой Отечественной («Не надо огорчать героический советский народ!»), когда белорусский партийный идеолог Станислав Пилотович определял, сколько и какому району «иметь» Хатыней («У них сколько сожгли — тридцать семь? Хватит семь! А этим — три»), они тоже заботились о масштабах побед. И не очень стремились, чтобы люди помнили также и о масштабах страданий и потерь. При таком гениальном генералиссимусе потери оказались в несколько раз выше, чем у противника. Это как объяснить? Потому так нелегко и утверждалась в свое время литература Быкова, Бакланова, Константина Воробьева, тогдашнего Бондарева, Кондратьева, ну а трагическая народная память о войне приветствовалась и того менее. Вот если бы так, как на плакатах,— это и их, конечно, устраивало, тогдашних идеологов.

Но поговорим о «морковке». Это уже прямо касается трагедийной, как Вы пафосно пишете, судьбы народа в довоенные годы. Если чьи-то слова меня когда-либо и потрясли на десятилетия вперед, так это Ваши — о «морковке», на той нашей встрече. Кто-то из присутствующих, почувствовав слишком лояльное отношение столичных гостей к вдохновителю и организатору всех наших побед, напомнил именно о довоенном: уничтожил все командование, у нас в Белоруссии почти всю интеллигенцию, писателей. Вы, Вадим Валерианович, заботливо поинтересовались: «Купала остался? Колас уцелел? Кто еще — Кузьма Чорный, Кондрат Крапива?.. Ну вот видите, самые-самые. *Умная умелая хозяйка сама морковку прорывает, прореживает на грядке, чтобы мелочь крупную не заглушала*». Мы в своем институте часто потом эти Ваши слова вспоминали, так что многие могут подтвердить. Я сам дважды в статьях ссылался на это потрясающее высказывание, не называя автора.

Ну а если вернуться к названию Вашей статьи, порассуждать о «понимании» и «позиции», то есть о постоянстве или конъюнктурности наших взглядов, то я скорее подчеркнул бы именно постоянство Ваших — и на «морковку» и на прочее — взглядов, их неизменность в самой основе, по крайней мере со времени Вашего посещения Минска. И, согласитесь, что наши с Вами «позиции» и наше «понимание» по отношению друг к другу всегда были на изрядном отдалении, если не полярные. В этом смысле и у Вас ко мне больших претензий не должно бы возникнуть. Если судить объективно.

Так что, Вадим Валерианович, извините, но что бы Вы ни писали сегодня, о чем бы ни говорили и какие бы ошеломляющие цитаты ни приводили, я все это невольно накладываю на те наши споры-беседы — и особенно — на Ваш пассаж о «морковке». Тем более что оснований и поводов к реанимации прошлого даете сколько угодно. Никто так не последователен, не настойчив в прореживании нашего литературного и вообще интеллигентского поля: наш, не наш, категорически и навеки не наш, изначально чужой!.. Особенно невыносимы, на Ваш взгляд, те, кто никак не хочет следовать «высокому жребию» исторической исключительности и сманивает общество в сторону банального «правового государства». Ну так посмотрите (цифры, цифры), какая преступность ждет нас на этом пути! Какие беды и потери. «Не-наши» народные депутаты даже земледелие совращают на столь же не-нашенские пути всякого там фермерства (цифры, цифры) — ни к чему нам все это! У нас свой опыт: тысячелетний плюс семидесятилетний. Обойдемся и этим. Наладить сохранность произведенного колхозниками, а там можно и не менять ничего всерьез. Как будто одно не связано с другим: что хранить-оберегать, если оно и в борозде ничейное, и в овощехранилище?

Пишу я Вам из Ставропольского края, урожай здесь в этом году исключительный, поля и налаженность многих хозяйств сравнительно приличные, так что действительно здесь можно прожить еще с помощью мелкого ремонта колхозной системы (внутриколхозная аренда и тому подобное). Ну а Нечерноземье? Десятки миллиардов за пятилетку ухнули, где отдача? Если еще двести — триста миллиардов бухнуть туда, где некому их принять и к делу приложить — практически земледельца нет, извели, и денежки идут в основном на агроаппарат,— не впустую ли это потраченные не просто деньги, а годы, которых у нас еще меньше, чем денег в запасе?! Надо, чтобы средства шли именно русскому крестьянину, а не все тому же аграрно-бюрократическому спруту.

Или будет так, как в Белоруссии с радиацией боролись все эти три года: платили людям и строили дома, дороги, сотни миллионов вложили в безнадежное дело — заставить людей жить *там, где жить нельзя*, невозможно. Не более перспективное это занятие сегодня: снова и снова заставлять людей жить и работать *так, как жить и работать нельзя*.

Да нет, не выйти нам на истинную перестройку экономики и жизни, пока не поставим сельское хозяйство на рельсы *самодвижущегося* (а не вечно подталкиваемого) производства. А это невозможно, если не изменить по-настоящему формы собственности на земле, производственные отношения в деревне. В Нечерноземье — в первую очередь. Трудно не согласиться с Н. Шмелевым («Литературная газета» от 26 июля с. г.): «Но что касается нашей многострадальной Центральной России, где крепостническая колхозная идея уже настолько скомпрометирована, то здесь я не вижу, и писал об этом, другого выхода, кроме как возврат земли крестьянам (право на отрубá должно быть), организация мелких производственных кооперативов, вообще производственного кооперативного движения».

Вы, Вадим Валерианович, неосторожно и неудачно — не на Ваши взгляды это работает — процитировали инструкцию немецкого военного коменданта: об обязательном сохранении колхозных порядков с начислением трудодней и тому подобное. Еще бы, что могло быть удобнее для оккупационных властей: народу нашему трудодни — «палочки», к которым он привык и до войны, а оккупантам — урожаи, молоко, мясо!

Сталин разгромил наше крестьянство, можно сказать, *оккупировал* его, «гарнизоны» установил — все эти репрессивные политуправления при МТС, да и сами колхозы, из которых не выйти было, как из заключения. Не освободив окончательно деревню от сталинского оккупационного режима, от всех последствий его, не поднять нам сельского хозяйства, а значит, и перестройку.

Вы строго распорядились: о «правовом государстве» — про это можно и «не-нашим» писать, а вот в деревенские дела ни шагу, мы тут законодатели. И вообще мы первые. Нарушал и нарушу Вашу регламентацию, Вадим Валерианович. На Съезде сказал, а еще раньше — при встрече М. С. Горбачева с интеллигенцией в январе этого года про это же говорил и сейчас еще раз скажу. Многие поддерживают требование — квалифицировать раскулачивание как беззаконие. Однако в некоторых письмах мои корреспонденты в угоду все еще старым взглядам (к ним я обращаюсь здесь) так аргументируют незаконность раскулачивания: у моего отца или деда было всего лишь столько-то коров и лошадей и столько-то гектаров земли. Получается, что если у кого больше было, тех «законно ликвидировали», а вот моих — не по закону. (Так и у Вас, Вадим Валерианович, получается: тех, кого не в начале тридцатых годов, а в конце замучили,— «по делам вору мука!».)

Да нет, все раскулачивание, сами методы коллективизации были беззаконием, а многое — просто преступлением против человечности. И это должно быть заявлено на высшем партийном и государственном уровне. (С этим я и обращался на Съезде к Комиссии Политбюро по реабилитации, возглавляемой А. Н. Яковлевым.) А иначе не дозваться нам, не докричаться до нового земледельца. Сталинский удар по крестьянству был слишком силен, если не смертелен. И психологически тоже. Чтобы деревня вернулась сама к себе, нужен полный, принципиальный разрыв со сталинизмом и здесь. Я лично верю, что литовский крестьянин-фермер через три — пять лет будет кормить себя и республику не хуже, чем датский. Хотя средств на это государственных будет затрачено значительно меньше, чем там, где будут (если будут) пытаться с помощью миллиардов и громких призывов уговаривать деревню жить и трудиться в прежних формах сталинского земледелия.

Впрочем, это обращенный не к Вам, Вадим Валерианович, разговор, а всего лишь продолжение того, что не успел сказать на Съезде. На котором мы Вам так не понравились. Ну что ж, как говорится, не было других печалей. Нравится заниматься прореживанием наших грядок, прополкой литературной и всякой иной «морковки» — занимайтесь этим по-прежнему, если не скучно. Даже Ваше обращение к работе Съезда — это все тот же разговор, недавний, те же «литературные игры», всем изрядно опостылевшие. Глядишь, проглотят под полюбившимся сегодня соусом, съездовским, прежнее кушанье! — вот весь пафос статьи в «Литературной России».

Едва ли не самое великолепное в статье — уроки, которые дает автор Г. Попову и Ю. Черниченко, и в области не литературоведения, а в научно-экономической. Есть ли на свете что-нибудь, чего Вы не знаете, Вадим Валерианович, или знаете хотя бы хуже других?

Да, еще в Вашей статье содержится совет людям «солидным» держаться подальше от Юрия Афанасьева. Недостоин-де. Что ж, будем считать, что сотни тысяч избирателей, которые подавляющим числом голосов сделали его своим представителем на Съезде народных депутатов, поступили опрометчиво. Как и те, которые столь же единодушно отказали в доверии Вадиму Кожинову. Ну, Вы здесь не единственный, кто хотел назначить себя любимцем народа, выразителем его чаяний,— ан не подтвердилось.

Алесь АДАМОВИЧ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья-читатели, эта колонка вызвана желанием ответить на многие вопросы, которые вы задаете нам и которые мы задаем сами себе.

Вы спрашиваете, почему нелегко подписаться на приложение к «Огоньку», а мы вынуждены вам отвечать, что тираж приложений определяется не нами.

Вы спрашиваете, почему журнал доставляется не вовремя, а мы отвечаем, что договор с Министерством связи подписали не мы.

Вы спрашиваете, почему «Огонек», как правило, не принимает и не реализует выгодные предложения из-за рубежа. Мы грустно пожимаем плечами, так как официально лишены права открывать собственные счета и распоряжаться ими. Что нам, спасибо, позволено, так это умножать издательские доходы. Нас не обременяют заботами о распределении этой прибыли; более того, нас не очень и поощряют к тому, чтобы она была побольше. Если мы уж что-то немыслимо перевыполняем, то можем получить малую толику такой сверхприбыли. Если разрешат...

Являясь одним из крупнейших и популярнейших еженедельников в сегодняшнем мире, мы связаны по рукам и ногам путами застойных законов, которые и сегодня неодолимы. Горько, но это так. Когда я вижу, как люди, работающие в одном из, повторяю, крупнейших еженедельников мира, принося огромные финансовые прибыли, сами едва сводят концы с концами, то думаю, чем же можно объяснить такое упорное пренебрежение неоднократно провозглашенными экономическими принципами перестройки?

Мы даем несколько десятков миллионов рублей прибыли ежегодно. При этом в редакции трудятся 13 человек, получающих менее ста рублей в месяц; 13 человек получают менее ста пятидесяти рублей. Мне очень хочется, чтобы тот, кто учреждал эти зарплаты, сам попробовал на них выжить, да еще с семьей, где есть дети. Понятие социальной справедливости нельзя уводить в абстракции, оно конкретно. Именно его нарушением объясняю я тот факт, что люди, работающие для «Огонька» часов по десять ежедневно, оплачиваются столь неблагодарно.

Знаете, можно было бы и потерпеть, мало ли мы терпели. Ожидание светлого будущего является делом привычным. Но ведь ожидать-то велят не всем. Относительно недавно заработная плата, условия труда и многие льготы улучшены, но исключительно для партийной прессы. По служебной терминологии партийными изданиями считаются газеты и журналы, являющиеся изданиями партийных органов разного уровня (вы простите уж за эти издания изданий, но здесь всё с вывертами). Возникает вопрос о том, кто же такие мы. На совещаниях в ЦК всем указывают и со всех взыскивают одинаково. В издательстве ЦК КПСС «Правда» на равных, казалось бы, печатается много газет и журналов. Но при этом кажущемся равенстве одни определенно равнее других. Порядок поддерживается, как в доброй патриархальной семье, питающейся из общей миски, где отец первым берет ложку и бьет по лбу тех, кто намеревался прежде него тронуть кашу. Собственно говоря, дело не в каше, а в той уверенности, с которой продолжает действовать старый ведомственный, а не хозяйственный, не конкретно деловой принцип. Всех расставляют по ранжиру, соблюдая исключительно ведомственный подход, и после этого велят не обострять разговоров о социальной справедливости. И так, мол, обострено. Еще бы! Но самое главное в том, что, сведя принцип партийного руководства к праву решать по своему разумению, можно основательно повредить принципу партийного руководства. Люди, живущие не очень благополучно, с пониманием относятся к состоянию общей беды: перетерпим, мол, не впервой. Люди, вынужденные снова и снова спрашивать «почему?» и не получающие вразумительного ответа, начинают объяснять случившееся друг другу, и не всегда с умиротворенных позиций.

Нам очень нужна была поддержка, когда без всяких административных содействий за последние несколько лет подписка на «Огонек» возросла во много раз. На ничью, кроме читательской, благодарность мы и не рассчитывали, ничьих восторгов и не последовало. Так, пару раз пожурили, ничего особенного. В прошлом году за увеличение тиража нами была получена единственная награда: у «Огонька» забрали четыре полосы цветных вкладок и резко сократили розничную продажу: попробуйте-ка приобрести «Огонек» в киоске...

Партийным изданиям в последнее время помогли многим: повысили, добавили... Мы сочувственно и без зависти наблюдали за этим. Надо — значит надо; возможно, и следует в первую очередь помогать тем, у кого не ладится, кто теряет сотни тысяч подписчиков ежегодно. Мы впервые попросили о хозрасчете. И получили первый отказ. Отказали нам и в кадровом пополнении, хоть штатное расписание «Огонька» несравнимо ни с одним из поощренных изданий. Одновременно нам напоминали, что сравнима у нас с другими изданиями только ответственность. И это прежде всего.

Что касается кадровых проблем, то нам разрешили уволить несколько сотрудников, поделив высвободившиеся зарплаты на всех. Тоже способ, но я никак не пойму, почему нам надо латать чей-то парадный китель, отрезая на заплаты для него от своего единственного костюма. Есть ведь другие рецепты, вызревшие в перестройке, провозглашенные ею.

Мы просим о хозрасчете. Раз за разом нам отказывают. В каждом ответе из высокого-превысокого директивного органа сквозит главный тезис: погодите, вам скажут, вот всем повысят, и вам достанется... Нас приучают стоять в тихой очереди, усвоив, что лишь одна воля начальства, а не производственные результаты определяют уровень бытия. Мы повели переговоры с зарубежными фирмами, предлагающими за очень большие деньги печатать в «Огоньке» свои рекламные объявления. Недавно из той же высокой директивной инстанции нам разъяснили, что при таких публикациях половину прибыли от них могут оставлять себе партийные издания и только они. А мы-то чьи? Если уж партия трудящихся объединила нас, то почему не результаты труда оцениваются в первую очередь? Истина простейшая, и напоминаю о ней лишь для того, чтобы еще раз показать, сколь многообразны формы стимулирования и подавления, которыми владеет бюрократический аппарат, проверенный во многих сражениях. Проблема универсальна. Сегодня, когда в коллективе понемногу стихают доверчивые мечтания о хозрасчете, нам становится куда понятнее, каково же колхознику, желающему выделиться в аренду, если колхозному начальству выгоднее держать его в своем здоровом производственном коллективе, ссыпающем прибыли в глубокий безымянный карман. Проблема эта общегосударственная, из-за нее споры о хозрасчете не раз уже принимали характер настоящих сражений. Снова и снова возвращается мысль, что работать послушно, хоть спустя рукава, не так уж и плохо, а делать популярный журнал невыгодно и накладно. Ведь при прежнем, милом «Огоньке» и с начальством отношения складывались превосходно, и свободного времени бывало достаточно.

Не хотим быть прежними. Не будем прежними. Но слухи о нашем богатстве, если перефразировать известную мудрость, идут прежде всего от того, что мы готовы расплачиваться за все. Мы и расплачиваемся. Мы и делаем журнал, который дорог нам, как главное дело жизни, за который нам не стыдно ни перед вами, ни перед собой. А нас пугают, что отлучат от типографии, от всех видов социально-бытового обслуживания, от аренды помещений, если мы будем настаивать на хозрасчете. Будто не нашими прибылями оплачено все это. Будто главное в общем деле, которым мы заняты, слушаться и ничего не менять. Будто в этом и есть высокий принцип руководства, который превыше всего.

В каждой строке директивных ответов нас отделяют от современного подхода к делу, требуя послушания прежде всего, поскольку «всем остальным будет объявлено...». А мы не хотим, как все, и, судя по всему, смысл проблемы именно в этом.

Все, написанное выше, я предлагаю вашему вниманию, выполняя решение открытого партийного собрания редакции «Огонька», обязавшего меня выступить в журнале с такой колонкой.

Виталий КОРОТИЧ

■

В № 19 1988 года в «Огоньке» было опубликовано письмо, подписанное О. Басилашвили, П. Кадочниковым, А. Нестеровым, В. Соколовым, в котором шла речь о судьбе ленинградцев, переживших блокаду, о том, «что мы сделали и что еще можем сделать, пока не поздно? Век блокадников истекает». Выражалось в письме и убеждение в том, что блокадники должны быть объединены в союз или общество — иначе говоря, в самостоятельную общественную организацию, способную решать проблемы, связанные с теми, кто пережил страшные 900 дней и ночей.

И вот в нашем городе создано, наконец, добровольное общество «Жители блокадного Ленинграда». Но память о блокаде — это не только память участников и очевидцев героической обороны Ленинграда. Это память всей страны. Поэтому мы хотели бы, чтобы об учреждении этой организации знали все советские люди и в первую очередь жители блокадного города, которых судьба разбросала по всей стране.

Правление общества

■

В областном центре республики г. Гомеле чудом сохранился единственный в Белоруссии православный кафедральный Петропавловский собор, памятник архитектуры начала XIX века. До 1960 года собор был в ведении Русской Православной Церкви и находился в образцовом состоянии. 30 октября 1960 года было принято решение горсовета «О использовании собора по прямому назначению и устройстве в нем планетария и маятника Фуко». Не будем комментировать это решение.

Недавно прекратил за нерентабельностью свою деятельность и планетарий. Встал вопрос о дальнейшей судьбе собора, и Гомельский горсовет принял решение разместить в памятнике архитектуры, истории и культуры, в исконно православном соборе концертный зал органной музыки. Такое намерение, к сожалению, нельзя считать правомерным и хорошо продуманным.

Передавать культовые здания каким-либо организациям следует только в тех случаях, когда их нельзя использовать по прямому назначению. В данном же случае в горсовете имеются тысячи слезных прошений верующих вернуть их кафедральный собор, к тому же община верующих зарегистрирована соответствующими инстанциями.

БЫТЬ ЛИ КАФЕДРАЛЬНОМУ СОБОРУ? ●
ГЛАСНОСТЬ — МНЕНИЕ ДЕПУТАТА ●
КАК НАЗВАТЬ ГОРОД ●

Открытие в соборе концертного зала не является наилучшим решением, так как установка органа, которого там не было, приведет к искажению интерьера собора. Органная музыка всегда была неотъемлемой чертой католической церкви, и, конечно, в православном соборе византийского, а не готического стиля орган будет выглядеть и звучать неестественно.

Кроме того, в городе с полумиллионным населением более целесообразно построить универсальный концертный зал, где могла бы звучать и классическая, и народная, и эстрадная музыка. Только таким образом можно приобщать слушателей, особенно молодежь, к искусству во всем многообразии его жанров.

Надеемся, что назревший вопрос о передаче собора религиозной общине будет решен.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, Сергей МИХАЛКОВ, Иван КОЗЛОВСКИЙ, Людмила ЗЫКИНА, Илья ГЛАЗУНОВ, Никита ТОЛСТОЙ, Михаил САВИЦКИЙ, Иван ШАМЯКИН, Сергей БОНДАРЧУК, Борис РАУШЕНБАХ, Василь БЫКОВ, Заир АЗГУР, Иван ЧИГРИНОВ, Виталий СЕВАСТЬЯНОВ, Петр КЛИМУК, Людмила КАСАТКИНА

■

Сейчас много говорится, пишется о гласности, демократизации, перестройке. Однако все чаще на местах слышишь: да где она, эта перестройка,— как все было, так и осталось, даже еще хуже стало. Одна из причин, по-моему, неверие людей в перемены — отсутствие гласности. Возьмем местную печать. Когда 4 года назад центральная пресса, телевидение начали прямой, откровенный разговор о наших недостатках, то мы на местах надеялись, что этот разговор продолжит и местная печать, потому что недостатки, имеющиеся в стране, присущи любому городу, району, предприятию. Но районные, городские да и областные газеты сделали вид, что ничего этого на местах не было и нет. Из центральной прессы люди узнают правду, но попробуй кто-нибудь заикнись, что в городе, области тоже блат, коррумпированность милиции, бюрократия, невнимание к людям со стороны властей,— ему быстро докажут, что он не прав, обвинят в демагогии, в сотне смертных грехов... Правда, есть люди, которые путем неимоверных усилий добиваются, находят правду, но какой ценой, сколько же нервов на это тратится? Как все это изменить и кто виноват? Газеты?.. Журналисты?..

Возьмем, к примеру, нашу «Вышневолоцкую правду» — орган ГК КПСС, городского и районного Советов. Жители города, не скрывая, говорят, что газета явно приукрашивает действительность, частенько трубит в фанфары: выполним и перевыполним, доблестным трудом и т. п. Видит только то, что не боязно и удобно увидать, и уходит в сторону от самых острых социальных конфликтов. Казалось бы, все ясно — виноваты журналисты. Но нет. Лично знаю, что журналисты не мирились и не мирятся с таким положением. Они пишут остро, злободневно, с гражданской смелостью. Но... До читателей эти статьи не доходят, их не пропускают. Таких примеров много: выбрали рабочие электросетей сами директора, но его не утвердили вышестоящие органы — газете не дали об этом писать; объявил голодовку в знак протеста рабочий — тоже запрет; экологическая тематика — тем более и т. д. А если что и выходит в печать, то в сглаженном виде и уже не затрагивает никого. Читаем в «Калининской правде» от 2 апреля 1989 года мнение самих журналистов по этому поводу. Они прямо говорят о давлении, которое оказывалось на газету со стороны горкома и его первого секретаря, о том, что на целый ряд материалов накладывалось вето.

Запрещено публиковать и любые мои материалы. Я являюсь депутатом горсовета, но не могу обратиться к жителям города через газету. Так о чем могу рассказать своим избирателям? О том, что где-то в Магадане дело сдвинулось к лучшему? Или о том, как народоуправление набирает силу в Москве, Ленинграде? Но ведь люди ждут перемен на местах и, пока не увидят их, не поверят ни в какую перестройку.

А. ИСАКОВ,
фрезеровщик
опытно-экспериментального завода,
депутат горсовета
Вышний Волочек

■

Сколько же безвкусицы встречается в наших названиях, или ничего не говорящего ни уму, ни сердцу, а нередко просто необъяснимого и даже несправедливого!

Вы едете из Москвы по Ленинградскому шоссе. Проехав три четверти пути к Ленинграду, видите справа стрелку, указывающую на птицеферму, а по-русски курятник, под названием «Гвардеец». В Ленинграде вы спрашиваете дорогу к станции «Площадь Ленина» метрополитена имени Ленина. Вечером идете в Академический театр оперы и балета имени Кирова. Почему Кирова? Что он, пел? Танцевал? Сочинял музыку?

А в одном из областных центров Украины есть Парк культуры и отдыха имени Богдана Хмельницкого. Снова нет смыслового единства объекта с данным ему именем. А театры имени Ленсовета или Моссовета? Почему одно учреждение надо величать названием другого, в корне от него отличающегося? А проспект 50 лет ВЛКСМ, например, в Харькове? Или вот аграрно-торговое предприятие имени 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции (в Крыму)? В честь того или иного выдающегося исторического события, конечно, можно называть площади и торговые предприятия. Но почему надо увековечивать годовщины этих событий?

Диву даешься, как это мы до сих пор не переименовали Третьяковку, или Эрмитаж, или Киево-Печерскую лавру? Манеж вот назвали Центральным выставочным залом, а заодно и Манежную площадь осовременили и придали ей идеологическую нагрузку: имени 50-летия Октября! А тут уже и 60 пролетели, и на подходе 72. А ты вспоминай 50. Почему?

Цель этого письма — поставить два совершенно конкретных вопроса.

Подмосковный Калининград... А еще имеется другой Калининград. Зачем стране иметь два города с одним названием? В подмосковном Калининграде расположен Центр по управлению космическими полетами. Это известно всему миру: американцам, французам, индийцам — всем, с кем осуществлялись совместные полеты. Будучи в свое время заведующим Отделом печати МИД СССР, я сам возил туда иностранных корреспондентов.

А Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на Волхонке... Пушкин — явление необычайное для русской литературы и всей мировой культуры. Но какое отношение имел Пушкин к этому музею, открывшемуся через 75 лет после его смерти? Эту «жемчужину подарил нам Цветаев, какая экспозиция! Как продуман каждый шаг!» — говорил Илья Репин в год открытия музея. Да, все это сделал крупный ученый профессор Иван Владимирович Цветаев, 24 года безвозмездно созидавший музей, строил, собирал коллекции, по существу, посвятил этому делу жизнь.

Не пора ли присвоить музею изящных (изобразительных) искусств имя, законно ему принадлежащее?

В. СОФИНСКИЙ,
посол СССР
в Республике Бурунди

■

Многие подписчики испытали 8 августа легкий шок, узнав, что с нового года будут реорганизованы некоторые газеты и журналы: одни ликвидированы, другие объединятся между собой, третьи превратятся из газет в еженедельники и т. д. Естественно, при этом изменится концепция печатного издания: его «лицо», тематика, круг авторов. Что делать нам, сотням тысяч читателей, которые уже подписались на «свои» газеты и журналы? Ликвидировать подписку и потребовать назад деньги? Найти замену привычного издания новым?

Журналисты и социологи рассказывают, что «там, у них» издатели доходят в своей любви к читателю до того, что изучают его мнение и даже стараются учесть его вкусы и удовлетворить интересы. Издатель никогда не позволит изменить свои обязательства, не поставив заранее об этом в известность клиента.

«О чем Вы пишете,— спросит меня искушенный человек,— при чем здесь издатель? Судьбу центральных газет и журналов в нашей стране решает не какой-то там издатель, а высокий партийный орган: решение о реорганизации центральной печати принял ЦК КПСС». Вот именно поэтому и пишу. Как можно, провозглашая новые отношения уважения и согласия между властью и личностью, действовать в соответствии с худшими нормами, рожденными в период культа и застоя? Очевидно, что за порогом сознания идеологических лидеров осталось понимание того, что отношения между подписчиками и издателями носят договорный характер, при котором одна сторона уже выполнила свои обязательства и заранее заплатила за издание. А другая? «Советская культура», например, ничуть не смутившись тем обстоятельством, что число подписавшихся на нее уже достигло 150 тысяч, сообщила, что с нового года за прежнюю плату можно будет прочитать лишь половину сегодняшнего объема газеты. Вторую половину — в виде приложения «Экран и сцена» и «Архитектура»,— только доплатив 8 руб. 76 коп., ибо издание подорожало вдвое.

Не извинившись перед подписчиками, редколлегия мило обращается к своей аудитории: «Что думаете вы о концепции газеты?» Насчет концепции — не знаю, но хорошо представляю, что думают читатели о беспардонности такого решения.

«Экономическая газета», которая поднимала сложные актуальные вопросы экономики и обсуждала их на высоком профессиональном уровне, теперь должна превратиться в популяризатора-массовика. Ее читатели — экономисты и управленцы, которым в условиях перестройки придется труднее, чем многим другим профессионалам, лишаются своей профессиональной газеты.

Постановление ЦК КПСС относится к центральной ПАРТИЙНОЙ печати, но затрагивает оно не только коммунистов. Ведь среди читателей, финансирующих эту печать, большая часть беспартийных. Понятно, когда прекращается издание журналов, потерявших подписчиков. Но почему газета, находящаяся на подъеме, увеличившая свой тираж и подписку, резко меняется, по сути, становится другой?

М. ПОПОВА
Москва

■

Ознакомившись с проектом Закона «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР», пришел к выводу, что авторы стремились создать такой закон, чтобы была исключена любая возможность появления среди депутатов «людей со стороны». Именно по этой причине лишены права выдвижения кандидатов миллионы неработающих жителей России (пенсионеры, инвалиды), которые не являются членами органов общественной самодеятельности. А таких людей среди пенсионеров большинство. Кстати, что такое орган общественной самодеятельности? Что вкладывается в это понятие?

Могут ли граждане проявить инициативу и, собрав в пользу того или иного кандидата 30—50 подписей жителей района, зарегистрировать его в избирательной комиссии?

Антидемократично и требование ст. 42, чтобы программа кандидата не противоречила законам СССР и РСФСР. Не может быть застывших законов — законы корректирует практика жизни, и кандидат должен иметь право в своей программе критиковать и требовать отмены того или иного закона, если закон стал тормозить развитие общества.

Проект закона требует тщательного и вдумчивого ознакомления, но антидемократичность статьи 42 сразу бросилась в глаза, и неприятной занозой засела в голове мысль: «Ну почему мы снова и снова стремимся затормозить свое движение вперед?»

В. ПАРИНОВ
Москва

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ТАЙНА, ИЗВЕСТНАЯ ВСЕМ

Павел ВОЛИН

НЕВЕРОЯТНАЯ ТА ИСТОРИЯ НЕ ИДЕТ У МЕНЯ ИЗ ГОЛОВЫ. ЗНАКОМАЯ ВРАЧ РАССКАЗАЛА В ПРИЯТЕЛЬСКОМ КРУГУ:
— МАЛЬЧИК ВЧЕРА, ИГРАЯ НА УЛИЦЕ, УПАЛ И РАСПОРОЛ НОГУ. ОТЕЦ СХВАТИЛ ЕГО НА РУКИ, РАСТЕРЯЛСЯ, НЕ ЗНАЛ, КУДА БЕЖАТЬ. КТО-ТО ИЗ ПРОХОЖИХ ПОКАЗАЛ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ: «ТАМ КАКОЕ-ТО МЕДИЦИНСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ». ОНИ КИНУЛИСЬ ЧЕРЕЗ УЛИЦУ, К ВОРОТАМ, РЯДОМ ПРОХОДНАЯ, НО ИХ НЕ ВПУСТИЛИ. ВАХТЕР ОБЪЯСНИЛ: «ЗАКРЫТАЯ ПОЛИКЛИНИКА, ПО ПРОПУСКАМ».
— НО ВЫ ЖЕ ВИДИТЕ...
— ТУТ НЕДАЛЕКО ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА, ДВЕ ОСТАНОВКИ, ЕЗЖАЙТЕ ТУДА.
— НУ ОНИ ПОЕХАЛИ,— ПРОДОЛЖАЛА ДОКТОР,— ТАМ ВСЕ СДЕЛАЛИ.
ПОЧЕМУ ЭТОТ СЛУЧАЙ — ЕСЛИ ВДУМАТЬСЯ, ВОПИЮЩИЙ — ОСТАВИЛ НАС, СЛУШАВШИХ, ВПОЛНЕ СПОКОЙНЫМИ К ПРОИСШЕДШЕМУ? ПРИВЫКЛИ! ПРИВЫКЛИ К ТОМУ, ЧТО СЛОВА «ЗАКРЫТАЯ», «СПЕЦ» И ТОМУ ПОДОБНЫЕ НЕРЕДКО ОТНОСЯТСЯ К ЧИСТО БЫТОВЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ, ОКУТАННЫМ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТАЙНОЙ, СЛОВНО СВЕРХСЕКРЕТНЫЕ ОБЪЕКТЫ: НИ ВЫВЕСКИ, НИ СВОБОДНОГО ВХОДА... СВЫКЛИСЬ С ТЕМ, ЧТО КАСТОВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТАКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ — ДЛЯ ОДНИХ И ДЛЯ ДРУГИХ, ДЛЯ ВСЕХ И НЕ ДЛЯ ВСЕХ — СТАЛО ОБЫДЕННЫМ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.

ПО ТРЕБОВАНИЮ ШАХТЕРОВ

Современный словарь русского языка толкует слово «привилегия» следующим образом: чье-либо исключительное право, льгота, преимущество. Ничего худого, ругательного в самом слове, разумеется, нет. Привилегии бывают вполне заслуженными, справедливыми и оправданными. Никто не усомнится в необходимости обеспечить бесплатно лекарством в первую очередь инвалида, уступить место в трамвае женщине, предоставить квартиру раньше, чем другим, многодетной семье, дать льготную путевку в санаторий работающему во вредных условиях и т. д. Но ежедневно и ежечасно мы наблюдаем привилегии совсем иного рода.

Два года назад я выступил в «Литературной газете» с очерком «В тени «Березки». Рассказав о многих отрицательных явлениях, порождаемых этими магазинами,— от подрыва нравственных устоев до прямой уголовщины — поставил под сомнение социальную оправданность особых прав граждан, работавших за границей, в приобретении дефицита. Подавляющее большинство читателей горячо поддержало публикацию. Но среди откликов было и такое письмо. Научный сотрудник из Душанбе В. С. Назарова упрекнула меня: «Если вы действительно борец за социальную справедливость, тогда надо быть честным до конца — поднять вопрос о ликвидации не только «Березок», но и так называемых правительственных магазинов. Или это запретная тема?»

Сегодня — нет. Сегодня Верховный Совет во исполнение воли Съезда народных депутатов создал специальную комиссию по льготам и привилегиям. Голоса, настаивающие на их оглашении, слышатся все чаще и громче. Это нашло отражение и в требованиях, недавно выставленных бастующими шахтерами. Так, стачечный комитет Междуреченска, откуда пошла волна забастовок по угольным бассейнам страны, в числе первых же претензий записал: отменить льготы любым должностным лицам. Павлоградские горняки потребовали закрыть ведомственную гостиницу, передав ее под детский сад, и так далее. Люди истосковались по справедливости. По справедливости и правде.

А правда такова: в системе распределения благ образовалась особая подсистема (она сложилась в жесткий порядок при Сталине, а при Брежневе, можно сказать, разлилась морем разливанным), доступ к которой открывают не трудовые доходы, не профессиональные особенности, не объективная, наконец, нуждаемость, а исключительно служебное положение или социальный статус. Эта подсистема включает в себя практически все, что входит и в общую систему, но в ином, первосортном, так сказать, виде и ассортименте. Маленький мирок в целом мире, огороженный кастовым забором. Свое жилищное хозяйство и торговля, общественное питание и здравоохранение, сферы отдыха, быта... Как видим, у привилегированных все то же, что и у «простых», да... не то же!

Обратимся к медицине. Вот уж где, казалось бы, должно быть равенство. Как говорится, все под богом ходим. Несколько лет назад я навещал тяжело больного коллегу, которого удалось, благодаря заботе и усилиям его начальства, положить в больницу Четвертого управления не самого высокого, республиканского уровня (седьмой корпус Боткинской больницы в Москве). Придя к нему первый раз, принес то, что обычно приносят в таких случаях: яблоки, творог, домашнее варенье. Но я не знал, куда попал... Наблюдая за тем, как я вытаскивал из сумки нехитрую снедь, он снисходительно улыбался:

— Варенье возьму, а остальное забирай обратно, тут всего полно, да такого, чего вы не видите.— Он открыл тумбочку, показал: апельсины, бананы...— Вчера жена приходила, так я ей помидоры отдал, где она их возьмет в декабре-то!

Как говорил незабвенный Аркадий Райкин: «У нас есть все. Но — не для всех».

Однако понятие «все» тоже относительно. Оно может вмещать больше и меньше. Пусть читатель не думает, что коль скоро человек сподобился приобщиться к избранному кругу, ему ни в чем не будет отказа.

Раз уж мы вошли в храм здоровья, то поднимемся на одну или на пару ступенек выше (уловить точную градацию не берусь). Больница Четвертого управления в Москве на Открытом шоссе. Совсем иная картина: территория, корпуса! А тишина, а воздух вдали от шума городского... В ней я тоже навещал больного. Он лежал в отдельной палате, у изголовья — городской телефон, напротив — телевизор. Но и там, оказалось, не для всех одинаково. У моего знакомого стоял простой телевизор, у больных из «высшего круга» — цветные.

Да черт с ним, с телевизором! Лечили по-разному! Дефицитное японское лекарство для сердечников министрам давали внутривенно, их замам — лишь в таблетках. И только так.

Одно дело приобщиться к избранному кругу, другое — приткнуться. Скончавшийся несколько лет назад московский журналист Ефим Резников долгие годы после перенесенных инфарктов страдал стенокардией. Однажды с горькой иронией рассказал мне о таком случае. Пришел в аптеку обкома партии, там посмотрели рецепт: все правильно, из «своей» поликлиники. Но поскольку лекарство было особо дефицитным, позвонили туда, чтобы уточнить, где работает больной. Прямо при нем, не стесняясь. Услышав, что в областной газете «Ленинское знамя», а не в самом аппарате обкома, ответили: лекарства нет.

Градации в среде привилегированных соблюдаются строго. Марки служебных автомобилей, объем ежемесячного продуктового пайка, уровень санатория и престижность жилого дома (а с ней и степень комфорта)... Во всем этом различия, нюансы, зависимые от ранга ответработника. Даже в одном учреждении обеды нередко для разных «этажей» неодинаковы.

МИФЫ

Система привилегий, с целью оправдать ее, окутывается клубящимся туманом мифов, замешенных на искажениях с изрядной долей демагогии. Это не фольклор, а «творчество» идеологов-охранителей установленного порядка.

Миф первый звучит примерно так. Есть здравницы для нефтяников, больницы для железнодорожников, дома творчества художников и т. д., почему же не должно быть санаториев и больниц для высокоаппаратной публики? Продовольственные пайки, закрытые магазины? И на это ответ: на предприятиях, в учреждениях выдаются продуктовые заказы — никакой принципиальной разницы. Между тем у одного и другого столько же общего, сколько, например, у слов «душевность» и «душевнобольной». Да, есть ведомственные больницы, санатории, дома отдыха. И это естественно: их отличие в профессиональном профиле, специфике труда тех, кто в них лечится, отдыхает (а в домах творчества работают!).

Учреждения же спецназначенческие отличаются совсем другим — уровнем заботы. Я что-то не встречал в министерских здравницах самих министров. Не слышал, чтобы руководители ведомств посещали свои же ведомственные поликлиники, лежали в обычных ведомственных (для рядовых работников) больницах и т. д. Нет, они отдыхают и лечатся там, где положено лицам их ранга. А если уж понадобилось — по характеру болезни — лечь в обыкновенную больницу узкого профиля, то почти в каждой имеется на этот случай палата-люкс.

Продуктовые заказы... Что ж, в наше трудное с продовольствием время это — немалое подспорье. Но, думаю, всем знакомы и долгие за ними очереди на работе, и лотереи (кому достанется дефицитный предмет?), и раздражение тем, что вместе с необходимыми продуктами приходится брать в «нагрузку» абсолютно не нужные. Торговля нашла удобный способ сбагривания залежалых товаров. Подобного раздвоения чувств не испытывают те, кому продукты (отборные!) преподносятся «на тарелочке с голубой каемочкой».

Мне нередко приходилось наблюдать такие «картинки» возле соседнего дома. Останавливается «Волга», выходит пассажир, а шофер спешит к багажнику, вынимает из него аккуратно упакованный источающий всевозможные гастрономические ароматы сверток и вручает «хозяину». Тот, не торопясь, шествует в подъезд.

Миф номер два. Поскольку-де в социалистическом обществе не может быть всеобщего равенства, то и не должны все получать одинаково. Лучше работаешь — лучше живешь. Иначе, пугают нас идеологи-охранители, уравниловка, а она недопустима. Знаю, что недопустима, убедились в том на печальном опыте. Когда плохо работающий колхоз (да не один) вполне сносно живет за счет процветающего, прокормить себя страна не в силах. Псевдосоциалистический принцип распределения, при котором приоритет отдается «рту» независимо от того, что произвели руки, растит нахлебников, себялюб-

цев, насаждает иждивенчество, эгоизм и привести может лишь ко всеобщей бедности. Мы уже натерпелись с таким «равенством» и горькие плоды пожинаем по сию пору.

Да, социальная справедливость предполагает не одинаковое потребление, но — по труду приметный материальный выигрыш или столь же ощутимый проигрыш. Пусть завод возводит для себя сколь угодно роскошный санаторий, если позволяет прибыль, пусть фабрика выдает уходящему на пенсию ветерану хоть пять тысяч рублей, хоть десять, а потом еще приплачивает к его пенсии по сотне, коль скоро есть на то собственные финансовые возможности, пусть любая организация, благодаря доходам, имеет самую распрекрасную больницу, строит для работников дачный поселок, одаряет их какими угодно деликатесами. Пусть! Ибо все это заработано, а не получено из общего на всех госбюджета. Такие привилегии не подарок — заслуга, они стимул к добросовестному труду.

Но у идеологов-охранителей своя логика: «Достичь у нас высоких постов можно только трудом — честным, самоотверженным. А потому социалистический принцип «по труду» не нарушается, остается незыблем». Ой ли? Так уж незыблем? Не случается ли, и довольно часто, что на весьма ответственных должностях оказываются люди нерадивые, некомпетентные, а то и вовсе безграмотные?

Уж если на то пошло, в правящей иерархии уравниловка, пожалуй, почище, чем где бы то ни было. Приказ о назначении на высокую должность или в «важное» учреждение автоматически открывает двери во многие бытовые учреждения с приставкой «спец». Точно подметила это москвичка врач Е. Ястребова, написавшая мне: «Как только некто занимает определенный пост в партийном или советском аппарате, он сразу и очень охотно выпадает из жизненных забот и возможностей той самой страны, на службе у которой он находится».

И в самом деле, «кремлевка» министра зависит не от того, как сработала руководимая им отрасль, а только от уровня и значимости министерства. Ответственного работника, допустившего провалы, могут наказать вплоть до снятия, но пока он остается на своем посту, его не лишат ни одного из полагающихся по должности благ, он будет пользоваться ими наравне с добросовестными своими коллегами.

И снова я слышу, теперь уже возмущенные голоса идеологов-охранителей: «Как можно обобщать? Валить всех в одну кучу? Очернительство! Злопыхательство! Разве у нас нет достижений?»

Есть, есть достижения. И валить всех в одну кучу не собираюсь. Сам лично знаю великолепных руководителей, и партийных, и хозяйственных, умелых, высокообразованных, нравственно чистых, работающих со страстью... Благодаря им и таким, как они, но вопреки их антиподам, нам удалось все же избежать и окончательных, непоправимых провалов в экономике и полной дискредитации коммунистических идеалов. Приходится слышать: перерождение отдельных лиц угрозы обществу не представляет. Если бы шла речь об одиночках, никакой революции бы нам не понадобилось. Чтобы в корне изменить существующий порядок, его надо прежде сломать, штопкой прорех тут не обойдешься, а для этого необходима именно революционная, никакая другая перестройка. Основа и направленность проводимой партией политической реформы — всемерное расширение и развитие демократии. Поэтому преуменьшать размеры одной из опасных болезней, поразившей нашу систему распределения благ, а вместе с нею и более широкую сферу общественного бытия, нельзя.

Очень важно, что создана парламентская комиссия, по льготам и привилегиям. Тайное надо сделать явным. В конце концов в каждой стране руководители имеют четко утвержденный статус, согласно которому известно, когда они могут летать на вертолете, когда на персональном авиалайнере и подарки какой стоимости следует считать взяткой. Никто не требует, чтобы министр ездил на работу в трамвае, но все должно быть в открытую — во избежание передержек и кривотолков.

«ИМ НАДОЕЛО ИГРАТЬ В ПЕРЕСТРОЙКУ»

Умалчивание или маскировка привилегий не делают их тайными, это секрет Полишинеля. Наоборот, затушевывание, как фиговый листок, еще больше привлекает внимание, еще острее возбуждает любопытство, действует в качестве общественного раздражителя. Это особенно наглядно видно из читательских писем.

«Обратите внимание на социальные несправедливости, действительно существующие. Начните с детей. Почему одни ходят в детсад, как во дворец: и бассейн, и игровые комнаты, а другие в одной спят, едят, играют? Почему одни получают на обед икру, выезжают на лето за город, а другие дышат газом? А все зависит от того, где работают их папочка или мамочка. Но дети должны быть все равны!» (И. Куронова, Москва).

Мы сокрушаемся по поводу трудных проблем молодежи, говорим о насущной необходимости воспитания нравственности, но чего стоят эти разговоры, если семена эгоизма, пренебрежения к окружающим попадают в неокрепшую душу ребенка? Да что там ребенок, дети становятся неравными не то что с младых ногтей, а еще до своего появления на свет! Ведь и родильные дома есть правительственные! Для будущих элитарных мам и безукоризненная гигиена, и особо чуткие руки акушеров... А дальше высокопоставленный младенец буквально с молоком матери впитывает в себя ощущение собственной исключительности, переходящее в прочное сознание «законного» превосходства перед другими.

«Я живу у Таврического дворца,— пишет ленинградка В. Солофненко.— Как-то проходило в нем какое-то грандиозное собрание. Так вся улица с прилегающими к ней были запружены служебными «Волгами» и часов пять скучающими шоферами. Вы не хуже меня знаете, как это раздражает народ, как трудно убеждать, призывать к свершениям на таком фоне. Я участница двух войн: Великой Отечественной и с Японией в 1945 году, инвалид войны. Считаю, что мы победили еще и потому, что все были вместе, все на равных, всем было тяжело, всем — одинаково трудно. И сейчас нам трудно! И мы это понимаем. Те из моего поколения, кто может хоть что-то делать, работают чаще всего не за деньги, а то и бесплатно. Но когда меня призывает поднатужиться приехавший к нам на собрание или митинг на «Волге», обутый в «саламандру» и пр., пр. деятель, у которого, я знаю, все есть — и квартира шикарная, и пакеты с дефицитом, доставляемые на дом,— я ему не верю, он меня только раздражает. Я не призываю к уравниловке, я только считаю, что надо действительно всем жить по Ленину. Ильичу даже в то кошмарное по трудностям время нашлись бы и ботиночки потеплее да покрасивее, и хлеб с маслом... Но он был Коммунистом».

«Часто политики и журналисты сетуют на «низы», которые якобы пассивны в перестройке, может, даже не хотят ее. Это неправда, «низы» очень даже хотят, но просто не видят перестройки (не видно — вот и не видят!). А нужны просто-напросто конкретные, осязаемые шаги. Это касается прежде всего проблем социальной справедливости. Без этого ничего не будет» (Ю. Суворов, Минск.)

«Необходимо отменить льготы для власть имущих вплоть до самых верхних эшелонов. В конце концов у сенаторов США и парламентариев Англии распределителя нет. Пусть и у наших не будет! Повысьте им оклады, даже в несколько раз — у государственных людей большая ответственность, но чтобы их жены побегали по магазинам, постояли бы вместе с нами за тем, что называют «едой». Вот только тогда у нас станет больше промтоваров и продуктов» (Р. Солодников, Москва).

Жительница Рязани Л. Скрипникова с горькой иронией вспоминает случай: «Как-то на профсоюзной конференции я задала вопрос, почему бы не ввести норму (то есть карточки) на недостающие продукты (масло, мясо). И знаете, какой ответ получила от представителя обкома профсоюза? «Понимаете,— сказал он,— мы прикидывали, получается в среднем по четыреста граммов масла на жителя в месяц. Разве вас это устроит?» Причем, сказано было как-то доверительно, чуть ли не по-семейному. Он не понимал — не мог понять! — что у меня (думаю, не только у меня) не бывало масла ни грамма по две-три недели, пока не съездишь в Москву. Вот уж поистине, сытый голодного не разумеет».

«Квалифицированный рабочий, имея равную зарплату, к примеру, с руководящим работником районного масштаба, потребляет в конечном итоге меньше (и значительно худшего качества) материальных благ, чем этот работник. А ведь еще существуют руководящие уровни города, области, республики, Союза... В сознании человека перестройка преломляется через то, что можно потрогать руками, реально ощутить, приобретя себе и своей семье определенный уровень комфортности существования. Вот почему у прилавка по поводу перестройки зачастую слышны весьма нелестные эпитеты, в большинстве случаев вызванные как раз неравенством возможностей получить те или иные материальные блага» (В. Скоп. Киев).

Революция, совершенная 25 октября 1917 года, не сразу стала именоваться Октябрьской. Может быть, и свершившийся в памятном нам всем апреле 1985-го поворот в жизни страны когда-нибудь нарекут Апрельским? Было бы, на мой взгляд, вполне уместным: происшедшее тогда на партийном Пленуме уже вошло в летопись государства и достойно быть отмеченным красной датой календаря. Начавшиеся в обществе перемены, обновление всех сторон жизни дали мощный импульс росту народного самосознания. Нетерпеливая требовательность, с которой люди жаждут покончить с давней, законсервированной несправедливостью, не имеющей в глазах народа никакого оправдания, свидетельствует о том, что проблема эта давно назрела. Послеапрельский период современной отечественной истории дал первый толчок на пути к ее решению. Но пока — всего лишь толчок. Движение, начавшееся в этой области, выглядело на первых порах заметным и обнадеживающим. Заметным прежде всего потому, что удары пришлись тогда по наиболее известным, принявшим вызывающе грубое обличье и потому бросающимся в глаза видам привилегий. Стали снимать «кирпичи» на дорогах и у ворот, ведущих к особнякам, охотничьим и гостевым домикам, всякого рода резиденциям, а сами эти роскошные дома освобождать под детские учреждения, профилактории, больницы, клубы, общежития. В одном Казахстане обрело новых хозяев более семисот таких вилл! Были приняты меры к пресечению грубейших нарушений, доходящих порой до произвола, в распределении жилья, к ликвидации не оправданных никакими юридическими, тем более моральными нормами льгот в других сферах быта.

Первые шаги радовали, рождали надежды и вызывали энтузиазм. Однако оптимизм оказался несколько преждевременным. Не везде спешили расстаться с привычным укладом жизни. В Кемерово сделали общедоступными спецбольницу и ателье, отдали дачи облисполкома детским учреждениям только после забастовки шахтеров. Кое-где «освободительное» это движение начало постепенно замедляться, а в некоторых местах пошло на попятную.

«Известия» сообщали о том, как в одном из областных городов Казахстана — Аркалыке — передали под профилакторий бокситовому управлению «малую» гостиницу (поистине малая: шесть номеров да роскошная баня, обошедшиеся, однако, государству в четверть миллиона рублей). Горняки, обрадовавшись, произвели ремонт, приобрели медицинское оборудование, открыли первые врачебные кабинеты. А через полгода здание вернулось к старым хозяевам, и те стали тут же заполнять вновь обретенное «родное гнездышко» дорогой мебелью, коврами, стереоаппаратурой. «Им надоело играть в перестройку»,— без околичностей высказались по этому поводу рабочие.

Может быть, факт для Казахстана исключительный? Отнюдь. То же самое, писала газета, происходит и в других областных центрах республики — Джезказгане, Кокчетаве, Павлодаре. Республиканскую партийную организацию в последнее время возглавляют уважаемые, честные люди. Но кунаевщина нет-нет и дает знать о себе.

Может быть, Казахстан — исключение? Перенесемся в другую республику, на противоположной окраине страны. В столице Латвии спешно возвели по индивидуальному проекту жилой дом с роскошными квартирами. Что за срочность случилась, чем вызвана? Заботой об остронуждающихся в улучшении жилищных условий инвалидов, ветеранов войны и труда? Да ничего подобного! Здание предназначалось Совету Министров Латвии для ответственных работников, многие из которых вовсе не испытывали стесненных квартирных условий. Узнав об этом, возмущенные рижане отказались участвовать в субботниках на строительстве этого дома.

А продовольственное снабжение? Не везде отказываются от номенклатурных льгот и тут. Помните письмо жительницы Рязани, не видевшей по две недели масла? В это же самое время (в наши дни!) в двух дачных поселках Рязанского обкома и облисполкома за одно лишь полугодие было реализовано почти четыреста тонн икры, более шести тысяч банок крабов, шпрот, тресковой печени, 565 килограммов осетровых и 880 килограммов свиных балыков, более полутонны буженины, около семидесяти килограммов индийского чая, 165 килограммов кофе... Всего от половины до ста процентов товаров, выданных районным продторгам области!

Ждать, что элита легко уступит место под солнцем, тем более добровольно откажется от привилегий, было бы сверхнаивно.

СЛАДКИЕ КУСКИ ДЕРЖАВНОГО ПИРОГА

Однажды мне удалось разговорить человека, находящегося в среднем звене номенклатуры и обладающего соответственным набором льгот: персональная машина, комфортная, на уровне городских удобств служебная дача, паек, Четвертое управление, спецстоловая. Мы оказались случайно вместе за городом, прогуливались, и, возможно, этим объясняется его благодушный настрой: вне служебных стен, на вольном воздухе, который, как известно, один на всех, кастовость иногда уходит... Тогда только-только вышло постановление о предстоявшем сокращении числа служебных легковых автомобилей. Я спросил:

— И как вы тогда будете? Без машины?

Он улыбнулся:

— Знаете, сколько уже таких постановлений было? Еще тридцать лет назад, при Никите — мне мой водитель рассказывал — легковые машины из ведомственных гаражей решили за-

брать и централизовать — никаких персональных. И что же? Начальство осталось без прикрепленных автомобилей? Да ничего подобного. Во-первых, оставили универсалы, их можно было использовать как угодно. Часть машин назвали грузо-пассажирскими, хотя они ничем практически не отличались от легковых, и так далее и тому подобное. А потом и вообще все вернулось к старому.

— Теперь, может, и не вернется...

— Ну и что? Какая трагедия? В крайнем случае нас «рафик» будет с работы и на работу возить, многие в одном доме живут. На службе тем более без машин не останемся.

Он оказался прав: решение ужать к 1 июня 1988 года парк служебных легковушек на сорок процентов осталось на бумаге.

— Все эти настроения...— продолжал мой собеседник.— Ликвидировать спецбуфеты! Закрыть распределители! Убрать черные «Волги»! Думаете, что-нибудь это даст? Сразу все станет на место? Будет хорошо?

— Ну, не сразу...

— Да чепуха все это! Бросьте! Большинство требует просто потому, что ничего не понимает. Когда в стране чего-то не хватает, все равно всем не достанется. Нам недавно объявили: со следующего месяца наш распределитель закрывается. Ну что делать... А теперь опять деньги приняли, значит, остается. Все нормально.

Поскольку гласность здесь отсутствует почти всегда, слишком уж многое погружается в песок слухов и кривотолков; ничего нельзя выстроить на этом песке...

Я вспоминаю о своем влиятельном знакомце, а он ведь один из многих, представителей, так сказать.

Нет, неохота расставаться многим с привычными удобствами. Ох, как неохота.

Он, вообще-то говоря, неплохой человек. По крайней мере лучше многих других. Не лишенный совестливости, сочувствующий и помогающий людям в нужде, лишенный цинизма. Но кастовость отложила на нем отпечаток. И хотя «драться» за свои льготы, думаю, не станет (умен достаточно, чтобы не рисковать быть зачисленным в число антиперестройщиков, а возможно, в глубине души сознает несправедливость существующего порядка распределения благ) — так вот, повторяю, пусть «драться» за свои льготы не станет, лишиться их ему вовсе не улыбается. Однако есть и немало таких, кто будет драться! Именно драться. Ожесточенно и беспощадно, зубами держась за «полагающиеся» владетелям кресел блага.

Вспомним Хрущева. И культ его был неоспорим, и власть сильна, и смелостью обладал незаурядной, доходящей порой до опасного риска. В 1957 году, оказавшись лицом к лицу с оппозицией, составившей большинство в Президиуме ЦК, он сумел в какие-нибудь несколько дней переломить ход событий в свою пользу, обратившись, через голову Президиума, непосредственно к Пленуму ЦК. Почему же подобного не произошло в 1964 году? Ведь тоже был Пленум ЦК... Потому что за минувшие семь лет аппарат — главный обладатель привилегий,— уже хлебнув немало от его нововведений, резко изменил свое отношение к нему.

Кто в конце концов его сбросил? Кто посмел поднять руку на единоличного лидера? Художественная и научная интеллигенция, которую он не раз третировал и несправедливо обижал? Нет, она прощала ему многое за смелое разоблачение кровавых сталинских дел, освобождение из лагерей и реабилитацию невинно пострадавших, вообще за оттепель, которую он, безусловно, с собой принес. Рабочие и другие горожане, получившие при нем надежное пенсионное обеспечение и начавшие переселяться тысячами из подвалов и коммуналок в отдельные квартиры? Крестьяне, которым наконец выдали паспорта, выведшие их из разряда крепостных и приравнявшие в правах к остальным гражданам? Нет, сбросил его аппарат, эта, по выражению А. Аджубея, «иезуитски сколоченная прослойка бюрократии», а уж ему-то, зятю Хрущева, можно поверить: видел, знает многое. Аппарат не мог простить даже самому высокому своему патрону ущемления собственных привилегий, а главное, страшился дальнейшего, еще большего «прижима».

Я упоминал о попытке Хрущева отобрать персональные автомобили, сделавшиеся неотъемлемой частью быта высокопоставленных чиновников. Ладно, эта попытка не удалась. А сколько он успел сделать? Да одна отмена введенных Сталиным «конвертов» чего стоила! Утратить ежемесячный дополнительный оклад, не облагаемый никакими налогами вплоть до партийных взносов! А замена хозяйственных министерств совнархозами, лишившая тысячи чиновников насиженных уютных мест в столице... Кто мог сказать, какие еще сюрпризы-пилюли готовил аппарату непредсказуемый, экспансивный, не всегда в меру расчетливый Первый секретарь? Потому-то и был смещен, заменен послушным Брежневым, готовым за «цацки» отдать — и отдавшим! — во власть аппарату все. Прежде всего такие «законные» возможности жить припеваючи (чистой уголовщины я в данном случае не касаюсь, это особый разговор), какие вряд ли когда-либо прежде были в нашей стране. Именно при нем чиновничество во всех сферах — партийной, государственной, хозяйственной, культурной,— присосавшись к сладким кускам державного пирога, расцвело особо пышным цветом.

На что же рассчитывать привилегированной прослойке теперь, в наше время? На то, что революционное обновление общества не заденет ее интересов? Или обойдет их стороной, оставит все как есть? Но тогда, позвольте, в чем же революционные изменения, за которые — на словах, во всяком случае,— и сами привилегированные? Суть таких изменений в конечном счете в том, чтобы вернуть нашим лозунгам и идеалам прямой, изначальный смысл: социальное равенство, оплата по труду, никаких должностных привилегий. Хочешь не хочешь, а обладателям последних придется смириться с такой потерей, уступить, ибо народ, уже вставший или по крайней мере встающий на этот курс, не захочет дать задний ход или хотя бы даже застрять на полпути. Не случайно общественное недовольство по поводу привилегированного положения и элитарных замашек руководящей бюрократии уже приняло публичный характер.

Как, впрочем, и голоса в оправдание, защиту привилегий. В стане «экспроприируемых» мы наблюдаем сегодня не только упорное цепляние за привычные льготы, но и признаки тревоги, граничащей иногда с паникой. Вот разгневанная высокопоставленная жена, выйдя из себя (но предусмотрительно не подписавшись) заявляет в письме в редакцию: как мы жили, так жить и будем, и вы (слово «быдло» не произнесено, но оно в этом «вы» явно слышится) ничего с нами не сделаете. Уверенность, конечно, напускная, неизвестно только, чего в ней больше: слепой озлобленности или расчетливого намерения поколебать в людях твердость в стремлении добиться перемен.

Вот другая дама, тоже из «высшего круга», жена республиканского министра, ратуя в газете за «справедливость», старается вызвать сочувствие и понимание: муж столько работает, столько работает, что его семья не в силах обходиться без служебной машины с шофером, правительственной дачи и прочих полагающихся благ.

А вот уже сам министр жалуется писателю: «Утром выйду к подъезду и бегом к машине, чуть ли не пригибаясь. По-быстрому влезу, забьюсь в угол — никакого настроения. Лучше бы отняли эти персоналки. На хрена мне все это!»

КАКИЕ ПРИВИЛЕГИИ НАМ НУЖНЫ

Спасти, сохранить «полагающиеся» привилегии пытаются еще одним — спекулятивным и демагогическим — способом. Выразительно поднимают вверх палец: что же и «их» лишить того, чего не имеют все?! Если, дескать, одинаково, так уж одинаково. Для всех! Эдакие демократы... Они не такие простачки, эти сидящие в удобных креслах любители поразглагольствовать о равенстве. Отлично понимают: нет более простого способа опорочить верную идею, как довести ее до абсурда.

Надо быть реалистами (разумеется, в рамках закона и моральных норм). Более того, иные служебные льготы необходимы хотя бы для того, чтобы должностные лица могли успешно выполнять свои обязанности. Глава государства должен иметь даже свой самолет! Не собираюсь и министров предлагать лишить персональных автомашин. (Хотя, например, их бельгийские коллеги пользуются для служебных поездок двумя правительственными автобусами. Но Бельгия маленькая страна...) Не пора ли, однако, большинству тех, кто привык ездить в казенной машине с водителем, отказаться от барской привычки?

В Вене владелец крупного австрийского предприятия Фридрих Ваничек, когда мы направлялись с ним к его «вольво», спросил меня:

— Знаете, чем отличается директор советского предприятия от капиталиста? — И, не дожидаясь ответа, произнес:— Тем, что ваш директор имеет шофера.

Несколько лет назад в Швеции был в редакции крупной буржуазной газеты «Дагенс нюхетер». Беседуя с шеф-редактором, вышли на балкон. Внизу под нами широкая площадка перед зданием была сплошь в многоцветье машин. Я спросил: сколько же в редакции шоферов? Он рассмеялся: нисколько, все водят машину сами.

— И вы тоже?

— Естественно.

Кстати, во всех странах, которые довелось посетить, лишь двое из советских официальных лиц, как я заметил, ездят с шоферами: посол и торгпред — так, видимо, положено их статусом. Все остальные за рулем.

Академик А. Г. Аганбегян упомянул однажды в печати порядок цифр, охватывающих парк служебных лимузинов: сотни тысяч. Исходя из этого, надо полагать, он обходится в сотни миллионов рублей ежегодно. А сколько дополнительных товаров страна получила бы, используй она эти машины для дела и займись их водители, часами дремлющие в ожидании «хозяев», полезным трудом? Счет пойдет на миллиарды!

Не менее ущербен нравственный урон. Творящаяся на глазах миллионов социальная несправедливость неизбежно рождает в людях безразличие к общественному, социальную апатию, хуже того — озлобленность. («Больше всех мне, что ли, надо? Вот «они» пусть и стараются».) С таким «багажом» нечего и думать, даже мечтать о перестройке.

Одно из тяжких последствий сложившейся у нас системы привилегий — резко выраженная кастовость, проявляющаяся порой до смешного глупо, если не сказать — уродливо. В одном столичном учреждении что-то случилось в начальственном буфете, готовить в тот день было нельзя. Что оставалось членам коллегии? Элементарно: спуститься на один этаж в общую столовую (к слову, совсем неплохую). Но есть вместе со всеми?! Члены коллегии садятся в машины, едут в рестораны (тоже, кстати, раздельно: начальники — с начальниками, замы — с замами). Долго, дорого, невкусно, зато особняком. Вот вам и общество братского единения... Социальная разобщенность делит общество на замкнутые группы и группки, рождая у высокопоставленной прослойки презрительный снобизм к окружающим, а в нижних слоях общественной пирамиды вызывая чувство унижения. Вдохновения и то и другое не прибавляет. А мы говорим о консолидации...

Служебные привилегии допустимы при двух непременных условиях: строгой регламентации и полной огласке. То и другое, кстати, оградит предназначенное не для всех от дельцов и слишком вольных толкователей правил. В самом деле, о льготах по линии собеса известно всем, а о «ранговых» — почему молчок? Если они оправданны, то отчего не сказать открыто? Гласность — это когда ВСЕ ЗНАЮТ ВСЕ. Иначе многообразная, разветвленная система привилегий, нигде и никем не объявленная, походит на тайную дипломатию или полицию: об их существовании знают все, но доступны лишь узкому кругу причастных лиц. Этакий «междусобойчик» в масштабе страны.

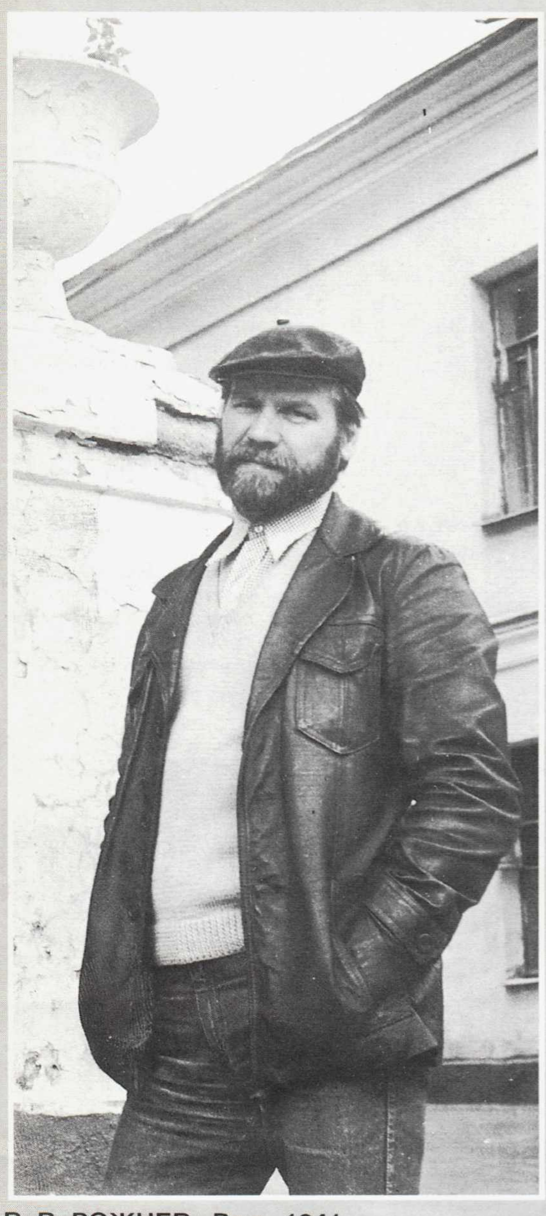
Открытость льгот, преимуществ, а значит, возможность повсеместного общественного контроля за ними неизбежно даст толчок к их резкому сокращению, превратит широкоохватные правила в строго ограниченные исключения. Следствием этого не будут уравниловка и «всеобщая бедность», чем так пугают идеологи-охранители (чаще всего тоже обычными магазинами не пользующиеся). Наоборот, социалистический принцип оплаты только по труду (а не преимущества, связанные с должностью, ступенькой в служебной иерархии, социальным статусом и т. п.), еще более дифференцирует оплату по истинным, а не по едва уловимым и часто мнимым заслугам человека перед обществом. Заработок руководителей, безусловно, должен быть высоким: слишком много физических и душевных сил отнимает у них работа, но именно заработок, выражающийся общей для всех единицей: рублем. К слову сказать, почему бы не поставить зарплату всех управленцев, в том числе высшего уровня, в прямую зависимость от результатов деятельности подведомственных им отраслей, территорий и т. д.? При социализме, как известно, не может быть всеобщего имущественного равенства. Наоборот, чем дифференцированнее индивидуальные доходы в зависимости от трудовых заслуг, тем больше, безраздельнее будет торжествовать социальная справедливость. Пусть у нас будет побольше богатых — не подпольных миллионеров, не деятелей «черной» экономики, а честно зарабатывающих, то есть принося пользу всему обществу. Но вот к выравниванию образов жизни отказ от негласной системы привилегий наверняка приведет. И еще поможет освежить ветром обновления атмосферу в нашем доме, вселив в людей ощущение социальной справедливости. Однажды у меня с товарищем зашел разговор о том, как удалось Христу накормить семью хлебами четыре тысячи человек.

— Что это должны были быть за хлебы,— спрашивал мой товарищ,— которыми можно накормить сразу столько людей, а? Как ты думаешь? — Я молчал в задумчивости. Выждав минуту, он продолжал: — А я знаю.

— Как?

— Он разделил их поровну между всеми!

И есть еще одно, на мой взгляд, немаловажное обстоятельство, диктующее необходимость отмены сложившейся системы служебных, ранговых привилегий. Такой шаг приведет к «естественному отбору» людей, преданных делу и нашим идеалам, от карьеристов и корыстолюбцев. Последние наверняка призадумаются: зачем тратить себя, чтобы сесть в кресло и удержаться в нем всеми правдами и неправдами, если оно «ничего не дает»? Сразу станет видно, кто есть кто. Кто стремится на должность ради связанного с нею преуспевания, а кто — чтобы служить народу. Вот тогда и поостынут, поутихнут те, для кого перестройка означает потерю незаслуженной власти и неоправданных благ.

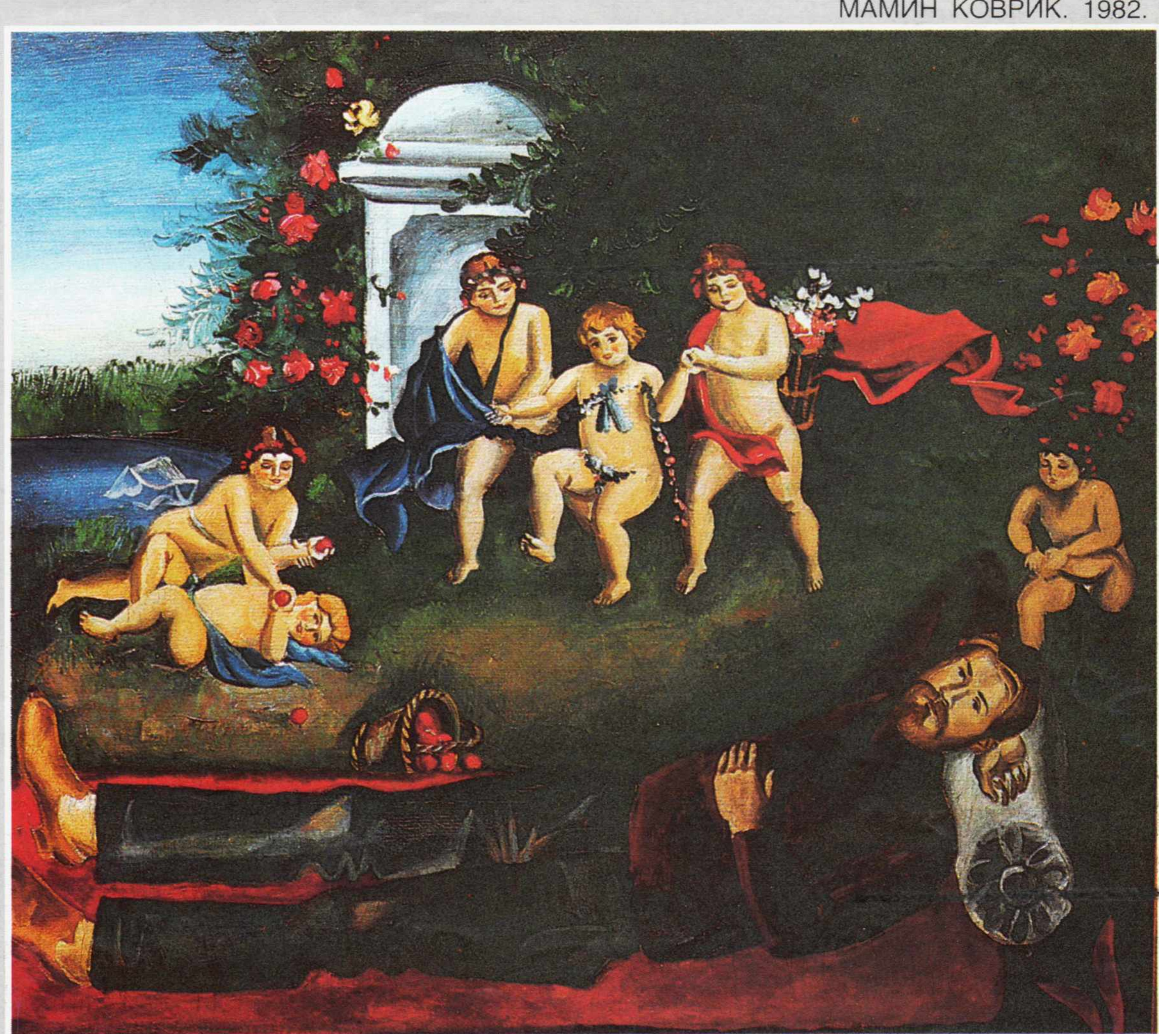
В. В. РОЖНЕВ. Род. 1941.

ПРОВИНЦИЯ. 1988.

РОДОМ ИЗ ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

МАМИН КОВРИК. 1982.

Тот, кому доводилось бывать на Калининском проспекте Москвы, наверняка захаживал в кафе «Ивушка», подымался на второй этаж. Зал невелик, но опрятен и обставлен приятной мебелью. Но самое выдающееся в его оформлении — два удивительных натюрморта. Висят они на противоположных стенах, слева и справа от входа. Я, собственно, сперва увидел тот, на котором изображены овощи. Изображены так, как представляются, допустим, вегетарианцу, приговоренному к пожизненному мясоедению. Вот, обратите внимание, тугобокий арбуз — того сорта, что искрится инеем по кровавой мякоти, вот лук-порей, сочащийся хлорофиллом, вот веточки укропа, желаннее почетной Пальмовой Ветви. Вам хочется редиски? Извольте, вот вам редиска, не какая-нибудь пустотелая древесина, а доподлинный корнеплод, напруженный спелыми земными соками. Вот вилок белокочанной капусты, предмет особенного исступления все того же вегетарианца, вот... Но довольно, этак недалеко до голодного обморока. Обернитесь! То, что возложено на этот старинный столик (натюрморт второй), предназначено для неспешного поедания, это, знаете ли, десерт. Фрукты. Получай-

те, пожалуйста, глюкозу из «дамских пальчиков», услаждайте нёбо ягодами клубники и земляники... Художник щедр: такая или, возможно, другая задача была поставлена перед ним заказчиком. Во всяком случае, это заказчик получил сторицей. Но совершенно не ожидал, что в придачу получит еще нечто. Нечто, возвысившее натюрморты до самоценно художественных полотен. Эти самые столики (один с развалом овощей, другой — фруктов), тщательно выписанные художником, как бы парят над двумя уголками старой Москвы, с ее характерной, исконной архитектурой. Купола церковок, белокаменные фасады и зеленые крыши... А вот это с лепным портиком зданьице попало сюда из несуществующего уже квартала Арбата. И заметьте: картины висят в помещении, расположенном именно на месте несуществующего уже квартала Арбата! Висят как предание, как память о том, что было до нашего варварского нашествия. В этих двух полотнах — горечь автора, незримо присутствующего в кафе на ежедневном беспечном празднике...

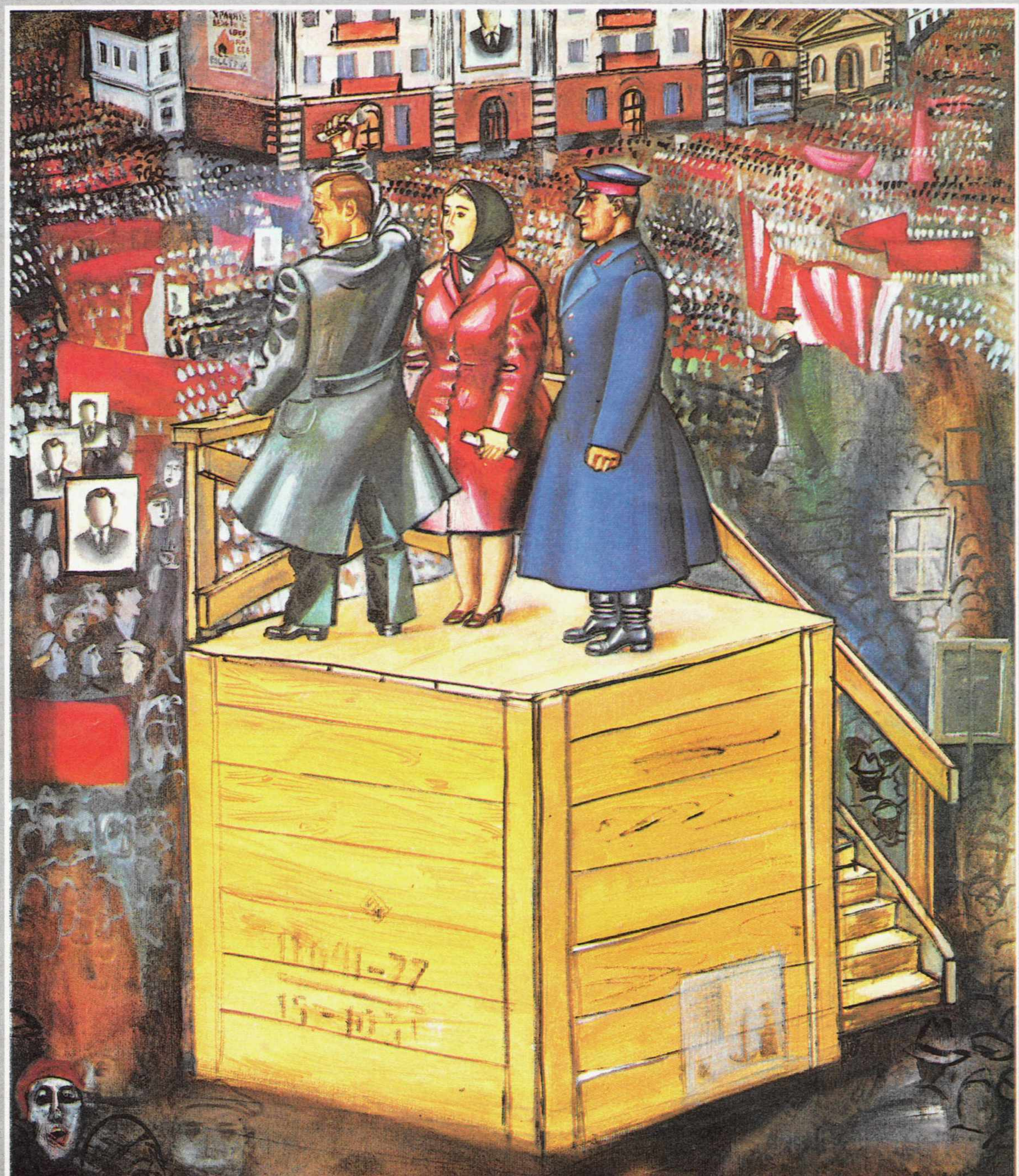
В общем, аппетит у меня пропал. Я встал, подошел поближе к одной картине, к другой... Под обеими стояла подпись: «В. Рожнев, 1985».

Вторая встреча с работами художника произошла у меня в 1987 году в Выставочном зале МОСХа. Между этой выставкой и последней, в которой он принимал участие и которая называлась «Выставка пяти»,— расстояние в двенадцать лет. Представленное им на персональную выставку написано в самый расцвет застоя (да, стоячая вода цветет), когда искусство мало-помалу утратило интерес к человеку, к тому человеку, которого мы традиционно называем «маленьким», то есть интерес к Великому Маленькому Человеку. Множились портреты знатных деятелей, руководителей высшего эшелона, множились картины парадных жанров. По литературе прокатилась волна романов о директорах крупных производственных комплексов и объединений, об академиках (в данном контексте это слово следует произносить через «э» оборотное) и проч., и проч. Административно-чиновничий аппарат обзаводился своей номенклатурной эстетикой, всячески поощряя борзо пищущую челядь и подталкивая инакомыслящих «на путь истинный» ножом бульдозера. Выстоять значило не солгать. Холсты, которые я увидел на выставке Владислава Рожнева, говорили сами за себя и за автора: этот выстоял.

КАВАЛЕРЫ 50-х. 1982.

МИТИНГ. 1988.

Владислав Рожнев принадлежит тому поколению, которое еще недавно называли «сорокалетними», а нынче — «шестидесятниками», что вернее: именно в шестидесятых формировалось их мировоззрение. Родился он и вырос в рабочем поселке Коминтерн Кировской области. Затем — художественное училище в Костроме и Московский суриковский институт. Далее — годы упорной работы.

Я тоже вырос в рабочем поселке от неравного брака города и деревни и не без волнения узнавал на картинах Рожнева памятный быт послевоенного времени — с форсом отложного воротничка и окурка, навечно приклеевшегося к губе, с кирзовыми сапогами и спортивными полуфренчиками. Узнавал эти праздничные демонстрации и духовые оркестры, шествующие мимо принаряженных кумачом бараков, мимо несообразия монументов с фанерным шиком русской глубинки. Здесь и боль, и горькое недоумение, и гордость за свой народ, не растерявший духовной красоты и нравственных ценностей, несмотря ни на что, ни на какие политические катаклизмы.

Портреты и автопортреты Рожнева полны лукавой усмешки и озорства (кстати, об одном из них писала «Нью-Йорк таймс», назвав его лучшим из представленных автопортретов на выставке в Венеции, о чем автор и пишущий эти строки узнали спустя три года в случайном разговоре с американским искусствоведом). То же самое можно сказать и о его «семейных» портретах, как бы слегка пародирующих провинциальную чопорность старинных фотографий. Рожнев часто пишет старую мебель, в которой витает дух ее создателей, безымянных мастеровых. Пишет несуразные города с домами, домиками и строениями, возведенными по эталонам провинциальной классики. Но там, где зритель готов уже улыбнуться и даже растянул губы, вдруг приходит щемящее ощущение невосполнимой утраты: иная жизнь, иные ритмы стали нормой нашего бытия...

Евгений БОГДАНОВ

«В сопровождении медной струны»

Булат ОКУДЖАВА

* * *

Булочки с тмином. Латышский язык.
Красные сосны. Воскресные
радости.
Все, чем живу я, к чему
я приник
в месяце августе, в месяце
августе.

Не унижайся, видземский пастух,
пестуй осанку свою благородную,
дальней овчарни торжественный
дух
пусть тебе будет звездой
путеводною.

Не зарекайся, видземский король,
ни от обид, ни от бед, ни от
хворости,
не обольщай себя волей, уволь:
вольному — воля, а гордому —
горести.

Тот, кто блажен, не боится греха.
Бедность и праведность
перемежаются.
Дочку отдай за того пастуха,
пусть два источника перемешаются.

Между удачей, с одной стороны,
и неудачею жизнь моя мечется
в сопровождении медной струны
августа месяца, августа месяца.

ПЕСЕНКА

На пригорке стояла усадебка.
До сих пор ее остов не срыт.
То поминки, то святки, то свадебка
за деревьями вдруг прошумит.

Там когда-то пылало пожарище,
низвергались и жизнь, и покой,
и какая-то грустная барышня
на прощанье взмахнула рукой.

И во власть расставания отдана,
за морями искала жилье.
Тротуары Стамбула и Лондона
закачались под ножкой ее.

Силуэт ее скорбный рассеялся
на далеком чужом берегу...
Я глумился над ней и посмеивался,
а забыть до сих пор не могу.

* * *

Ю. ДАНИЭЛЮ

Не успел на жизнь обидеться —
вся и кончилась почти.
Стало реже детство видеться,
так, какие-то клочки.

И уже не спросишь, не с кого.
Видно, каждому — свое.
Были песни пионерские,
было всякое вранье.

И по щучьему велению,
по лесам и по морям
шло народонаселение
к магаданским лагерям.

И с фанерным чемоданчиком
мама ехала моя
удивленным неудачником
в те богатые края.

Забываются минувшие
золотые времена;
как монетки утонувшие,
не всплывут они со дна.

Память пылью позасыпало?
Постарел ли?
Не пойму:
вправду ль нам такое выпало?
Для чего и почему?

Почему нам жизнь намерила
вместо хлеба — отрубей?..
Что Москва слезам не верила —
это помню.
Хоть убей.

* * *

В больничное гляну окно, а там за окном — Пироговка
и жизнь, и судьба, и надежда, и горечь, и слава, и дым.
Мне старость уже не страшна, но все-таки как-то неловко
мешать вашей праздничной рыси неловким галопом своим.

А там, за широким окном, за хрупким, прозрачным, больничным,
вершится житейский порядок, единый во все времена:
то утро с кефиром ночным, то вечер с вареньем клубничным,
и все это с плачем и смехом, и с пеной, взлетевшей со дна.

В больничное гляну окно, а там, за окошком — аллея,
клубится февральское утро, и санный рождается путь.
С собой ничего не возьмешь, лишь выронить можно, жалея,
но есть, кого вспомнить с проклятьем, кого и добром помянуть.

В больничное гляну окно — узнаю, что может начаться,
и чем, наконец, завершится по этому свету ходьба,
что завтра случится, пойму... И в сердце мое постучатся
надежда, любовь и терпенье, и слава, и дым, и судьба.

НЯНЬКА

Акулина Ивановна, нянька моя дорогая,
в закуточке у кухни сидела, чаек попивая,
напевая молитвы без слов золотым голоском,
словно жаворонок над зеленым еще колоском.

Акулина Ивановна, около храма Спасителя
ты меня наставляла, на тоненьких ножках просителя,
а уж после я душу сжигал и дороги месил...
Не на то, знать, надеялся и не о том, знать, просил.

По долинам и взгорьям толпою текло человечество.
Слева — поле и лес, справа — слезы, любовь и отечество,
посередке лежали холодные руки судьбы,
и две ножки еще не устали от долгой ходьбы.

Ах, наверно, не зря распалялся небесною властью
твой российский костер над моею грузинскою страстью,
узловатые руки витали теплей и добрей,
как молитва твоя над армянскою скорбью моей.

Акулина Ивановна, все мне из бед наших помнится.
Оттого-то и совесть моя трепетанием полнится.
Оттого-то и сердце мое перебои дает,
и не только когда соловей за окошком поет.

Акулина Ивановна, нянька моя дорогая,
все, что мы потеряли, пусть вспыхнет еще, догорая,
все, что мы натворили, и все, что еще сотворим —
словно утренний дым над тамбовским надгробьем твоим.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ВРЕМЕНИ УПАДКА

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка:
цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам.

А критики скажут, что слово «соратник» —
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль:
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римляне империи времени упадка
ели, что достанут, напивались гадко,
а с похмелья каждый на рассол был падок...
Видимо, не знали, что у них упадок.

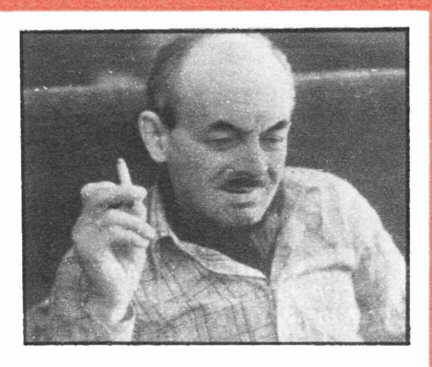
А критики скажут, что слово «рассол», мол,
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль:
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает,

Юношам империи времени упадка
снились постоянно то скатка, то схватка,
то они в атаке, то они в окопе,
то вдруг на Памире, а то вдруг в Европе.

А критики скажут, что «скатка», представьте,
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль:
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка,
только им, красавицам, доставалось сладко,
все пути открыты перед ихним взором:
хочешь — на работу, а хочешь — на форум...

А критики хором: «Ах, форум! Ах, форум! —
вот римская деталь!
Одно лишь словечко, а песенку как украшает!..»
Может быть, может быть, может быть, и римская, а жаль:
мне это немного мешает, весь замысел мой разрушает.
1979

ИРОНИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГЕНЕРАЛУ

Пока на свете нет войны,
вы в положении дурацком.
Не лучше ли шататься в штатском,
тем более что все равны?

Хотя, с обратной стороны,
как мне того бы ни хотелось,
свою профессию и смелость
вы совершенствовать должны?

Ну что — моряк на берегу?
Что прачка без воды и мыла?
И с тем, что и без войн
вы — сила,
я согласиться не могу.

Хирургу нужен острый нож,
пилоту — высь, актеру — сцена.
Геолог в поиске бессменно.
Кто знает дело — тот хорош.

Воителю нужна война,
разлуки, смерти и мученья,
бой, а не мирные ученья...
Иначе грош ему цена.

Воителю нужна война
и громогласная победа.
А если все к парадам это,
то, значит, грош ему цена.

Так где же правда, генерал?
Подумывай об этом, право,
когда вышагиваешь браво,
предвидя радостный финал.

Когда ж сомненье захлестнет,
вглядись в глаза полкам и ротам:
пусть хоть за третьим поворотом
разгадка истины блеснет.

* * *

В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
однажды выйдет ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.

Но простодушный и несмелый,
прекрасный, как благая весть,
идущий следом ангел белый
прошепчет, что надежда есть.

* * *

Восемнадцатый век из античности
в назиданье нам, грешным, извлек
культ любви, обаяние личности,
наслажденья сладкий урок.

И различные высокопарности,
щегольства безупречный парад...
Не ослабнуть бы от благодарности
перед ликом скуластых наяд!

Но куда-то все кануло, сгинуло
под шершавой ладонью раба...
Несчастливую карточку вынуло
наше время и наша судьба.

И в лицо — что-то жесткое,
резкое,
как по мягкому горлу ребром,
проклиная, досадуя, брезгуя
тем уже бесполезным добром

Палаши, извлеченные наголо,
и без устали — свой своего...
А глаза милосердного ангела?..
А напрасные крики его?..

27 ИЮЛЯ НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР, ЛАУРЕАТУ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МАРИСУ ЭДУАРДОВИЧУ ЛИЕПЕ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ ПЯТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА. ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ... ПОСЛЕ НЕГО ОСТАЛАСЬ ЛЕГЕНДА — ОБ ИНТЕРЕСНЕЙШЕМ ИЗ АКТЕРОВ БАЛЕТНОГО ТЕАТРА. ОСТАЛИСЬ ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ ПЛЕНКОЙ РОЛИ. ОСТАЛАСЬ ПАМЯТЬ О ХУДОЖНИКЕ, САМОЗАБВЕННО ТВОРИВШЕМ, СТРЕМИВШЕМСЯ ЕЖЕЧАСНО РЕАЛИЗОВАТЬ ВЕСЬ ОТПУЩЕННЫЙ ЕМУ БОГОМ ТАЛАНТ. ОСТАЛИСЬ КНИГИ, СТАТЬИ И ДНЕВНИКИ. ТЕТРАДИ, С КОТОРЫМИ В ТЕЧЕНИЕ ДОЛГИХ ЛЕТ АРТИСТ ДЕЛИЛ ЖИЗНЬ ДУШИ, СКРЫТУЮ ПОДЧАС ОТ САМЫХ БЛИЗКИХ ЛЮДЕЙ. ЧИТАЯ ДНЕВНИКИ, ОБНАРУЖИВАЕШЬ СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННУЮ СТОРОНУ ЖИЗНИ БЛАГОПОЛУЧНОГО ВНЕШНЕ ХУДОЖНИКА — ТРАГИЗМ ЕГО СУДЬБЫ. ЗДЕСЬ — УЖАС КРАТКОСТИ И БЫСТРОТЕЧНОСТИ ПРОФЕССИИ БАЛЕТНОГО АРТИСТА. ЗДЕСЬ ЖЕСТОКОСТЬ. А ПОДЧАС ПОДЛОСТЬ ЛЮДЕЙ, ЕГО ОКРУЖАВШИХ. МЫ НЕ ХОТИМ ИССЛЕДОВАТЬ МЕХАНИЗМ ИНТРИГИ, СГУБИВШЕЙ АРТИСТА, НЕ ХОТИМ ИСКАТЬ ВИНОВНЫХ — В ПОРУ ЗАДУМАТЬСЯ. ВМЕСТЕ С ВДОВОЙ АРТИСТА МАРГАРИТОЙ ИВАНОВНОЙ ЛИЕПА МЫ ОТОБРАЛИ ЧАСТЬ ДНЕВНИКОВ, ГДЕ АРТИСТ РАЗГОВАРИВАЕТ, РАЗМЫШЛЯЕТ НАЕДИНЕ С СОБОЙ. ДАВАЙТЕ ПОСЛУШАЕМ ЕГО...

1 марта, 1968. Второй акт сегодня *. Тимофеевой опять нет. Депутатский день. Репетировать не с кем. Может быть, и хорошо, так как зверски устал после вчерашнего «Дон Кихота». Разговор с Григоровичем. Говорит, что хандрить мне незачем, дела идут нормально, даже больше, чем нормально. Советовался по поводу многих кусков в «Спартаке». Рассказал свои соображения. Григорович согласен со всем на 100 процентов.

Сегодня 4 марта. Днем на репетиции в ВТО — теплый контакт с Пляттом. Чудесный, милый человек. Обменялись анекдотами. Он сказал, что мои анекдоты завтра в его театре произведут фурор. После записи передачи Плятт, Лановой и я спускаемся в ресторан. Все закрыто. Идем на воздух. Куда?! Идем ко мне. Чудесно сидим до четырех утра, шепотом говорим на всякие темы.

Уже на улице разыгрываем этюды с воображаемой телефонной трубкой... Я «танцую» монолог Красса, все решают идти на премьеру. Доводим Плятта до квартиры, жена ждет у двери. Много Плятт рассказывал про Завадского, Уланову и Берсенева. Восхищался спрятанным где-то внутри гением Улановой. Силой женщины, которая держала возле себя таких людей и до сих пор своим магическим очарованием, непонятным, неуловимым, влечет к себе...

6 марта. Прогон двух актов «Спартака», обсуждения, мастерские, репетиции. Трудный день. Два акта с оркестром. Еле вытянул. Хотя настроение было неплохое. На небольшом обсуждении в ложе дирекции в мой адрес никаких замечаний.

С Вирсаладзе обсуждаем костюмы.

7 марта. Освободили меня от репетиций, так как Фурцева в Кремле устраивала прием по случаю приезда министра культуры Франции. Я из балета — один. Еще Чулаки, Туманов, Рындин, Архипова и Атлантов. Народу очень мало. Два стола небольших. Народ отборный. Народные и так далее. Отвратительно ведет себя директор МАХУ Головкина. Ни минуты не стояла на месте — со всеми министрами и директорами перешушукалась.

...Михаил Иванович Жаров вдруг подходит и говорит мне: «Как же ваш балет терпит это безобразие в школе и такое, прости господи... в делах?»

9 марта. Да, дикий день сегодня. Встал на урок. Но занятие было без толку. Сил нет! Крепкий чай, витамины помогли пройти все более или менее. Первый монолог третьего акта надо будет особо разделывать, очень он труден смыслово и пластически.

12 марта. Сегодня день дикий. Утром, к сожалению, на политзанятия., Потом сценическая третьего акта — и на примерку в мастерские. Долго засиживаемся после примерки с Вирсаладзе. Еле успеваю домой, пью кофе с омлетом — и на репетицию. Разделываем с Борей Акимовым (ученик Лиепы, которого он готовил на роль Красса во втором составе.— **Ред.**) монологи третьего акта. Кое-что получается. Пришел Григорович. Ему понравилось. Очень рад. Наши взгляды всегда совпадают. В творчестве мы 100-процентные единомышленники.

14 марта. Опять урок. Третий акт под оркестр. Появляется в ложе Хачатурян прямо с самолета из Нью-Йорка. Всеобщий переполох. Приходится проходить все во второй раз. Он целует меня, говорит, что в Америке меня рекламировал как лучшего Спартака и Красса. Вечером у них встреча в доме Хачатуряна по поводу партитуры. Будут бои. Я репетировал и ломал голову над последним куском в третьем акте: оркестр не может сыграть нужный темп и надо менять целую часть. Кажется, что-то надумал. Завтра попробую. Уже опять два часа.

17 марта. Воскресенье. Чудеснейшая погода. Иду в театр репетировать с Акимовым. Он уже научился сам «думать». Это хорошо. Пришел к нам Григ. Доволен моим показом и говорит, что благополучнее всего с ролью у меня. Конечно, последний уход и два жеста Красса нужно сильнее сделать. Думаем про последний танцевальный кусок в бою третьего акта.

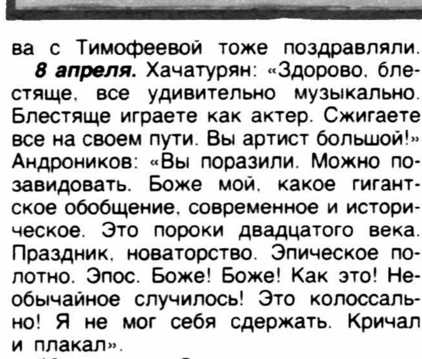
19 марта. Урок. Все как всегда. Но! Сам Томский (зав. труппой) просит войти к нему в кабинет и спрашивает, не возражаю ли я против поездки в Америку на весь срок, учитывая, что здесь я станцую три премьерных спектакля «Спартака». В общем, как будто подходит.

23 марта. «Вы для меня — открытие сегодня»,— сказал Голейзовский после репетиции второго и третьего актов «Спартака».

26 марта. Дичайший день. Примерка утром. К прогону ничего не готово. Я, видя нервы и усталость Григоровича, несколько раз пытался отвлечь его от всех спартаковских дел, пригласить в бассейн-баню. Все напрасно. Сегодня он не был на прогоне — больной.

27 марта. Были у Чулаки, все, кто едет в Америку. Уточняли программу. У меня — «Жизель», «Класс-концерт», «Видение розы» и «Весенние воды».

28 марта. Да, бой грянул настоящий. Впервые грим, костюмы. В общем, спектакль. Публика! Очень много было поздравлений с настоящей победой, с завершенным образом. Радунский, Капустина, Самохвалова. А Ермолаев говорит: «Вы такая сволочь, такая настоящая сволочь, такая хорошая сволочь, что вы лучший в спектакле! Внутренняя, духовная сила Красса плюс техника — это и взяло верх!» Уланова с Тимофеевой тоже поздравляли.

8 апреля. Хачатурян: «Здорово, блестяще, все удивительно музыкально. Блестяще играете как актер. Сжигаете все на своем пути. Вы артист большой!» Андроников: «Вы поразили. Можно позавидовать. Боже мой, какое гигантское обобщение, современное и историческое. Это пороки двадцатого века. Праздник, новаторство. Эпическое полотно. Эпос. Боже! Боже! Как это! Необычайное случилось! Это колоссально! Я не мог себя сдержать. Кричал и плакал».

19 апреля. Сегодня репетировали адажио Красса и Эгины. Тимофеева предельно мила со мной, хотя, думаю, при удобном случае все же мечтает от моего «соперничества» улизнуть. Уже репетирует с Мишей Габовичем, которого вдруг тоже назначили на роль Красса. Кто, правда, не могу догадаться. Боюсь, это ошибка. Эта ведь партия очень важна и серьезна — самая сложная мужская партия сегодня...

8 декабря. Стоит ли писать? Каждый день приносит новые мысли, которые не успеваю фиксировать. Увы — время. Безжалостное время, оно поглощает все. Идет один из труднейших сезонов. Много «за» и «против». Возвращение из Америки триумфальное. Меня хвалят в парткоме. Все же сезон начать трудно. Помешали болезнь и обстоятельства, связанные с настроением и нервами. И еще — Григорович, который вдруг стал сверххолодный и вежливый. Ничего от нашей откровенности, можно сказать, даже дружбы. Он намекает на изменение его семейного положения и прерывает разговор насчет Наташи Бессмертновой. Все это в высшей степени непонятно и странно. Видимо, опять действуют «доброжелатели». Весь сезон, уже четыре месяца, с Бессмертновой мне не дали станцевать ни один спектакль. «Ромео», объявленную ее премьеру, из-за болезни Лавровского сняли, но со мной не поставили. Великолепный резонанс критики идет в адрес Красса. Ю. Н. понимает, какую важную роль в этом играю я. Понимает, сколько мной сделано и в этом образе, и вначале в Спартаке, да и во всем спектакле — то есть в решении всех узловых режиссерских моментов, связанных с Крассом. Думаю, что это может вызывать ревность или недовольство Григоровича. Хотя дальнейшие творческие планы он вроде собирается осуществлять со мной. Правда, «Видение розы», увы, в этом сезоне так и не пойдет. А жаль. (Возобновленный им балет «Видение розы» М. М. Фокина в Большом театре Лиепа больше не танцевал.— **Ред.**)

7 июля, 1969. Лечу в великолепном лайнере Ил-62 в Лондон, где начнутся наши гастроли. Сижу скромно, в дальнем углу салона, далеко не только от «головы», но даже от всех родственников и приближенных. Да! К сожалению, давление на меня в смысле прекращения партнерства с Бессмертновой про-

---

*** Речь идет о репетициях балета «Спартак».— Ред.**

...ОЖУ...

должается и из-за этого не танцую — увы! — «Легенду». Жаль, что все же какие-то интриги влияют на работу, и притом в таком огромном масштабе, как премьера нового спектакля в Ковент-Гарден.

1977. (Черновик письма к П. Н. Демичеву.) Еще раз благодарен Вам за то, что имел возможность получить Ваши ценные советы и добрые пожелания. В связи с этим пробовал решить сегодня волнующий меня вопрос с Ю. Н. Г. «Мужской» разговор — увы! — не состоялся, так как Ю. Н. не захотел встретиться наедине. В присутствии зав. балетом Хомутова мне опять было отказано в подготовке роли Курбского и репетиторской работе в Большом. А также в участии в первых спектаклях «Спартака» в Париже. Хотел бы, чтобы Вы это знали перед Вашим разговором с руководством театра, на который я очень надеюсь.

14—15 марта, 1982. Ночь. 4 часа 45 мин. Самый трудный, пожалуй, год. Я уже писал в своих книгах, что любой актер может прожить без денег, даже какое-то время — без любви, без друзей... Но не может жить, выжить без новых ролей, без новой работы. Он задохнется. О, сколько времени я уже так живу в Большом театре и стараюсь искать и нахожу пока, слава богу, для себя новые проявления: в драматических театрах, мюзиклах; творческие вечера, роли в кино, гастроли по стране. Я уже не вспоминаю педагогику, которой были отданы годы с 63-го по 80-й.

28 марта назначен спектакль «Спартак» с моим участием. Исполнится 626 дней без сцены Большого театра. Ровно столько дней тому назад, после урока, позвонил П. Хомутов и спросил, согласен ли я станцевать вечером спектакль, так как три других исполнителя партии Красса больны. Я согласился, хотя чувствовал себя неважно. К тому же урок отнял уже много сил. (Обычно в день трудных спектаклей я не занимаюсь.) Вечером было нелегко. Но растанцевался и начал в третьем акте работать «по-лиеповски», хотя никаких особых происшествий не было ни в первом, ни во втором. Берег перебинтованную левую ногу.

16 марта. Сегодня был трудный день, урок прошел хорошо. Но на репетиции даже элементарно не мог распрыгаться. К тому же репетировать не с кем. На прошлые репетиции хоть дети мои — Илзе и Андрис — приходили. Хоть кто-то сидит и что-то подскажет, а одному — ужасно трудно.

17 марта. Хорошо чувствовал себя на уроке. Встречался с товарищем из аппарата ЦК. Гуляли по скверу ГАБТа. Дела мои, в общем, плохи. Он пятнадцать лет там работает: «Никому ничего не надо. Никто не поможет, даже нечего времени тратить. Все сделано специально, никто не будет вмешиваться» и т. д. Да, дело дрянь: спектакль проданный, целевой, для Академии МВД. Билетов нет и не будет. Никто из публики не попадет...

21 марта. Завтра первый день недели, в конце которой, в воскресенье, «Спартак». Я уже не могу дождаться этого дня, этого праздника бытия на сцене Большого театра в любимой — мною созданной — роли. Неделя еще!!! Что она принесет мне? А вдруг опять отмена?.. Ничего. Я выдержу. Клянусь! Себе, конечно. Весь театр на каждом шагу обращается ко мне, спрашивает: «Ну как? Когда? Неужели? Слава богу! Держись! Давай! Придем! Поддержим!» и т. д. Да, это то, что меня и поддерживало все время. Вера людей в меня. За это всем до земли поклон...

23 марта. Пишу опять под утро. «Не спится, няня». Начинаю дергаться. Сегодня у Андриса впервые сольная роль в Большом театре. Пастушок в «Щелкунчике». Тоже волнение.

25 марта. Уже два дня осталось до «Спартака». Начинаются предспектаклевые «судороги». Что будет, не знаю. Еле держусь. Боюсь сорваться. Зам. министра Кухарский не принял.

26 марта. Демичев заболел. Шауро доложат о моем приглашении. Черненко не может. Пельше приглашение обязательно передадут. Туманова: «Спасибо за любезный звонок, постараюсь». Попов: «Все знаю, смотрю программу «Время», даже билеты заказал». И т. д. Вот как реагирует наша культзнать.

27 марта. Вчера репетировал с Юрайтисом. Он говорит, что все как в лучшие времена! Не знаю, но попробую.

31 марта. Прошло три дня после спектакля. Говорят, это был спектакль века! Думаю, потому, что четыре приказа министра культуры, а также 626 дней моего неучастия в спектаклях Большого театра сделали свое дело. На черном рынке цена билетов подскочила до 100 рублей! Такого, говорят, не бывало.

Спектакль был очень праздничный. Зал дышал тем, что происходило на сцене. Я счастлив, что удалось добиться этого спектакля, так как и театральная молодежь и все премьеры театра — Васильев, Лавровский, Владимиров, Федоров, Кондратов и т. д. — пришли, поздравили и считают мое выступление профессионально великолепным. Потом рабочие сцены, осветители, билетеры — все-все старались

выразить свою радость... Никто из дирекции, парткома не пришел на спектакль. Также и Отдел культуры ЦК и Министерство отсутствовали. Странно. Хотя понятно, так как любой присутствовавший обязан был бы дать оценку моего выступления.

Вот и все, чего я добился 28 марта. Тридцать минут оваций, тридцать разных букетов роз, гвоздик и т. д. Боюсь, что больше не смогу собраться.

5 апреля. Опять я дома. Трудно, тошно, невыносимо от неизвестности. Что в театре, дадут ли разрешение выступить с Эйфманом, как будет с Илзе, переведут ли ее из миманса в балет?.. Получил приглашение преподавать балетный курс в Италии. Сомнительно, что меня пустят, если только уйду из театра. Демичев болеет и, говорят, не скоро выйдет. Пока единственная надежда на него. Вышла хорошая статья в «Советской культуре» о моем «Спартаке». Автор Дашичева за это получила чуть ли не замечание. Оказывается, на моего «Спартака» директор театра за своей подписью послал в «Советскую культуру» письмо: мол, газета не имела права писать хорошо... В общем, на члена своего коллектива директор в газету пишет. Где, в какой стране это происходит?.. За что меня уничтожают? Еле держусь...

13 апреля. Дикий упадок сил. Занимаюсь с трудом. Наверное, из-за того, что не вижу ничего в будущем. Ближайшее — это два спектакля с труппой Эйфмана в Вильнюсе и, увы, все. Голеностоп не работает. Придется лечиться. Даже суют в больницу.

29 апреля. Дела очень плохи. Главное, с ногой... Не действует правый голеностоп. Хожу на процедуры всякие. Но, увы, пока безрезультатно. Вот и подкралось «никогда». Даже страшно!

18 июня. Продолжаю ждать приема к Демичеву и Тумановой. Пока безрезультатно. Был день, когда случайно «попал» на В. Ф. Шауро — по телефону. Когда он узнал, что в министерстве не принимают, обещал в этом помочь, но только: «Все это — дело министерства». Действительно, принял меня В. Кухарский. Но в присутствии директора ГАБТа С. Лушина, который, как всегда, с утра выглядел выпившим. Разговор не получился. Я сказал, что если не будет спектаклей после 28 марта, когда я танцевал в «Спартаке», то больше не выдержу и уйду из театра. «Единственным положительно решенным вопросом может быть только перевод Илзе в балет. О награде любой за труд, о квартире, о персональной пенсии, о каком-либо прощальном спектакле, о работе педагогом или репетитором не может быть и речи...» Показали мне решение конкурсной комиссии, которая, оказывается, заседала в первом антракте того «Спартака», где Акимов, Богатырев, Кондратьева, Карельская, Петрова, Поспехин, Петров, Симачев, Ситников, Семенова, Никонов и другие под председательством Григоровича — все дали отрицательную оценку моему исполнению роли Красса. Я читал это впервые спустя три месяца после спектакля, хотя Григорович обманул Кухарского, сказав, что я этот документ знаю. Я сказал, что у меня есть другой документ, где тоже много подписей народных артистов, лауреатов, профессоров и т. д., и я могу его показать, хотя это, видимо, бесполезно. (Действительно, такой документ у меня был — за подписью Захарова, Мессерера, Васильева, Лавровского, Осипенко, Максимовой и т. д.)

19 июня. У Андриса отняли партнершу. Она уже танцует с Фадеечевым. Летом едут в Италию с театром... Вот это очень плохо — потерять партнершу в начале творческого пути. Жаль молодого Лиепку. Его-то за что?

20 июня. Был у Хомутова, нового зам. директора ГАБТа. Он вовсю уверяет, что если уйду, то мне дадут квартиру, машину, возьмут Илзе и, может быть, даже дадут орден. Вот как я им в горле торчу. Только боюсь, что меня на пушечный выстрел не подпустят

к театру, если я подам заявление. Жду приема у Демичева и Тумановой.

22 июня. Должен был быть у Тумановой сегодня. Но, увы, опять она занята. Завтра в 4.30... Посмотрим.

23 июня. Состоялось... Разговаривали 1 час 45 мин. Очень внимательна, как всегда. Итог: Большой театр должен достойно проводить меня, если так. С Илзе решить, квартирой обеспечить. Кухарскому, которому это поручено, решить вопрос о дальнейшей моей работе и вообще вернуться к вопросу о репетиторстве и педагогике в Большом. Конечно, надо бы к Демичеву... А он уехал опять. Будет 2 августа. А Хомутов по поручению руководства мягко требует заявление.

28 июня. Как хорошо тихо-мирно подыхать... Принял лекарство и сверх того выпил вина... Чувствую остановку дыхания. Почти ничего не вижу. Глаза красные. Лягу спать... Вдруг бог даст вечного сна. Задыхаюсь...

2 июля. Они уезжают в Италию. В общем, как всегда, едет все партбюро, цехком, все сыновья и дочери и т. д. Вызывал Хомутов, показал приказ о моем увольнении по статье сокращения штатов. Чудовищно! Требует, чтобы я подал заявление.

15 июля. Вчера говорил с Кухарским по телефону. Не хочет даже встречаться. Тоже требует, чтобы я подал заявление об уходе.

18 августа. Дозвонился лишь помощнику Барабаша. Завтра он меня примет.

19 августа. Да, разговор состоялся. Очень нормальный. Но не больше. Все те же отговорки: а что мы можем? Григорович никому не подвластен. Он никому не подчиняется и т. д.

31 августа. Боюсь похода к Демичеву. Надо быть очень корректным и вежливым. За пять-шесть лет я у него был раз пять-шесть. И ничего! В буквальном смысле ничего им не сделано, чтобы нормализовать мое положение в театре. Единственное — это по его приказам «Спартак» 28 марта и моя поездка в Париж, два «Спартака», когда Ю. Н. Г. утверждал, что я танцевать уже не умею. А было это более пяти лет назад, когда получил я за гастроли в Париже премию Мариуса Петипа от Парижской академии танца и много премьер и спектаклей станцевал после. Но большинство — не в Большом театре. А жаль. Очень жаль.

* * *

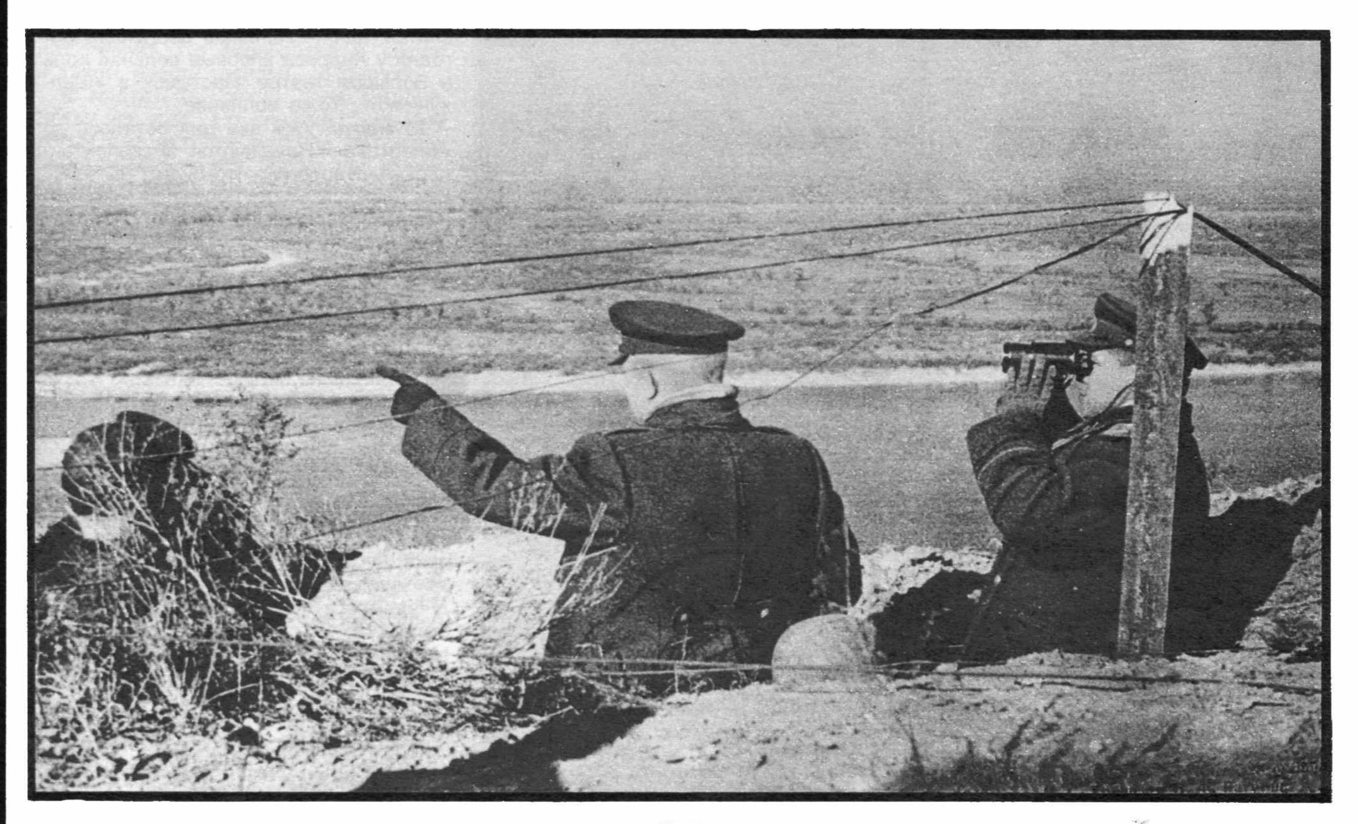
Без даты. Продолжается хандра. Дикая тишина, мучительная, изо дня в день. Бесперспективность — это, наверное, самое страшное в жизни. Вспоминаю рассказ Булгакова о человеке, привыкшем от безысходности к наркотикам. Да! Это страшно, но как, что, чем, кто поможет? Для чего ждать, жить, быть?.. Вот и убиваю себя, чтобы все во мне омертвело. Тогда скажу судьбе — да, я отступаю. И ухожу. А пока я хочу, я могу, и это страшно — мочь и не иметь возможность. Кто это прочтет, кто это скажет людям? Я сижу днями дома без дела и убиваю себя в надежде на прекрасную легкую смерть во сне. Это — единственное, о чем я мечтаю. А в общем, самое страшное в этом — не умереть, а понятие «не жить». Не жить — это страшно...

20 октября. Опять сижу. Убиваю себя. В буквальном и переносном смысле. Страшно писать, стыдно писать это. Но добивают, добили меня. Исключили из худсовета Большого театра. За что? За то, что хотел, чтобы было лучше балету?!.

Публикацию подготовила Мария ДЕМЕНТЬЕВА.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Впереди Киев! 1943 г.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Меня вызвали в Москву. Когда я прибыл в Москву, то, как говорится, подругому себя чувствовал и другое было отношение ко мне со стороны Сталина. Мы уже были не те люди, которые Украину сдавали.

Сталин тогда все готов был на меня свалить. Он на любого готов был свалить, только не на себя. В тот период времени, в период отхода Красной Армии, нигде никаких документов, приказов он не публиковал за своей подписью. «Ставка» или «Штаб», одним словом, такая безличная была подпись, а не «Сталин».

Совершенно другое положение стало потом, когда мы стали наступать. На каждом документе красовалась подпись Сталина.

За отступление он, как говорится, не нес ответственности, а вот успехи, разгром врага — это его заслуга. Сейчас некоторые горе-историки, когда Сталина нет, идут, к сожалению, по его стопам, объясняя и характеризуя этот период. Об этом я еще буду высказывать свое мнение.

Я слышал от военных хорошую, острую шутку. Военные говорят, что города оставляют солдаты, а генералы их берут. Сталин по этой схеме действовал. Отступали солдаты, и Сталина не было, а когда стали брать города, то солдат не оказалось, а Сталин их брал, потому что были его приказы, его инициатива и прочее.

Итак, прибыл я в Москву, рассказал Сталину положение дел у нас на Южном фронте. Тогда было у нас хорошее положение, мы еще не освободились от хороших переживаний за наши успехи. Северный Кавказ тоже освобождался на всех парах. Но это уже участок не нашего фронта, это другой фронт, а я докладывал о своем фронте.

Сталин говорил: «Мы решили и утвердили вас членом Военного совета Воронежского фронта. Харьков занят нашими войсками. Вы это знаете?»

Я говорю: «Знаю. Наши войска продвинулись на довольно значительное расстояние западнее Харькова».

«Вот вам надо лететь сейчас в штаб Воронежского фронта. Вы будете выполнять функции члена Военного совета фронта и секретаря ЦК Украины, как и раньше».

Я говорю: «Хорошо, товарищ Сталин, я с удовольствием поеду на Воронежский фронт. А кто командует Воронежским фронтом?»

«Командует генерал Голиков».

Ну, я сразу вспомнил, как Сталин меня критиковал за то, что я не поддерживал Голикова, когда Голиков был заместителем командующего в Сталинграде. Я уже говорил, что Сталин меня критиковал за то, что я слишком поддерживаю Еременко и не поддержал Голикова. Может быть, Голиков и против меня написал гадость какую-нибудь. Все это возможно. Я в жизни много видел, к сожалению, гадкого. Правда, и хорошее видел, но и гадкого много. Другой раз гадости делались людьми с виду довольно приличными и приятными.

Я бы сейчас мог сказать, что я человек довольно незлопамятный. Меня за это критиковали. Как поступили бы, к примеру, другие, имея такой факт с Голиковым? Он повел себя, я бы сказал, недобропорядочно, какой-то донос гадкий написал на Еременко и на меня, прямо или косвенно, как на члена Военного совета Сталинградского фронта. От меня многое зависело, когда Голиков утверждался начальником Политуправления и когда, уже в мое время, присваивали ему маршальское звание — высшее военное звание Советских Вооруженных Сил.

Я спросил Сталина: «А как он командует? Какое ваше впечатление?»

Я не сказал, но Сталин понял сразу, почему я обращаюсь с таким вопросом. У нас разная была оценка поведения Голикова как представителя фронта в штабе при армии Чуйкова, когда он не выполнил приказ по организации переправы боеприпасов и пополнения в Сталинград. Я считал тогда и считаю сейчас, что мы с командующим Сталинградским фронтом правильно реагировали.

Но теперь положение было другое. Немецкие войска в Сталинграде пленены, и всех обуревала радость победы. Радость не только нашего народа, но и всего прогрессивного человечества, которое понимало значение борьбы с фашистской чумой.

Сталин посмотрел на меня: «А помните, что вы мне говорили о Голикове?»

«Да, я помню».

«Ну, так как вы говорили?»

«Так чего же вы меня посылаете членом Военного совета к Голикову?»

Сталин говорит: «Мы в скором времени примем решение и переставим его».

Он мне это сказал я не знаю почему: не то больной был, не то в «терзаниях».

«Мы думаем туда Ватутина назначить командующим фронтом. Вы знаете генерала Ватутина?»

Я говорю: «Я генерала Ватутина знаю, и даже хорошо знаю. Я высокого мнения о нем».

Этот генерал как бы был особый. Особенность его заключалась в том, что он почти непьющий. Я даже не видел, чтобы он пил. Кроме того, он очень трудоспособен, очень хорошо подготовлен в военном отношении. Не случайно он был одно время начальником штаба Киевского военного округа, а потом начальником Генерального штаба. Это тоже хорошая аттестация его военных знаний.

Я сказал: «Как к начальнику штаба, как к человеку, знающему военное дело, и как к члену партии я с большим уважением к нему отношусь. Но я не знаю, как он себя проявит как командующий. Здесь требуются, помимо знаний, распорядительность и умение пользоваться своим правом командующего приказать и потребовать выполнения своего приказа. Разработать операцию он может. Я тут не сомневаюсь в нем, а вот эти качества мне совершенно не известны. В этом он для меня новый человек, нигде я с ним не соприкасался».

Я не помню, что-то Сталин сказал, но я был доволен новым назначением.

Через день или два я улетел. Когда я уже собрался лететь, мне доложили, что в направлении Харькова противник сгруппировал эсэсовские войска, танковые дивизии и жмет наши войска к Харькову. Уже на довольно большое расстояние наши войска отступили на восток. Противник опять вплотную подошел к Харькову.

Поехали в Харьков. Мне сообщили такое тревожное известие — над Харьковом нависла угроза захвата немцами. Я приехал в штаб фронта, встретился с командующим. Он доложил положение на фронте. Действительно, положение было очень неустойчивым. Противник превосходил в количестве и в качестве. У него танки, войска были отборные.

Тогда мы уже чувствовали и говорили, что нам придется Харьков оставить. Мы не можем удержаться.

Я тогда решил собрать украинскую интеллигенцию. Вечером был собран митинг интеллигенции, которая оставалась в Харькове и которая жила при немцах.

Митинг был очень хороший. Я своих предупредил: «Будьте очень осторожны в своих заявлениях. Мы всегда говорим, что ни шагу не отойдем и прочее. Это плохое впечатление произведет, потому что мы уже приняли решение об отходе, и Харьков удерживать нам нечем. Мы Харьков оставляем. Поэтому речи должны быть построены так, чтобы вселять надежду. Чтобы не произошло в смысле какого-то маневра или вынужденного отхода, все равно мы пойдем вперед, враг будет разбит и изгнан с территории Советского Союза».

Я в своем выступлении склонял их, чтобы они отошли с Красной Армией. Я не буквально так говорил. Я хотел их убедить не доверяться немцам, внушить им, что мы их не будем арестовывать, что мы не будем им ставить в упрек, что они остались на территории, занятой противником. Это больше всего меня беспокоило. Я боялся, что мы отступим, а они останутся. Это так и случилось. А когда мы будем наступать, если я какой-то намек сделаю осуждающий, что они остались, то это будет угроза. Следовательно, тогда они бежали бы с немцами. Этого я боялся.

Я хотел, чтобы слух разнесся по Харькову, что не будет репрессий, чтобы он дошел бы до тех, кто не был на этом собрании, а не было многих.

Не было там, например, Гмыри. А его голос звучал на всю Украину. Это замечательный артист. Он остался при немцах. Потом он говорил, что остался, потому что у него была жена больна. Сейчас не будем разбирать. Я уже привык к объяснению, что или жена, или мать, или отец при смерти были и он не мог эвакуироваться. Так ли это было, судить очень трудно. Была напряженная обстановка, проверять некогда. А уже после и смысла нет для проверки.

Провели беседу. Распрощался я с ними и уехал. В эту ли ночь, или на следующий день мы вынуждены были отходить. Утром мы выехали всем штабом, и в скором времени немцы вошли в Харьков.

Итак, мы опять отступили. Штаб отошел в Белгород. Мы думали в Белгороде удержаться, но у нас настолько были слабые силы, что нам и это не удалось.

Мы перенесли штаб фронта в Обоянь. К этому времени приехал товарищ Ватутин с приказом принять командование фронтом. Голикову было дано предписание сдать фронт и явиться в распоряжение Ставки. Мы распрощались с Голиковым, и Ватутин приступил к исполнению обязанностей командующего Воронежским фронтом.

В это время каких-то активных операций мы проводить не имели возможности и, следовательно, намерений таких не было. Все усилия были направлены на то, чтобы как-то выровнять фронт и выбрать рубеж, наиболее выгодный для создания полевых укреплений. Мы хотели лучше подготовиться к весне, потому что были уверены, что весной противник будет наступать. Да и мы были уверены, что будем наступать и будем бить противника.

На нашем главном направлении образовался выступ, который приобрел в истории войны название Курской дуги. Дуга эта была довольно большой глубины. У нас левый фланг этой дуги был на Донце. Вершина дуги была под Сумами, а второй конец дуги был где-то западнее Курска. Курск остался за нами. На север и восточнее Орла пошел тоже своеобразный змеевидный зигзаг.

Работа по укреплению обороны продолжалась, и тогда штаб начал заниматься разработкой наступательной операции против противника. Было определено, что если наступать, так наступать 6-й Гвардейской армией на Белгород — Харьков.

Операция была разработана, и подсчитано: какие силы, какая военная техника требуется, какие ресурсы необходимы для наступательной операции в направлении Белгорода и Харькова. Мы с Ватутиным попросились на доклад к Сталину.

Сталин сказал: «Прилетайте».

До доклада Сталину наши разработки изучались и корректировались Генеральным штабом. После доклада все приводилось в окончательный вид.

Мы поехали, доложили Сталину. Сталин по-другому чувствовал себя, уверенно. Я бы сказал, что в это время ему было приятно докладывать, потому что чувствовалось правильное понимание обстановки и правильное отношение к поставленным вопросам.

Нам поставили срок 20 июля и приказали готовиться к наступлению. Направление, которое нами было выбрано, было одобрено. Основным вопросом стал торг: какое пополнение мы должны получить для проведения этой операции. Всегда так было. Запросы, которые командующие предъявляли, далеко не удовлетворялись. Нам дали много, хотя полностью нас все же не удовлетворили. Но нам было сказано, что за нашей спиной будут стоять еще резервы Главного командования.

Мы ждали. Уже оставалось 15 — 16 дней до начала операции. Мы были уверены, что наступление это будет успешным, что мы разобьем немцев и двинемся на запад, выйдем на Днепр, освободим Харьков. Желание это было искренним, выстраданным.

Вдруг звонок из 6-й армии: докладывает командующий, что перебежал немецкий солдат с переднего края, из эсэсовской дивизии. Какая-то знатная дивизия была — не то «Адольф Гитлер», не то «Рейх», не то «Мертвая голова». Все эти дивизии стояли против нас. Я еще Ватутину говорил, что на каком бы участке фронта я ни был, обязательно «Мертвая голова» меня преследует — она всегда против меня действует.

Командующий говорит: «Этот солдат сообщает, что завтра, 5 июля, в 3 часа утра немцы перейдут в наступление».

Мне приказали сейчас же доставить этого солдата к нам. Доставили пленного. Мы его допрашивали с Ватутиным. Он все это повторил нам.

Мы его спросили: «Почему вы так думаете?»

«Я, — говорит, — конечно, приказа о наступлении не видел, но солдатское чутье, солдатский вестник подсказывает. Во-первых, мы все получили трехсуточный сухой паек. Во-вторых, танки подвели вплотную к переднему краю. В-третьих, был приказ выложить боекомплекты артиллерийских снарядов прямо у орудий. Все приготовили, чтобы не было никакой задержки».

«Ну, — говорю я, — а почему вы говорите, что в 3 часа? Откуда такая точность?»

«Это вы уже могли бы сами заметить, — отвечает он. — Если немцы наступают, то в это время года всегда примерно в 3 часа, с началом рассвета. Я уверен, что так и будет, как я вам докладываю».

Сам этот перебежчик был молодой парень. Красивый, элегантный такой, холеный человек. Не из рабочих.

Я спрашиваю: «Как же вы перешли линию фронта и нам сообщаете о наступлении, а сами являетесь эсэсовцем? Как это понять? Вы же нацист».

«Нет, — говорит, — я не нацист. Я против нацистов. Поэтому я перешел к вам».

Я говорю: «Ведь в эсэсовские части берут людей из нацистов». (Я считал тогда, что только нацистов берут туда.)

«Нет, — говорит, — это раньше, в первый и второй год войны, так было. Сейчас берут всех. Меня по росту и внешнему виду взяли. Так я и попал в эсэсовские войска. А я против нацизма. Я не знаю, насколько вы можете мне поверить. Я немец, но родители мои из Эльзаса. Мы воспитывались на французской культуре, и поэтому мы не такие немцы, как эти нацисты. Родители мои против нацизма, и я так воспитан. Я принял решение для себя и убежал, чтобы не участвовать в этом наступлении, не подставлять свою голову под ваши пули в интересах Гитлера. Поэтому я перебежал. Я все откровенно говорю потому, что желаю поражения Гитлеру, уничтожения его. Это в интересах немецкого народа».

Мы отпустили его, разведка забрала этого пленного.

Позвонили в Москву и предупредили, что готовится наступление немцев.

Мы с Ватутиным обдумывали план действий по отражению немецкого наступления. Мы обсудили предложение командующего 6-й Гвардейской армией Чистякова. Он предложил: «Давайте в 9 часов вечера сделаем артиллерийский налет на позиции противника с тем, чтобы перед наступлением нанести ему урон».

Я высказал свои соображения по этому вопросу товарищу Ватутину, и он согласился.

Я говорил: «Давайте мы не будем наносить артиллерийский налет в 9 часов вечера. Сколько мы можем вести артиллерийский огонь, ну, 3 минуты или 5. Мы же много не можем стрелять, выбрасывать снаряды. Они нам завтра потребуются, когда противник будет наступать. А тут мы будем стрелять по площадям. Это невыгодный расход боеприпасов. Давайте мы налет сделаем, но сделаем его за 5 минут до наступления 3 часов».

У меня были такие соображения: к этому времени солдаты уже будут на исходных позициях, они уже не будут сидеть в траншеях, не будут укрыты; артиллеристы займут свои позиции у орудий. Одним словом, люди уже все выползут из подземелья и будут ожидать в открытом поле сигналов ракет к действиям. Если в это время сделать хороший артиллерийский налет, то большой эффект мы получим в нанесении урона противнику в живой силе и выведении из строя техники. Мы надеялись, что при этом, безусловно, както нарушится и связь, а это имеет большое значение при проведении операции.

Так мы решили сделать, и мы ждали этих трех часов.

В ОБОРОНЕ

Дело шло к вечеру. Мы с товарищем Ватутиным ждали рокового часа, установленного Гитлером для нашего фронта. Тут уж действительно можно было вспомнить генерала Тупикова. Как мне рассказывал Баграмян, когда наш штаб стоял в Броварах под Киевом и немецкая авиация бомбила расположение нашего штаба, то Тупиков расхаживал по комнате и напевал: «Что день грядущий нам готовит?».

Сейчас могли и мы с Ватутиным эту арию тоже затянуть: «Что день грядущий нам готовит?». Мы были уверены, что день грядущий нам готовит победу. Но как говорят украинцы: «Не кажи гоп, пока не перескочишь». Поэтому естественной была тревога за то, как пройдет начало наступления противника, как удастся нам остановить немцев и потом самим перейти в наступление.

Без пяти три Варенцов — начальник артиллерии — отдал приказ произвести артиллерийский налет на позиции противника и выпустить по стольку-то снарядов на орудие.

А ровно в три часа с немецкой аккуратностью задрожала земля, загудел воздух. Действительно, я такого не знал и не наблюдал. Я переживал наступление противника, и сами мы наступали, но такого огня не было никогда.

Потом мы огня давали, может, и больше, но для этого периода Отечественной войны — 1943 года — противник сделал очень мощную артиллерийскую подготовку.

Авиация тоже стала громить наш передний край. Немцы использовали авиацию только на переднем крае. Задача была — сломить наше сопротивление, стереть в пыль наши укрепления, все смешать с землей и расчистить путь для танков, чтобы рвануться на Курск и окружить наши войска в этой дуге. Тем самым немцы хотели повторить, и, может, еще в большей степени, то, что они сделали с нашими войсками в 1942 году на направлении Барвенково — Лозовая.

Мы позже, когда уже наступали, разгромили 19-ю танковую дивизию и захватили штаб. Командиру дивизии удалось скрыться в пшенице. Мы его так и не поймали, хотя очень охотились за ним. Мы захватили тогда штабные документы и карту. На ней было расположение наших частей и был флажок, которым был помечен штаб Воронежского фронта.

Немцы знали расположение нашего штаба, но ни одной бомбы не сбросили, ни одного самолета не выслали для бомбежки расположения нашего штаба. Я это объясняю одним: они настолько были уверены в успехе, что игнорировали то, что штаб будет нормально вести работу и она не будет дезорганизована, связь не будет нарушена. Они считали: главное — разрушить позиции, взломать передний край, разгромить наши войска и расчистить путь для своих танков. Это главное, а все остальное они игнорировали. И действительно, немцы зверски рвались вперед. Они все использовали, все поставили на карту, чтобы решить поставленную задачу.

Земля дрожала от артиллерийских снарядов и бомб. Воздух гудел от бомбардировочной авиации и истребителей прикрытия.

Наши войска были подготовлены к отражению удара, и завязался бой. Упорный бой. Немцы лезли, как могут только немцы, люди высокой дисциплины. Черт их знает, или они какие-нибудь одурманивающие средства применяли (об этом много тогда говорили), но упорство в наступлении немцы проявили очень большое.

Наши войска упорно дрались и держали свои позиции. Но огонь свое дело делает, и количество огня ломает сталь, а не только землю и людей, которые в нее закопались и организовали оборону.

Немцы прорвали первую линию обороны. Мы это предвидели и строили три линии. У нас еще оставались вторая и третья линии. Поэтому это нас не обескуражило. Мы знали, что немцы много положили войск, много положили техники при прорыве переднего края.

первой линии обороны. В этом мы не сомневались.

О бегстве наших войск никакого разговора и не было. Наши войска дрались до последнего, умирали, но не бежали. Здесь действительно был проявлен героизм.

Бои разгорались. Тут у нас с Ватутиным стала проявляться тревога: мы, собственно, не ожидали такого нажима.Особенно нас встревожило сообщение, что появились танки противника с такой броней, которую не берет наш противотанковый снаряд. Дрожь прошла у наших людей: «Что же делать?»

Мы дали тогда распоряжение, чтобы из артиллерии бить по гусеницам. Гусеница у танка всегда уязвима, потому что если не пробьешь броню, ну, гусеницу всегда снаряд возьмет, перебьет. Гусеницу перебил, это уже не танк, а неподвижная артиллерия будет стоять на месте. Это уже выход из положения, уже, так сказать, облегчение. Наши стали так действовать, и довольно успешно. Одновременно мы стали бомбить танки с воздуха.

Тут же быстро доложили в Москву, что мы встретились с новыми танками. Гитлер их назвал «тигры». Доложили технические характеристики этого танка. Мы знали характеристики, потому что на каком-то участке наши захватили один или несколько этих танков.

Нам быстренько прислали из Москвы новые артиллерийские противотанковые снаряды, которые поражали эту броню. Это, видимо, были кумулятивные снаряды, они прожигали броню.

Но эти «тигры» сделали свое дело: поколебали уверенность в нашей противотанковой артиллерии. Мы считали, что все нам нипочем и танки немецкие мы громим. Этот танк внушал уважение и требовал к себе особого отношения от наших войск.

Очень интересные происходили события, с моей точки зрения. Решалась судьба войны, судьба страны.

Многое мне неприятно сейчас вспоминать. И обстановка сейчас другая, и время другое, и положение мое. Не то, что тогда, когда мы получали донесения и надо было быстро реагировать, находить какой-то выход и противопоставлять противнику свои решения, свои ответные ходы, которые не дали бы ему продвинуться вперед.

Бои на Курской дуге усиливались. Противник проявлял упорство и хотя и медленно, но продвигался вперед. Он вынуждал наши войска отступать. Я бы сказал, даже трудно мне подобрать слово, которое правильно бы характеризовало обстановку и наши действия. Люди стояли насмерть, но силы и по огню, и по количеству живой силы у противника были, видимо, большие. Мы не могли даже удержаться на первом рубеже. Противник теснил нас, и мы отошли на второй рубеж, где продолжали с тем же упорством оказывать сопротивление врагу. Враг не ослаблял своего напора.

Наше положение ухудшалось. Мы уже исчерпали свои силы. Мы не знали, что были еще резервы Главного командования. Потом нам сказали — за нами стоят армии Степного фронта, которым командовал Конев. Позже нам сообщили, что 47-я армия этого фронта поступает в наше распоряжение. Это произошло, когда противник уже оттеснил нас километров на 35, а может быть, даже и больше на север и когда действительно мы выдохлись.

Я поехал к Катукову. Положение было тяжелое, и Москва проявляла нервозность. Я помню, перед моим отъездом к Катукову мы разговаривали со Сталиным. Потом Молотов взял трубку. Молотов всегда в таких случаях вел разговоры грубее, чем Сталин. Допускал даже оскорбительные выражения, бесконтрольность такую словесную допускал. Но чего-нибудь конкретного, кроме ругани, мы от него и не ждали. Он нам ничем не мог помочь, потому что в военных вопросах он абсолютно никогда не пользовался каким-либо авторитетом. Он использовался как бич, как дубинка Сталина. Оскорбительно он разговаривал с командующим, а потом со мной разговаривал. Я не хочу допускать каких-нибудь неуважительных выражений в его адрес, потому что Молотов при всех его отрицательных качествах был честен, а его преданность не дает мне права в этом случае плохо о нем говорить. Если он и проявлял такую грубость, то, когда в спокойной обстановке я начинал анализировать, понимал: а что он может еще сделать, кроме ругани?

А положение сложилось очень тяжелое. Грозное, опасное положение.

Тогда-то я и выехал на главное направление к Чистякову и Катукову. Сил у них уже было мало. Армия Катукова была очень потрепана. Я не помню, сколько она к этому времени насчитывала в своем составе танков. Много было потерь. Шутка ли сказать: три линии обороны, где были расположены танки, противник пробил.

К этому моменту я уже не знаю, на какой день сражения я был у Катукова, наши войска закрепились, и противник не мог дальше продвигаться. Фронт становился, нельзя сказать, чтобы стабильным, потому что никакая сторона не добивалась перехода к обороне, но противник не имел успеха в своих усилиях в продвижении вперед.

Я многого сейчас не помню, но я и не стремлюсь дать точную картину перемещения частей и хронологию проведения операции.

Все это изложено в мемуарах многих генералов, у каждого по своему участку, и в опубликованных оперативных документах.

Из них точно известно, когда противник выдохся, когда мы задержали его продвижение и сами перешли в наступление.

Мне же хочется рассказать о своем восприятии этих событий, о каких-то запавших мне в память фактах, об интересных людях и событиях.

А главное, я хочу рассказать о том, что я думал и чувствовал в то время.

КУРСКАЯ ДУГА

Итак, мы стали теснить противника на главном направлении, а это направление определяло положение на фронте. Я не помню, сколько километров мы прошли. Мы передвинули штаб, и я со штабом вместе переехал. Новый полевой штаб организовали в землянке. В этой же землянке разместились штабы 6-й Гвардейской и 1-й танковой армий. Штабная землянка расположилась несколько южнее переднего края на кургане. Мы могли наблюдать за боем, находясь на возвышенности на фланге войск, которые непосредственно вели сражение. Я помню, тогда смотрели мы с Чистяковым, Катуковым и Попелем, и внизу очень все хорошо было видно. Все как на ладони — и действия наших танков, и действия танков противника и пехоты. Самолеты противника кружились над этой возвышенностью. Я не знал, заметили ли они нас или нет, но бомбы бросали. Правда, непосредственно в наше расположение бомб не падало, и мы отделались некоторым волнением.

Тут уже шаг за шагом медленно, но мы повернули стрелку в свою пользу. Когда противник начал наступать, то она была направлена Гитлером на север, на Москву, а мы ее повернули на 180° на юг. Наши войска стали продвигаться с тяжелыми боями. Мы уже были уверены, что противник выдохся, что мы перемололи его живую силу, что мы перемололи его технику и движемся вперед.

Мы много сил перетянули из 38-й и других армий, которые стояли на западе, на правом фланге, где не было активных действий, на это главное направление, на котором наступал противник. Мы тоже были очень истощены и много имели потерь.

Окончив все свои дела в армиях Катукова и Чистякова, я решил вернуться в штаб фронта к Ватутину. Ватутин все время сидел в штабе, как часовой «на часах», и управлял войсками. Я верил ему и уважал его. Я знал, что он все сделает, что следует сделать командующему.

Так началась грандиозная битва второй мировой войны на Курской дуге. Я считаю, что эта битва была поворотной в ходе всей войны. Немецкие войска после Курской битвы нигде больше не могли проявить инициативы и даже упорства такого, которое они проявляли в обороне под Сталинградом и в Сталинграде и особенно на Курской дуге.

После разгрома под Москвой немцы пустили в ход слух, что у русских главный союзник — зима! Русская зима! Русские зимой побеждают, потому что они в союзе с зимой.

Наполеон тоже потерпел поражение зимой. Русские разбили зимой наполеоновскую армию под Москвой, и русские разбили немцев под Москвой тоже зимой. Немцы в этом обвинили Браухича и сместили его.

Когда под Сталинградом мы разбили и уничтожили колоссальную группировку Паулюса, тоже говорили, что во всем виновата зима. Осенью окружили, а зимой добили. Тоже, так сказать, зима.

Кроме того, как под Москвой, так и под Сталинградом велись затяжные бои.

Совершенно другие условия были на Курской дуге. Лето! Самое лучшее время — 5 июля. Все цвело, все наливалось, все благоухало, если говорить высокопарными фразами, которыми другой раз люди пользуются. Это раз.

Во-вторых, здесь инициативу проявили немцы. Они выбрали направление для удара. Они ударили, когда хотели. Все средства, которые немцы хотели сосредоточить для наступления и достижения цели, поставленной перед их войсками на Курской дуге, они имели возможность собрать.

Я сейчас, к сожалению, не располагаю этими цифрами. Я не знаю, в каких работах наши военные историки собрали эти данные, сопоставили их.

Когда я занимал свое высокое положение Первого секретаря ЦК, Председателя Совмина, я всегда военных предупреждал и просил при изучении и анализе боев меньше всего полагаться на воспоминания. Надо строго руководствоваться фактическим материалом. Сейчас все это доступно: поднимите карты, сопоставьте силы, посмотрите, как они были расположены с нашей стороны и со стороны противника. Все взвесьте, и тогда будет видно, где и как были проявлены умение, знания и способности того или другого командующего.

Объективности ожидать от людей, которые участвовали в этих операциях, очень трудно.

Я много провел времени на войне, многих знал командующих. У меня были хорошие взаимоотношения в те времена с абсолютным большинством из них, хотя и были трения. Без этого нельзя. Я тоже не святой человек. Все люди живые и со своими недостатками. Нельзя жизнь прожить, как говорится, без сучка и задоринки.

Вообще я доволен теми людьми, с которыми работал на фронте. Мы почти всегда находили общий язык. Я говорю почти, но я бы мог даже сказать всегда. Были другой раз разногласия, но я сейчас не буду конкретно возвращаться к этим вопросам, чтобы не углубляться в негативную сторону.

Сейчас, после торжества разгрома немцев, когда люди, участвовавшие в боях, и награды получили, и отмечены соответственно, ворошить «грязное белье» ни к чему.

Я опять повторяю: это была грандиозная битва по времени и месту, выбранному противником. Несмотря на выбор места и времени, соответствующее комплектование войск и вооружение противника, враг был разбит и утратил инициативу в боях раз и навсегда. Уже больше счастье не возвратилось к немецкому оружию. Гитлер начал войну

вероломно и закончил ее позорно, полным разгромом немецких войск нашими войсками и войсками наших союзников.

После Курской дуги инициатива перешла полностью в наши руки.

Я и после Курской дуги продолжал быть членом Военного совета Воронежского, а потом 1-го Украинского фронта. Мы провели битву за захват Киева и потом пошли дальше.

Но эта битва 5 июля 1943 года, которую начал противник на Курской дуге, явилась вехой, и она бесповоротно склонила чашу весов в нашу пользу.

Я тоже не лишен обычных чувств человека и слабостей его, и мне приятно, что в этих грандиозных битвах, которые были проведены Красной Армией под Сталинградом и на Курской дуге, я был членом Военного совета этих фронтов.

И потому я внутренне переживал, может, это человеческая слабость, а может, и протест против несправедливости, но мне было обидно, что на торжества, которые были по случаю юбилея разгрома врага под Сталинградом, я не был приглашен. В исторических фильмах, эпизодах, которые показывались к этой дате, те, кто близко знал меня и видел эти кинокадры, видели, как все сделано было, чтобы зритель не увидел, что Хрущев тоже участвовал в этой борьбе как член Военного совета Сталинградского фронта, и поэтому он тоже несет ответственность и чувствует радость по случаю юбилея разгрома врага.

Мне рассказали еще более, я бы сказал, неприятный и позорный факт. Когда было заседание в Москве по случаю годовщины разгрома немцев под Сталинградом и когда кончилась торжественная часть, то один офицер, говорят, лейтенант, обратился к одному генералу с вопросом. Я узнал, спросил товарищей, которые там были, как фамилия этого генерала. Это оказался генерал Батов. К нему обратился этот офицер: «Товарищ генерал, скажите, пожалуйста, Сталин был в Сталинграде, когда шла битва?»

В лесу под Обоянью Н. С. Хрущев допрашивает пленного немецкого летчика. Лето 1943 г.

Мне передали, что произошла какая-то пауза и потом Батов говорит: «Я не знаю».

Этот офицер опять обратился к Батову: «Товарищ генерал, а Хрущев был в Сталинграде?»

Тоже какая-то пауза, а потом ответ: «Я не знаю».

Я знал Батова и с уважением относился к нему. Эта пауза, о которой мне передали, тоже говорит о каком-то остатке совести, стыда, что ли. Батов сказал этому офицеру, что он не знает, а он явно знал, что говорит неправду. Он-то знал и хорошо знал, что Сталина никогда там не было во время битвы. Ну, хорошо, допустим, что это секрет. Но я-то знаю, я член Военного совета, что не был там Сталин и Батов это знает. Он взял грех на свою душу, правда, не без угрызения совести, потому что была пауза. Паузу я рассматриваю как какое-то угрызение совести.

Так же и ответ на вопрос: «Был ли там Хрущев?»

Тоже была пауза. Это тоже признак остатка какой-то порядочности и угрызений совести. Он не сразу смог ответить и даже ответил уклончиво: «Не знаю». Это лучше, чем сказать «не был». Это было бы наглой ложью. Но это тоже не украшение для человека и для генеральской чести, когда он молодому офицеру говорит неправду, историческую неправду.

Этот офицер узнает потом, кто там был и кто не был. Узнает, потому что в истории проходит время, умирают те или другие люди, которые заинтересованы в непомерном выпячивании того или другого факта или лица, игравшего какую-то роль в этих событиях, или же в затаптывании, умалении кого-то. И только время, как реставратор, снимает все наслоения, налеты неправды и клеветы. Все это будет расчищено, и каждый факт получит свое правильное освещение, и все участники займут свое место. Я в этом глубоко убежден. Я верю, верю в человека, верю в его правдивость, и это является для меня успокоением и утешением.

...Мы перешли в наступление. Я бы сказал, даже не наступление это было, а вытеснение противника, потому что силы у нас были слабые, но противник потерял много. Поэтому он утратил не только возможность дальнейшего продвижения, но даже возможность задержаться на том рубеже, которого он достиг в результате наступления на Курской дуге.

Наше наступление, вытеснение врага продолжались несколько дней. Мы, наверное, километров 20 с лишним или 30 теснили противника. У нас сил не хватило, чтобы его отбросить на старый рубеж, который он занимал до 5 июля, и нам пришлось прекратить это наступление. У нас уже не было сил, и мы выдохлись, наступление прекратили. Стали подсчитывать свои возможности и определили, что можем возобновить наступление 3 августа.

Я отлично помню этот день. Этот день памятен тем, что мы подняли голову, расправили свои крылья, спину и готовились к нанесению удара. Не только к вытеснению врага на старый рубеж, нет, мы уже готовились тогда к захвату Белгорода, Харькова и повороту на запад с тем, чтобы выйти к Днепру.

Был организован лобовой удар. Сил к этому времени у нас было меньше, чем к 5 июля — началу немецкого наступления, но мы чувствовали, что и этими силами можем нанести удар противнику.

Нанесли удар: противник дрогнул, стал пятиться. Я говорю — пятиться, но не бежать. Таким путем, путем теснения мы продолжали наступать и оттесняли противника на юго-запад.

Заняли Белгород. Потом заняли Харьков. Торжества в Харькове были большие. Народ хорошо встретил вступление нашей армии. Мы провели там большой митинг. Было очень торжественно, люди сияли.

Еще несколько эпизодов у меня в памяти отложилось.

Один из них я хочу записать. Правительство Украины устроило обед для военных, участников разгрома противника и освобождения города Харькова. Не так много было людей на этом обеде. Были Жуков, Конев и другие. Ватутина не было, так как этот участок отошел от Воронежского фронта и командующим на этом направлении был Конев. Обедали. По такому случаю были и 100 граммов, а желающие могли получить и больше по особо торжественному случаю.

Я помню, артист Лаптев, видимо, больше получил, чем 100 граммов. Иначе бы он не обратился с такой просьбой. Он подошел к нам — мы сидели рядом с Жуковым — и обращается к Жукову: «Товарищ Жуков, товарищ генерал, я очень хочу быть военным. Я вас очень прошу поэтому, присвойте мне звание полковника. Я очень хочу иметь звание полковника».

Человек, так сказать, под хмелем был. Я знал Лаптева, и если бы не такое состояние, то вряд ли бы он так настойчиво старался доказать, что ему хочется быть военным и хочется иметь военное звание полковника. Генерал больше, но до генерала, он, видимо, считал, за следующим обедом можно будет добраться после того, как будет присвоено звание полковника. Я смотрел, отговаривал его шуточками, но он продолжал просить.

Но что меня удивило. Под каким-то особым настроением, а может быть, и под влиянием 100 граммов, вдруг ко мне оборачивается Жуков и говорит: «А знаешь (мы тогда с ним в очень дружеских отношениях были), ведь я имею право по положению, как заместитель главнокомандующего, присваивать звания до полковника»,— и смотрит на меня.

Я говорю: «Знаешь что, давай мы эти вопросы завтра обсудим».

Я стал более твердо настаивать, чтобы Лаптев прекратил свои просьбы и занял свое место. Он это и сделал.

Конечно, назавтра никто не поднимал этого вопроса, ни Лаптев, ни тем более Жуков...

ОСВОБОЖДЕНИЕ КИЕВА

Это была торжественная минута. Начались бои нового этапа наступления на запад. Мы вышли на западный берег Днепра, дрались за освобождение Киева, матери городов русских, столицы Украины. У каждого подпирали к горлу слезы радости за Киев. Наконец-то пришло время. С 1941 года мы так далеко, к Сталинграду, были отброшены. Наши самолеты уже не могли даже долететь до Киева. И вот мы сейчас под Киевом и завтра-послезавтра будем в самом Киеве.

Тогда заместителем командующего Воронежским фронтом был Гречко. Перед наступлением мы его послали, чтобы он в Межгорье оборудовал себе командный пункт, наблюдал оттуда и помогал организовать войска. Помню, заходило солнце. Вечер теплый, но все-таки осень была, мы вышли в бурках внакидку. Пришел Гречко и что-то мне докладывает. Так как у него рост невероятный, а я давно его знал и с уважением к нему относился, то я пошутил: «Товарищ генерал, вы, пожалуйста, встаньте подальше. Мне тяжело смотреть вам в лицо, когда вы делаете доклад».

Он засмеялся, а я попятился назад, и он стал докладывать. Доклад, я не помню, о чем. Доклад был ясен: «Противник разбит». Мы это знали так же, как и он.

Вдруг взрыв. Взрыв, и клуб дыма поднялся.

Зная расположение Киева, я говорю: «Это немцы взрывают завод «Большевик» в западной части Киева перед Святошином. Раз взрывают, значит, немец бежит».

Перед нашим наступлением я попросил генералов, командиров наступающих частей назначить специальные группы, которые, когда наши войска ворвутся в Киев, сразу пойдут к зданию ЦК, к зданию штаба Киевского военного округа, к Совету Министров, Академии и другим центрам с тем, что если немцы их не успели взорвать или сжечь, но заложили заряды, то обезвредить эти фугасы. Это сыграло свою роль.

Когда начались взрывы, я обратился еще к товарищу Варенцову, командующему артиллерией: «Товарищ Варенцов, я вас прошу, прикажите артиллерии накрыть Киев беглым артиллерийским огнем».

Он смотрит на меня недоуменно. Знает, какой я патриот Киева, как я люблю этот город, и вдруг я ему приказываю обстрелять Киев.

«Почему я хочу это сделать,— говорю я ему.— Если вы сейчас обстреляете Киев, это ускорит бегство немцев. Панику мы создадим. Они меньше сделают вреда для Киева. А снаряды, они много не навредят. Это небольшой обстрел, беглый. Снаряд больших разрушений никогда не приносит. Это легко восстановить, а если немцы задержатся там, то они могут заложить фугасы и значительно больше нанести вреда Киеву».

«Есть. Сейчас будет приказано».

Он приказал, и начался обстрел Киева.

Наши войска вступили в Киев ночью с 5-го на 6-е. Это особо торжественный день — канун Великой Октябрьской революции. Могут теперь сказать, что мы приурочили освобождение Киева к этому празднику и для хвастовства можно было бы и согласиться. Честно говоря, нет. Так сложилась обстановка и возможности, но очень хорошее получилось совпадение по времени: освобождение Киева 6-го, и 7-го празднование Октябрьской революции. Тогда, правда, празднования у нас никакого не было, но приятно было чувствовать себя победителями.

Жуткое впечатление производил город. Такой большой, шумный, веселый, южный город, и вдруг никого нет. Знаете, прямо шаги собственные слышишь, когда идешь по Крещатику. Потом мы повернули на улицу Ленина. Эхо отда-

валось в пустом городе, а может быть, от сильного напряжения складывалось такое представление. Во всяком случае, впечатление очень тяжелое было.

Вскоре стали появляться люди. Прямо, знаете, как из-под земли они появились. Мы с Крещатика поднимались в направлении Оперного театра по улице Ленина, старое название ее Фундуклеевская. Мы идем, разговариваем, делимся впечатлениями, вдруг истерический такой крик. Бежит к нам молодой человек. Не знаю, в каком он состоянии был.

Помню, только повторял: «Я — единственный еврей. Я — единственный еврей в городе Киеве, который остался в живых».

Я его успокаивал. Спросил: «Что вы хотите сказать?»

Он опять мне повторял то же самое. Я видел, что он в состоянии каком-то особом, и даже испугался за его психику.

Я его спросил: «Как вы выжили?»

«А вот у меня жена — украинка. Она работала там в столовой, а меня спрятала на чердаке. Я высидел все время на чердаке. Она меня кормила и тем спасла. Если бы я появился в городе, то меня бы, как еврея, уничтожили».

Потом стали появляться другие люди. Я помню: шел какой-то человек с седой бородой, уже не молодой. Шел с какой-то кошелкой. Ну, рабочая кошелка. Когда я работал на заводе, то в такой же кошелке носил себе завтрак и обед на работу. Он бросился ко мне на шею, стал обнимать, целовать. Это было очень трогательно. Оригинальная получилась такая фотография. Какой-то фотограф успел сфотографировать эту сцену, и потом фотография облетела многие журналы и газеты.

Вот так был занят Киев. Я составил записочку небольшую, как проходил бой и как наши войска стойко дрались. Я эту записочку послал в Москву, хотел просто порадовать Сталина. Сам радовался и хотел его порадовать, что вот к 7 ноября мы заняли Киев. Я был удивлен, когда на второй день я прочитал газету и увидел, что моя записочка полностью была опубликована в «Правде».

Потом Сталин, когда я приехал в Москву, прочел мне что-то вроде родительской нотации: «Вот ты сообщение сделал шифровкой по секрету, а мы взяли и опубликовали».

Я говорю: «Товарищ Сталин, кто вам докладывал, что это сообщение было зашифровано? Никакого шифра не было. Записка была передана по телефону. Мы из Киева передали по «ВЧ», а Поскребышев записал и доложил вам».

Он спросил Поскребышева. Тот говорит: «Да, да, товарищ Сталин».

Сталин тогда почувствовал некоторую неловкость — он хотел уколоть, что, мол, я секретничаю в вещах, которые секрета не содержат, а получился глупый укор...

...Я уже не помню числа, но, видимо, в последних числах марта, я по распутице только определяю — распутица была невероятная на западе,— наши войска предприняли наступление и сбили немцев с позиций. Немцы не выдержали натиска и бежали. Они оставили огромные военные обозы и очень много людей, которых немцы почему-то тянули за собой.

Вдруг мне докладывают, что в этом обозе оказался Гмыря, знаменитый артист, певец с прекрасным голосом. Я уже в своих воспоминаниях говорил, что он остался в Харькове. Потом он объяснял, что кто-то из его близких был болен. Очень трудно выяснить сейчас правду, и я не хочу этого делать, потому что все, кто оставался, как по сговору, аргументировали одинаково: жена больная, отец больной, мать больная, и он не мог их бросить.

Одним словом, мне сказали, что Гмыря со всем имуществом ехал в этом обозе. Я приказал сейчас же доставить его в Киев. Его доставили. Я потом специально разговаривал по этому вопросу со Сталиным, потому что сам решить не мог.

Гмыря — это имя грандиозное. Когда немцы заняли Харьков, мы получили сообщение — по радио, что ли, немцы передали, что Гмыря пел перед собравшимися офицерами немецкой армии. Возможно, что и не было этого, а немцы хотели афишировать, что известный украинский артист выступает перед немецкими офицерами.

Я со Сталиным говорил, мол, надо нам определить наше отношение к Гмыре, он артист и очень хороший артист. Я его не знал — но, по-моему, он консерваторию окончил в 1938 или даже в 1939 году.

Я говорю: «Мы бы хотели его оставить в Киевской опере (а он пел в Харькове до войны), но нужно будет ожидать очень больших возражений со стороны Ивана Сергеевича Паторжинского».

Паторжинскому очень симпатизировал Сталин. Да и он заслуживал это. Паторжинский хороший артист и хороший певец был. Он не только хорошо пел, но и хорошо играл. Хорошее сочетание у него было голоса и игры артистической.

Сталин согласился со мной: «Да, возьмите».

Я не ошибся, сейчас же стали голоса раздаваться: «С изменником Родины мы не будем спивать, не будем». Я знал, откуда это исходит. Тут был и патриотизм, но здесь была и конкуренция.

Мы потом разъяснили, что Гмыря виноват, что он не отошел с нами, если имел возможность, но сейчас трудно выяснять, и не хотим мы расследовать это дело. Трудно сейчас сделать заключение: хотел он или не хотел, но факт есть, что он остался. Это плохо.

«Но,— говорю я,— мы всю Украину оставили. Так что те, кто остался, имеют какое-то право обвинять нас за то, что мы убежали, мы их оставили. Поэтому сейчас копаться, отыскивать виновных и наказывать тех, которые остались с немцами, надо с умом. Иначе миллионы надо наказывать. Они остались, а у них другого выхода не было. Надо подойти более серьезно и здраво при оценке и определении своего отношения к каждому лицу, которое оставалось на территории, занятой немцами».

Гмыря остался в театре. Потом через какое-то время я встретился с ним, по-моему, уже после окончания войны. Он хотел встретиться еще во время войны, но я тогда считал, что это не совсем удобно для меня.

Когда я был в Закарпатье и Гмыря там был, я сказал, чтобы он пришел ко мне на квартиру. Он мне хотел излить свою душу, но, чтобы его не вызывать на это — это неприятно любому человеку,— я угостил его хорошо, попросил спеть. Он пел.

«Ну,— я говорю,— что вы хотели сказать?»

«После всего того, что я почувствовал,— отвечает он,— и услышал от вас, мне больше сказать нечего, кроме благодарности. Я вам очень благодарен, и я никогда не забуду вашего отношения ко мне в тяжелую для меня минуту, которая была после того, как я остался на территории, занятой немцами».

Таким образом, Гмыря вернулся, занял свое место и вошел в свою форму артиста и человека. Он с большой пользой работал в театре и выступал в концертах. И сейчас он выступает. Я, когда узнаю, что он выступает по радио или по телевизору, пользуюсь этим случаем, наслаждаюсь и слушаю.

Был еще крупный певец на Украине — Донец. В паре они пели с Паторжинским. Хороший голос. Не знаю, по каким данным, но за ним укрепилась среди партийного актива и особенно у чекистов слава антисоветского человека, националиста. Он не подвергался аресту, но, когда нависла угроза, что Киев будет захвачен немцами, его арестовали. Никаких конкретных данных, кроме интуитивных, не было. Я от него был на довольно приличном расстоянии и не знал его души и его настроений. Только по докладам, по агентурным сведениям получалось, что он антисоветски настроен, что он украинский националист и прочее. Арестовали его, руководствуясь мотивами, что немцы знают его политические антисоветские, антикоммунистические настроения и после захвата Киева могут его использовать. Чтобы не дать этой возможности врагу, его арестовали. Он очень скоро умер. Может быть, если бы не было войны и ареста, то человек бы еще жил и работал на пользу своего украинского народа.

Уже после войны я возвращался несколько раз к этому Донцу. Мне думается, что это были наветы. Это был плод искусственно вызванного подозрения. В каждом человеке видели нераскрытого врага. По своему характеру он был крутой человек, своенравный. Как мне потом рассказывали, он не низкопоклонничал, с достоинством держал себя, а может быть, даже проявлял и высокомерие. Видимо, это и послужило поводом оценить его как антисоветского человека. Если бы он не был арестован, он, может быть, еще и пожил бы.

ГИБЕЛЬ ВАТУТИНА

...Вдруг, я не помню уже, в каком месяце, но поздняя весенняя распутица была, мне сообщили, что ранен Николай Федорович Ватутин. Меня это очень огорчило, хотя сказали, что жизни его рана не угрожает. Ранен он был в ногу, а при каких обстоятельствах, точно мне тогда не доложили. Прошло какое-то время, и мне сообщили, что Ватутин вагоном направляется в Киев. Я встретил Ватутина. Он чувствовал себя как всякий раненый, но был уверен, что скоро вернется к работе. Ему, кажется, предлагали поехать лечиться в Москву, но он решил остаться в Киеве, потому что здесь он был ближе к фронту. И мог не прекращать своей деятельности командующего, занимаясь военным делом.

Врачи приехали, в том числе Бурденко. Бурденко — крупнейший хирург: большего и лучшего желать для лечения в те времена и не требовалось.

Бурденко осмотрел Ватутина и мне сказал: «Ничего, это рана неопасная. Мы его, видимо, быстро сможем поставить на ноги, и он приступит к исполнению своих обязанностей».

После ранения Ватутина командование принял Жуков, мне так кажется. Жуков командовал временно, пока не выздоровеет Ватутин.

Мне доложили, при каких обстоятельствах и где был ранен Ватутин. Он ранен был украинскими националистами, бандеровцами. Бандеровцы воспользовались неосторожностью, непредусмотрительностью не только Ватутина, но и людей, которые отвечали за его охрану. Он находился в каком-то населенном пункте на территории Западной Украины, и ему нужно было переехать в другой пункт. Он решил ехать ночью. Непролазная, говорят, грязь была. Вообще-то на фронте чаще всего на рассвете или в сумерках вечерних переезжали.

Он поехал. Впереди ехал виллис с автоматчиками, потом ехал Ватутин, тоже в сопровождении автоматчиков. Где-то на развилке дорог они разминулись, впереди идущая машина с охраной поехала в одном направлении, а Ватутин поехал в другом направлении. Они раскололи, так сказать, свое движение и образовали вилку. Ватутин проезжал через какую-то деревню, раздалась пулеметная очередь, и в машине ранили Ватутина. Я не помню, нападающие захватили машину или разбежались.

Потом мы тех, кто напал на Ватутина, поймали, но уже поймали после войны. При допросах, как мне докладывали, они говорили, что узнали, что они ранили или убили Ватутина и какие-то вещи или документы попали в их руки.

Лечение проходило довольно успешно. Я каждый день приезжал к Ватутину. Он чувствовал себя хорошо, уверенно шло выздоровление. Уже начал заниматься делами, и был назначен день, когда он сможет официально приступить к исполнению своих обязанностей и вернуться в штаб.

Как-то он мне говорит: «Что-то температура у меня поднялась, и я плохо себя чувствую».

Врачи его осмотрели и сказали, что, видимо, это рецидив малярии. Он болел малярией, и на фронте, когда мы были с ним вместе, он тоже болел малярией.

Я говорю: «Жалко. Она, видимо, измотает вас. Ну, ничего не сделаешь».

Через день-два этот процесс стал нарастать, и тогда врачи говорят: «Это не малярия. Это более серьезное. Начался процесс заражения раны».

Всех это встревожило — заражение раны — это нагноение, это гангрена, это ампутация по меньшей мере или же смерть. Надо было лечить. Врачи считали, что надо применить пенициллин, и это нужно было, но они могли это сделать только лишь с согласия Сталина, а Сталин, как мне говорили, воспротивился этому. Я с ним не разговаривал по вопросу пенициллина, но мне врачи сказали, что пенициллин отвергнут, что Сталин его отверг.

Мотивы выдвигались такие: пенициллин был не советский (у нас его не было), а американский, и Сталин считал, что, может быть, и сам-то пенициллин зараженный, может быть, подослан такой пенициллин, чтобы ослаблять наши силы, и лечить таким лекарством такого крупного военного деятеля, как Ватутин, недопустимо.

Не мне судить, должны судить врачи, а врачи тогда мне говорили, что если бы пенициллин ему был дан, то это совершенно могло повернуть ход болезни и спасти жизнь Ватутина. Но они так и не могли ничего сделать.

Положение ухудшалось. Я однажды пришел, и Бурденко так отвел меня в сторону и говорит, что единственный выход — это операция, как можно быстрее. Надо отнять ногу.

«Мы,— говорит,— возлагаем большую надежду на вас. Вам нужно поговорить с Ватутиным раньше, чем нам. Вы сошлетесь на нас. Лучше вы скажете — он к вам питает большое уважение и доверие, и вы сможете найти слова и убедить его согласиться на операцию».

Я говорю: «Хорошо».

Я с ним заговорил: «Николай Федорович, ваша болезнь, рана дает осложнение. Врачи говорят, что нужна ампутация, надо отнять ногу. Я понимаю, что это значит для каждого человека, но, Николай Федорович, генерал без ноги возможен, а пожалеешь ногу, потеряешь голову. Выбор один: или смерть, или ампутация. Ампутация даст жизнь, а если этого не сделать, то смерть. Я прошу вас согласиться на операцию».

Он ответил довольно спокойно: «Да, я согласен. Скажите врачам, пусть делают все, как они считают нужным. Я готов хоть сейчас».

Я сейчас же сказал об этом Бурденко. У него был помощник — крупный хирург, я сейчас фамилию его не помню — он, собственно, и делал ампутацию под наблюдением Бурденко.

Была сделана операция. Я пришел после операции, они мне показали результаты. По-человечески говоря, это картина страшная: не только без ноги, но когда видишь открытую рану, то для медиков это зрелище довольно впечатляющее и, откровенно говоря, производит неприятное впечатление.

Стали следить, стали лечить его. Все делали, чтобы состояние здоровья его улучшалось. Я не знаю, сколько дней протянул он еще в таком состоянии. Мне позвонил Бурденко или его ассистент и попросил, чтобы я приехал, потому что Ватутин уже находился в тяжелейшем состоянии. Он метался, насколько мог подниматься на руках, требовал блокнот, карандаш и что-то пытался написать, какую-то телеграмму. К Сталину обращался,

чтобы Сталин спас его, и прочее.

Я подошел к нему. Он бросался, обнимал, целовал. Уже он был в полусознании, но хотел жить и поэтому обращался к каждому, кто мог в какой-то степени помочь отвоевать его жизнь.

Я ему сказал: «Николай Федорович, Сталин знает и Сталин все делает».

Я действительно со Сталиным говорил о нем по телефону.

Потом Сталин меня упрекал, что мы допустили, что Ватутин умер. Это я допустил! Тут Бурденко ничего не мог сделать, а что я могу сделать — простой человек? Он же сам запретил пенициллин использовать, но об этом он, конечно, не говорил мне — чувствовал, наверное, что это плохое впечатление произвело. Я не спрашивал Сталина об этом, потому что если бы я спросил, то это звучало бы каким-то упреком.

Когда я уже уходил, я Бурденко сказал: «Мое такое впечатление, что Николай Федорович умирает».

Он мне сказал, что он несколько дней еще может пожить.

Я ответил: «Я думаю, что этой ночью или даже к ночи он кончится».

И действительно. Я уехал, и мне позвонили через несколько часов: «Приезжайте — очень тяжелое состояние у Ватутина. Мы хотели, чтобы вы приехали».

Я приехал, вошел в помещение, где он лежал. Он уже или был мертв, или кончался.

Так закончилась жизнь замечательного человека — Николая Федоровича Ватутина, человека очень преданного Коммунистической партии, Советскому государству и своему народу. Он был честнейший, преданнейший, трезвый и сугубо партийный человек. Я много видел военных, но немногие среди них были такими хорошими коммунистами, каким являлся Николай Федорович Ватутин.

Так я и расстался с ним, потеряв хорошего товарища и, я бы хотел сказать, хорошего, верного друга. Я не так был близок к нему до войны, но я сблизился с ним во время войны. Я очень глубоко его уважал и уважаю.

Когда хоронили его, я поставил вопрос о том, чтобы соорудить памятник ему. Сталин согласился. Когда стали готовить памятник, возник вопрос, какую надпись сделать на памятнике. Я предложил написать примерно так: «Генералу Ватутину от украинского народа». Я считал, что это самое почетное — он воевал на Украине, он освобождал украинские земли от гитлеровской Германии. Это было принято. Когда уже стали готовить надпись, вдруг в Москве подняли этот вопрос. Тогда был начальником культуры кто-то с украинской фамилией — Рябченко или Скрябченко, но не украинец. Вот он вдруг мне звонит и говорит, что такую надпись нельзя сделать.

Я говорю: «Почему?»

«Это,— говорит,— националистическая надпись. Это, наверное, Бажан придумал, а Бажан — националист».

«Постойте,— говорю,— это не Бажан, это я предложил. Бажану тоже понравилось, этого я не отрицаю. Какой же здесь национализм — от украинского народа русскому человеку, так это же награда, это наоборот! Украинские националисты с ума сойдут, если на памятнике русскому человеку надпись сделать от украинского народа».

Мне потребовалось много усилий, чтобы отстоять эту надпись, и только тогда я победил, когда обратился к Сталину и сказал, что это возмутительно.

Он ответил: «Пошлите их к черту. Сделайте, как вы предлагаете, и все».

Так и было сделано. Памятник и сейчас стоит. Он является хорошей памятью о жизни и деятельности Ватутина, признанием украинским народом его заслуг в борьбе против интервенции.

Когда я бывал в Киеве, то всегда ходил к памятнику Николаю Федоровичу Ватутину и отдавал ему должное уважение, почтение и признание.

На митинге в освобожденном Киеве.

Владимир ВЕЛЕНГУРИН,
фото автора

ПРОКАЗА... МНОГИЕ СТОЛЕТИЯ ЭТА БОЛЕЗНЬ НАВОДИТ УЖАС НА ЛЮДЕЙ. В СРЕДНИЕ ВЕКА ВХОД В ГОРОДА ПРОКАЖЕННЫМ БЫЛ ЗАПРЕЩЕН ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ. КОЛОКОЛЬЧИК ИЛИ ТРЕЩОТКА В РУКАХ ОТВЕРЖЕННОГО ИЗВЕЩАЛИ О ЕГО ПРИБЛИЖЕНИИ, ОБ УГРОЗЕ, ЗАСТАВЛЯЛИ ВСТРЕЧНЫХ РАЗБЕГАТЬСЯ...

Проказа по-гречески «лепра». Долгое время природа этой болезни была загадкой. После второй мировой войны число заболевших резко пошло на убыль: медицина в борьбе с лепрой делала успехи! Более того, сейчас эта болезнь, если только она не запущена, излечима. Курс лечения в лепрозории длится несколько месяцев. И человек может выписаться и жить дома. Но до конца жизни он находится под наблюдением врача.

Сейчас в нашей стране осталось всего несколько лепрозориев, в них лечатся несколько тысяч человек. Абинский клинический лепрозорий находится недалеко от поселка Синегорск, что в Краснодарском крае. Основан он в 1905 году. Сейчас в нем остались 172 человека. Новые больные сюда давно не поступали (один человек пока лишь подозревается в заболевании, находится на обследовании).

Обитатели лепрозория живут в изоляции. Стена отделяет их от внешнего мира. Вход в лепрозорий строго запрещен. А за стеной хорошие дома с приусадебными участками, хозяйственные постройки, есть и домашние животные. Люди находятся на полном государственном обеспечении.

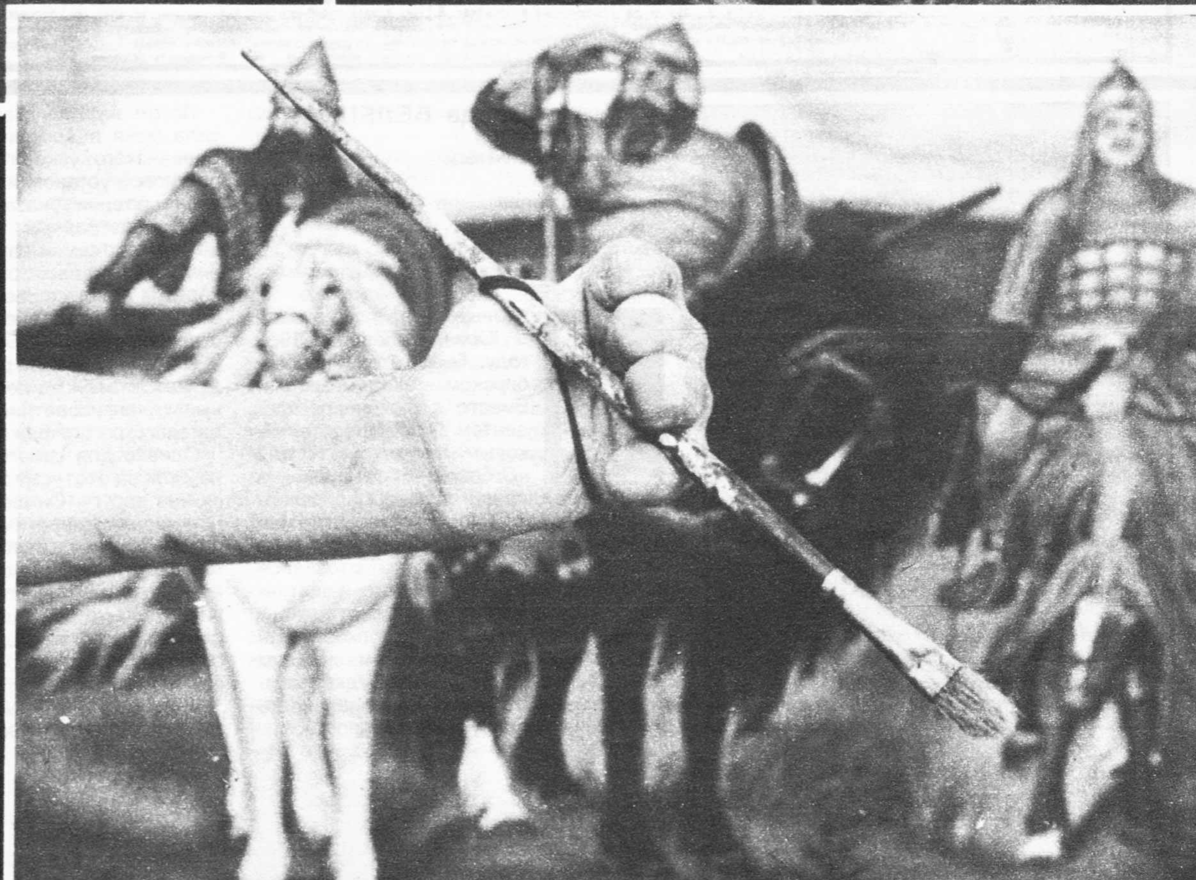
Есть здесь клуб, библиотека, прачечная, швейная, обувная и ортопедическая мастерские, магазины. Жизнь остается жизнью. Случается, что больные регистрируют браки, рождаются дети. На свет они появляются вполне здоровыми. Но вероятность их заражения, если они останутся с родителями, очень высока. Поэтому новорожденных забирают в специальный детский дом, он неподалеку от лепрозория. Сейчас там, например, шестнадцать детей. Были случаи утайки только что ро-

А
ПРОДО

ЖИЗНЬ

ЛЖАЕТСЯ...

дившихся детей! Трагедию родителей можно понять... Но дети должны быть здоровыми.

Кстати, даже вылечившиеся и в общем-то здоровые люди не спешат покинуть лепрозорий. Страх перед обычной жизнью удерживает их, они не спешат ломать сложившийся за десятилетия жизненный уклад. Живут и умирают здесь, за стеной, как правило, своей смертью. Интересно, что моложе сорока лет в лепрозории никого нет. А среди стариков есть и перешагнувшие за девяностолетний рубеж.

УЗНИК СОВЕСТИ

Из зала суда

ФАЛЬШИВАЯ КАРТА

15 мая Московский городской суд в открытом судебном заседании начал слушание дела Ю. Ф. Орлова. В целях подрыва и ослабления Советской власти Орлов в течение 1973—1977 годов занимался антисоветской агитацией и пропагандой, изготовлял и распространял документы, содержащие клеветнические измышления, порочащие наш государственный и общественный строй, то есть совершил преступление, предусматриваемое частью I статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР.

Четыре дня шел процесс. И с каждым вопросом к подсудимому, с каждым показанием свидетелей все яснее проступало лицо Орлова — клеветника и провокатора.

Физик по образованию, Орлов в последние годы всецело посвящает себя составлению тенденциозной, лживой информации для зарубежных антисоветских изданий и радиостанций. С этой целью он устанавливает и поддерживает тесные отношения с некоторыми аккредитованными в Москве зарубежными корреспондентами (Д. Кримски, Р. Тотом, А. Френдли, К. Ренном, П. Осносом), щедро снабжая их сфабрикованными «сообщениями».

Орлов спекулирует на интересе западной общественности к хельсинкским соглашениям. Маскируя свои подрывные цели, он в первую очередь фабрикует документы о якобы имеющих место фактах нарушения этих соглашений в СССР и рассылает их в находящиеся в Москве посольства капиталистических стран, в редакции зарубежных газет и радиостанций. Он выступает с разного рода «заявлениями» и «дек[illegible]

клевещет на внутреннюю и внешнюю политику СССР. Орлов изготовляет «документы», заведомо зная, что они могут и будут использованы зарубежными антисоветскими организациями и пропагандистскими центрами против Советского государства. При этом он использует весь низкосортный арсенал врагов нашей Родины — от демагогии до самой дешевой лжи.

В погоне за популярностью на Западе Орлов поставляет туда рожденные его фантазией так называемые факты нарушения гражданских прав в СССР. Но что ни «факт», то ложь. На судебных заседаниях одна за другой вскрывались фальшивки клеветника. Так, например, из-под пера его вышло сообщение о якобы имевшей место в августе 1976 года забастовке докеров в Рижском порту. Достоверности ради приводились даже фамилии «репрессированных во время забастовки». Антисоветские издания и радиостанции тут же охотно подхватили и распространили эту, с позволения сказать, «информацию». Однако в ходе следствия и на суде показаниями свидетеля В. Варна лживость этой так называемой информации была доказана от начала до конца. Никакой забастовки в Рижском порту не было, а лица, упомянутые как «репрессированные», просто-напросто выдуманы Орловым.

Еще одна фальшивка — Орлов придумывает сообщение о «репрессиях в СССР по политическим мотивам». Он и здесь по-

но пострадавших» — Волкова, Рыбакова, Бабича, Ковтуненко, Блеймана, Митько и Уварова. Кто же они, эти «жертвы произвола»? Оказывается, Волков и Рыбаков осуждены за кражу и злостное хулиганство, особо опасный рецидивист Бабич — за хищение огнестрельного оружия, Ковтуненко — за взятки, а трое последних вообще не привлекались к уголовной ответственности.

Орлов хорошо знает, чего ждут от него за рубежом. Он строчит очередные домыслы о «страданиях людей в исправительных учреждениях» и о якобы применяемых в СССР «психиатрических репрессиях» за политические убеждения. Лживость всех этих измышлений вскрыта показаниями свидетелей Н. Георгиевской, Ю. Шелия, И. Емельяновой, Л. Сухачевой и другими.

— Что вы можете показать по поводу предъявленного вам «сообщения» Орлова? — спрашивает судья свидетельницу — врача В. Блохину.

— Оно абсолютно не соответствует действительности, — следует ответ.

Злонамеренная подтасовка фактов — вот что лежит в основе «деятельности» Орлова. Он, например, составляет списки лиц еврейской национальности, якобы «насильно задерживаемых в СССР». И что же? На день составления «документа» указанные в нем З. Шамрай, А. Ром и Д. Кофманский уже выехали в Израиль, а другие названные им люди никогда не подавали заявлений о выезде.

перечислять все клеветнические «факты», состряпанные Орловым. Они похожи один на другой — и методом высасывания их из пальца, и закономерным концом: все они лопаются, как мыльные пузыри, при первой же проверке.

Своей «деятельности» Орлов пытался придать как можно большую значимость. Иногда тщеславие клеветника не удовлетворялось просто «информацией». И тогда на свет появлялись документы, громко озаглавленные «Московское обращение» или «Ко всем ученым мира». У себя на квартире Орлов устраивал сборища, где перед иными падкими на дешевую сенсацию иностранными корреспондентами этот «борец за права человека» выступал собственной персоной.

Ну, а чем же занимался подсудимый помимо антисоветской стряпни? Четыре последних года нигде не работающий Орлов со своей также нигде не работающей третьей по счету женой И. Валитовой жил вполне безбедно. Были, конечно, некоторые хлопоты, связанные с необходимостью переводить в рубли получаемые от иностранных хозяев подачки. (Подсудимый во время допроса в суде не отрицал получения таких подачек из-за рубежа). И Орлов без отрыва от фабрикаций лжесообщений спешит сдавать в комиссионные магазины Москвы вещи, приобретаемые на присылаемые гонорары и полученные в посылках. В деньги превращается все — от мотка мохера до радиотехники. Зарубежные

сылках можно было найти и швейные нитки, и туалетное мыло, и материал для женских фартуков, и даже хлопчатобумажные мужские, простите, кальсоны.

Орлов хорошо знал, на что идет, и понимал, что его враждебная государству, где он живет, деятельность противозаконна. Еще в мае 1976 года он был официально предупрежден советскими властями, что если не прекратит заниматься злонамеренной клеветой и фальсификацией, то может быть привлечен к уголовной ответственности. Но зарвавшийся клеветник не успокоился. Орлов пишет о «советской угрозе», открыто подстрекает западные страны к вмешательству во внутренние дела СССР. При обыске, как говорится в обвинительном заключении, у него кроме собственных клеветнических сочинений найдены соответствующие «бюллетени» координационных пропагандистских антисоветских центров.

Припертый к позорному столбу неопровержимыми уликами, показаниями свидетелей, Орлов, однако, и на суде ведет себя как нечистый на руку картежник, пойманный с фальшивой картой в руке: он изворачивается, юлит, задает провокационные вопросы свидетелям. Но ни один факт, приведенный в судебных заседаниях, он не может опровергнуть. Фальшивая карта бита...

Реакция присутствующих в зале судебного заседания москвичей одинакова — ничего кроме чувства возмущения не

ступление Орлова, ни поведение его на суде.

«У Орлова нет ничего святого за душой. Все, что он делал,— результат полного отсутствия у него чести, достоинства. Он хотел любой ценой выслужиться перед своими западными покровителями, и приобретенный политический капитал перевести затем в звонкую монету. Он спекулянт от политики» — это мнение находящегося на процессе токаря А. Парушкина.

«Орлов называет себя ученым. Но разве это звание не предполагает прежде всего высоких моральных качеств? А у него? Ни чувства благодарности к стране, давшей ему образование, ни элементарного стыда за свои поступки, которые иначе, как грязные, и не назовешь» — это слова научного работника А. Тумановой.

«Преступление преступлению рознь. Но нет действий гаже, чем действия, направленные против своей Родины» — это говорит маляр Люблинского литейно-механического завода В. Половников.

Да, Орлов оказался на скамье подсудимых не за свои взгляды или настроения. Он предстал перед народным судом за конкретные преступные действия, направленные на подрыв международного авторитета Советского Союза, на ослабление советского строя, за действия, идущие во вред советскому обществу, советскому народу.

Виновность Орлова в агитации и пропаганды, фабрикации и распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, судом доказана полностью.

Кое-где на Западе уже слышен «плач» по Орлову. Как же, как же, еще один (а их всех-то по пальцам пересчитать можно) фальсификатор схвачен за руку, пойман с поличным! На страницах антисоветских газет всех мастей уже замелькало его имя, микрофоны антисоветских радиостанций всех голосов уже надрываются от печали.

Нет, господа! Демократия не совместима с действиями, совершенными Орловым, с ложью и провокациями, с клеветой, агитацией и пропаган[illegible] направленными пр[illegible] своей страны и общ[illegible] наносящими им у[illegible] Понятие и принципы [illegible] циалистической демо[illegible] тии четко зафиксиров[illegible] в Конституции СССР — Основном Зако[illegible] страны. И со[illegible] они неукоснит[illegible]

И во имя [illegible] ной демокра[illegible] защиты стра[illegible] ва от клевет[illegible] ных сидящем[illegible] подсудимых, суд сегодня об[illegible] решение: призна[illegible] Ю. Ф. виновным в [illegible] ветской агитации и п[illegible] ганде и в соответствии с частью 1-й статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР приговорить его к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.

Присутствующие на процессе с удовлетворением встретили вынесенный Орлову приговор.

1985 год. Ю. Орлов в якутской ссылке.

«В ОЧЕРКЕ ВАНДЫ БЕЛЕЦКОЙ «ВЗЫВАЮЩИЙ», ОПУБЛИКОВАННОМ В ЭТОМ ГОДУ В «ОГОНЬКЕ», ПРИВОДИТСЯ ПИСЬМО П. Л. КАПИЦЫ Ю. В. АНДРОПОВУ, В КОТОРОМ АКАДЕМИК НАРЯДУ С А. Д. САХАРОВЫМ ЗАЩИЩАЕТ И ДРУГОГО ФИЗИКА — ЮРИЯ ОРЛОВА,— ПИШЕТ В РЕДАКЦИЮ ЛЕНИНГРАДКА НАТАЛИЯ БЕЙЛИН.— ЕСЛИ ТЕПЕРЬ О ЖИЗНИ САХАРОВА ДОСТАТОЧНО ИЗВЕСТНО, ТО О СУДЬБЕ ОРЛОВА МЫ НЕ ЗНАЕМ НИЧЕГО. ПРИПОМИНАЮ, ЧТО В КОНЦЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ О НЕМ ПИСАЛИ В ГАЗЕТАХ КАК ОБ АМЕРИКАНСКОМ ШПИОНЕ И ТУНЕЯДЦЕ. ПОЧЕМУ ЖЕ ТОГДА АКАДЕМИК КАПИЦА — УЧЕНЫЙ С БЕЗУПРЕЧНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ЗАЩИЩАЛ ОРЛОВА ТАК ЖЕ ГОРЯЧО, КАК САХАРОВА?» ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОЧЕМУ?

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Впервые я услышала о Юрии Орлове в 1963 году. Было это в новосибирском академгородке. Вместе с фотокорреспондентом Львом Шерстенниковым мы готовили для «Огонька» репортаж из Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР. Рассказывая мне о работах института, директор ИЯФа академик Будкер высоко отозвался о Юрии Орлове, только что защитившем здесь докторскую диссертацию,— «очень талантливый физик-ускоритель-щик, с ярким, своеобразным складом ума». Андрей Михайлович Будкер особенно ценил в людях нетривиальность мышления и личную порядочность.

Потом журналистская судьба забросила меня в Армению, писать о пуске Ереванского ускорителя. Среди авторов новой установки для исследования тайн материи оказался Юрий Орлов, вскоре избранный членом-корреспондентом Академии наук Армении. Перед ним открывалась блестящая научная карьера. За цикл работ по ускорителям его выдвигают на соискание Государственной премии СССР.

И вдруг... шквал разоблачающих газетных статей: «клеветник», «лжеученый», «антисоветчик». Наконец, суд, лагерь строгого режима, высылка...

Однако для самого Юрия Федоровича Орлова этот крутой поворот случился «не вдруг». Он шел к нему осознанно. «Узник совести»,— скажут о нем потом. Именно совесть, живая, недремлющая, требовала от него тех поступков, которые он совершил. Один из них — письмо Брежневу. Поскольку оно фигурировало на суде чуть ли не как основной документ обвинения, приведу его полностью.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Появление этих вопросов было вызвано кампанией против академика А. Д. Сахарова.

1. Наши ученые получают приблизительно 1/30 Нобелевских премий по фундаментальным наукам. У нас есть и замечательные исследователи, и замечательные результаты. Но Вы должны реалистически оценивать ситуацию в целом. В целом же разрыв в числе и качестве открытий не сокращается. Не считаете ли Вы, что это говорит об опасном интеллектуальном отставании страны по сравнению с другими развитыми странами?

2. Исторические факты таковы, что новая научная и промышленная революция началась и интенсивно продолжается на Западе и что наша государственная философия долго боролась против всех основных направлений современной мысли: теории относительности, квантовой теории, генетики, кибернетики. Теперь эти провалы предпочитают не вспоминать. Однако научная революция далеко еще не закончилась. Причем точные науки продолжают вторжение в такие области знаний, которые наша идеология все еще рассма-

тривает как не подлежащее пересмотру «научное марксистское мировоззрение». Попытки объективного анализа в этих областях рассматриваются как посягательство на государство. Идеологическая нетерпимость такого сорта в целом ограничивает наши способности к сложному мышлению и непредвзятой оценке опыта. Не считаете ли Вы, что по этой причине наше интеллектуальное отставание будет продолжаться и в будущем?

Это не значит, что не следует иметь никакой государственной идеологии. Я глубоко убежден, что и народ, и государство должны исповедовать определенные нравственные принципы. Они давно выработаны человеческим опытом. Это любовь к Родине, и это человеческая совесть, изобретенная и проповедуемая лучшими представителями поколений. Есть еще один принцип, важность которого мы вынуждены понять, если хотим задержаться на черте последнего катаклизма истории. Он состоит в том, что фанатическое следование принципам изменяет сами принципы, что в человеческих отношениях любой принцип должен иметь известную неопределенность толкований и допускать значительную свободу выбора.

Но наша идеология носит совсем другой характер. Она называет себя «научной», что опасно для любой идеологии, так как научные истины способны претерпевать коренные изменения. Это вредно и для науки, которую идеология стремится законсервировать. Что же касается государства, то, поддерживая такую идеологию всеми имеющимися у него средствами, оно попадает в весьма глупое положение.

Не следует ли отсюда, что репрессивный аппарат государства должен быть отделен от этой идеологии; что от детского сада и до Академии наук нас следует освободить от обязательного обучения и послушания принципам, столь ненадежным как с точки зрения научного, так и с точки зрения исторического опыта?

3. Нам незачем отказываться от своего собственного пути развития, в основе которого лежит осуждение частной собственности. Но мы должны признать, что существуют и другие, параллельные, пути, обладающие своими достоинствами. Так, например, западный опыт показал, что проблема «абсолютного обнищания масс» эффективно решается и в рамках современного капитализма — методами науки и технологии и с участием дополнительных факторов: частичный контроль со стороны государства; давление профсоюзной борьбы, осуществляемой в рамках буржуазных свобод; давление общественной совести; страх перед взрывами насилия. Далее мы видим, что капиталистическая экономика научилась использовать «регулирующие стержни» для предотвращения взрывоопасных ситуаций и работает в таком колебательном режиме, который можно считать нормальным. Наконец, нужно признать, что сложнейшие человеческие проблемы, связанные с концентрацией власти в немногих руках, выгодным образом смягчаются и затушевываются у них буржуазными свободами, и это отнюдь не недостаток, тогда как те же проблемы у нас встают во весь рост в весьма откровенном виде.

В то же время видно, что если бы мы жили абсолютно изолированно от внешнего мира, мы не знали бы, что существуют другие устойчивые исторические пути. Более того, нам были бы очень долго неизвестны важнейшие научные истины, так как они лежали бы за пределами идеологического барьера, защищаемого всей мощью государства. И, между прочим, наша идеология казалась бы тем самым «доказанной». По существу, так оно и было до 1953 года.

Учитывая эти исторические факты, не должны ли мы крайне осторожно относиться ко всем вообще теориям и «законам» общественного развития? Не следует ли нам перейти в области государственного управления к осторожному, но активному экспериментальному поиску оптимальных путей, с учетом своих собственных исторически сложившихся идей и особенностей? Это сдерживается сейчас отсутствием гласности и отсутствием свободы дискуссий по любым вопросам экономической и политической структуры нашего общества.

4. Кажется правильным утверждение, что вариант строго регламентированного социализма становится выгодным лишь в условиях принципиальной ограниченности энергетических и других ресурсов,— как альтернатива расточительному свободному капитализму. Однако сейчас можно считать доказанным, что человечеству удастся обеспечивать себя энергией в течение ближайших сотен лет. Не считаете ли Вы, что уже по этой причине строгий регламент не обязателен, и мы можем перейти к почти полной свободе в сфере идей, исключив из этой сферы лишь идеологии насилия и мятежа? Не считаете ли Вы далее, что по той же причине мы могли бы безбоязненно перейти и к гораздо большей свободе проявления личной инициативы также и в сфере производства?

5. Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека. По существу, марксизм отрицает их наличие в природе человека. Однако это предположение не является доказанным научно, то есть методами экспериментальной биологии, биохимии и биофизики. Наука только-только подбирается к этим вопросам. Но, наблюдая «крупномасштабные» несоответствия между практикой и марксистской теорией, уже сейчас можно отметить наиболее существенные промахи.

Прежде всего человеческая мораль и совесть существуют и являются одной из возможных и вечных движущих сил истории. Это свойство возникает у человека вместе с воображением и благодаря способности испытывать боль не только от реальных, но и от воображаемых страданий. Поэтому человек способен страдать, зная о страданиях других. Сам Маркс является человеком именно такого типа, хотя и создал упрощенную схему, не учитывающую этого качества.

Что касается насилия, которому придается такое значение в марксизме, то и оно является движущей силой истории. Однако здесь существует одна важная тонкость. Человеческое насилие отнюдь не всегда является строго закономерным следствием внешних условий, как у животных, но может возникнуть, по-видимому, спонтанно и пойти далее «в разгон». Проблема насилия требует поэтому вечной бдительности его принципиальных противников, какими бы ни были общественный строй и уровень цивилизации.

Далее, потребность свободного, иногда спонтанного выбора решений является внутренним качеством человека. Именно свободный выбор, а не «свобода как познанная необходимость» является истинной свободой. С этой потребностью бессмысленно бороться. Современное государство должно уметь ее удовлетворять, одновременно ограничивая разумными рамками закона.

Потребность иметь и высказывать другим свое собственное индивидуальное мнение также является одной из важнейших внутренних потребностей человека, в особенности когда он сыт.

Не кажется ли Вам, что практикующийся у нас подход к человеку и его месту в обществе примитивен и не соответствует объективно существующим человеческим качествам и потребностям?

6. Согласны ли Вы, что истинная культура неделима и непрерывна? Что наше интеллектуальное отставание в значительной мере объясняется теми опустошительными разрывами, которые мы сами делали в своем тонком культурном слое на протяжении истории? Что интеллект ученого воспитывается научной традицией и не только научным, но и всем культурным окружением, что ограниченность воображения в искусстве влияет и на воображение в науке?

7. Согласны ли Вы с тем, что мы не изучаем сколько-нибудь серьезно проблему стимулирования крупной хозяйственной деятельности? Что, оставаясь неизменно в рамках общегосударственной собственности, мы могли бы с пользой для дела резко усилить стимулы, переняв западный опыт? Может быть, например, нужно время от времени вводить в отдельных отраслях хозяйства режим свободной инициативы, поставив одновременно оплату труда руководителя в зависимость от прибыли и определяя круг отраслей, вводимых в такой режим, в зависимости от текущей конъюнктуры. Однако ясно, что самое главное — это иметь возможность свободно обсуждать любые идеи в этой области. Согласны ли Вы с этим?

8. Возможно, некоторых догматиков будут шокировать различные предложения «частичного капитализма без частной собственности» или чего-нибудь в том же роде. Но, во-первых, наш главный принцип — отсутствие частной собственности — будет сохраняться. А во-вторых, я вынужден заметить, что в нашей стране социализм принимал на практике черты даже не «феодализма без частной собственности», а — при Сталине — рабовладельчества без частной собственности. В самом деле, чем являлись миллионы лагерников или шарашные ученые, если не государственными рабами? Чем отличается беспаспортный колхозник от общинника — в смысле своих прав? Что такое наша теперешняя система прописок, если не феодальное ограничение свободного передвижения по территории страны? Создается впечатление, что наш народ до сих пор еще не научился мыслить нефеодальными категориями в области правовых отношений. Разве не пора нам перейти на другой, более современный уровень более свободных отношений?

9. Одна из наиболее быстрых возможностей выравнивания интеллектуальных потенциалов между странами заключается в отмене запрета на свободные поездки за границу. Речь идет о поездках, совершаемых в тот момент и на столько времени, когда и насколько это необходимо ученому, инженеру, студенту, писателю, художнику и любому гражданину. Каков смысл этого невыгодного государству и унизительного для граждан запрета?

10. Один из пережитков истории в нашем сознании состоит в том, что мы никому и ни в какой мере не разрешаем критиковать ЦК. В этих условиях приходится признать, что передача критических работ за границу с тем, чтобы они сложным путем дошли обратно до ушей правительства,— это единственный легальный канал «обратной связи» для внутренней политики. Разве никто в ЦК не понимает всей нелепости этой ситуации?

11. Наш способ политического управления является типичным режимом без обратной связи. В сущности, мы соревнуемся с капитализмом, поставив сами себя в наиболее невыгодные условия: не используем всех возможных стимулов и всех каналов обратной связи, не доверяем собственным согражданам. Мы избежали бы многих ошибок и бедствий, если бы предоставили народу на первых порах хотя бы совещательный голос, не формально, а на практике, и обратились бы, например, к испытанному методу обратной связи — свободной печати, то есть печати без политической и идеологической цензуры, с указанной выше оговоркой. Не кажется ли Вам, что в стране возникли сейчас некоторые напряжения, которые могли бы быть легко и безболезненно сняты отменой цензуры, если, однако, провести ее вовремя?

12. Любая критика ЦК рассматривается как преступление. Поэтому люди либо «колеблются вместе с партией», либо отбрасываются к барьеру жесткой борьбы. Вы знаете, конечно, что сейчас обнаруживается хотя и малое, но растущее число людей, которые отброшены к этому барьеру. Эта «логика борьбы» навязывается самой властью. Я спрашиваю: какой в этом смысл? Не разумнее ли нам к концу XX века и через 60 лет после революции создать, наконец, нормальные промежуточные ступени взаимоотношений между гражданином и государством? Я подразумеваю снова и прежде всего как первый шаг — отмену цензуры печати, свободный обмен информацией, гласность.

13. Вы, очевидно, понимаете, что сажать оппозиционеров в психдома и калечить их там уколами — это мерзость вроде стерилизации политических противников в нацистском рейхе. Здесь мне, в сущности, не о чем спрашивать.

С уважением

Ю. Орлов 16/IX—73 г.».

Сегодня мысли, высказанные в этом письме, никого не удивляют. На митингах, собраниях, с трибуны Съезда народных депутатов, на заседаниях сессии Верховного Совета СССР звучат речи и похлестче. Но тогда, в 1973-м, говорить такое было опасно даже в узком кругу. И все-таки Юрий Орлов задает свои вопросы. На ответ он не рассчитывал. Ответом оказались суд, тюрьма, ссылка...

* * *

Он родился в августе 1924 года в Замоскворечье. Отец — шофер и слесарь. Мать — рабочая завода. В детстве тяжело болел. Осложнение — паралич ног. Мог бы остаться на всю жизнь инвалидом, если бы не бабушка Пелагея. Приехала, забрала внука к себе в деревню под Смоленск, стала лечить травами, парным молоком, заботой, лаской.

Долгих два года выхаживала она внука, смышленого, ласкового, рыжего, как его мать, и выходила. В четыре года встал Юрка на ноги, а к школе забыл и думать про болезнь.

Учился в Москве, на Полянке. В 33-м умер отец от туберкулеза. Вошел в дом отчим, тоже рабочий, человек справедливый, добрый. Юра принял его как отца. Но сиротство, казалось, шло за семьей по пятам. Отчим погибает на фронте в начале войны...

После 8-го класса Юрий идет на завод Орджоникидзе токарем. Эвакуируется на Урал. Завод теперь выпускает танки, знаменитые «Т-34», для которых токарь Юрка Орлов точит подвески и страшно гордится, что помогает фронту.

Достигнув призывного возраста, Юрий поступает в артиллерийское училище. Здесь он становится кандидатом, потом членом партии.

Повоевать на 1-м Украинском фронте ему приходится недолго — близка долгожданная Победа.

Армейская служба в Чехословакии, Венгрии, потом на Северном Кавказе. Он много читает. Открывает для себя труды Ленина. И однажды ошарашивает ведущего политзанятия: «У нас в стране не диктатура пролетариата, а диктатура бюрократии!» Эту историю удается «замять», и Орлов благополучно демобилизуется.

Снова родное Замоскворечье. Юрий устраивается на фабрику «МЮД» — «Международный юношеский день», где работала мать. Днем работает, вечером учится в 9-м классе. Экстерном сдает за 10-й.

И вот он студент МГУ! На факультете преподают Капица, Ландау, Лаврентьев... Цвет советской науки. Юрий попадает в семинар к Андрею Михайловичу Будкеру, в новосибирском институте которого в 1963-м защитит докторскую... А пока — аспирантура, его зачисляют на работу в Институт теоретической и экспериментальной физики,

в знаменитый ИТЭФ, которым руководил академик Алиханов, вместе с Курчатовым работавший ранее над пуском первого атомного реактора, созданием атомной бомбы...

Смерть Сталина. Потрясший наши души XX съезд партии. «Закрытый» доклад Никиты Сергеевича Хрущева знают не только члены партии. Доклад ходит по рукам, о нем говорят, спорят. Это — главное событие духовной жизни страны. Те мысли, что уже тревожили молодого физика Юрия Орлова, получают новый импульс.

Выступление его на институтском партсобрании, посвященном XX съезду партии, до сих пор вспоминают ветераны института. Орлов требовал создать гарантии, чтобы культ личности не мог повториться. Требовал гласности, необходимости демократизации общества, говорил о том, что социализм сталинского типа должен уступить место «демократическому социализму».

С позиций сегодняшней перестройки все верно, но... Орлова исключают из партии, увольняют с работы...

Мне удалось разыскать участника того институтского более чем двадцатипятилетней давности партсобрания, столь печально закончившегося для Юрия Орлова.

— Тогда многие выступавшие пострадали,— вспоминает Алексей Иванович Зубков, ветеран института, один из тех умельцев, что доводят «до ума» идеи физиков, воплощают их в приборах.— Я сорок семь лет в партии, но более бурного собрания не припомню. Вел его начальник политотдела (тогда так у нас было), но собрание «пошло в разгон», как говорим мы, реакторщики. Вот тогда-то и поставил Юрий Орлов вопрос о том, чтобы в резолюции записать — просить ЦК партии собрать очередной съезд для выработки гарантий против культа личности.

Начальник политотдела из нашего министерства стал обрывать выступающих, поправляя их на основании якобы ленинских трудов. А Орлов: «Не надо искажать идеи Ленина!» Он увлекался тогда ленинскими работами. Многое наизусть знал. Сам был членом партбюро.

Начальник обиделся: «Я семнадцать лет в партии! Вы еще молоды меня учить». Орлов и скажи: «17 лет в партии, а ничему не научился!»

Этим он и погубил себя. Не знаю, что о нашем собрании написали в ЦК. Знаю только, что на следующий день нашу парторганизацию распустили, а у четырех из выступавших — Орлова, Щедрина, Нестерова, Авалова — отобрали партбилеты и уволили их из института. Публикация в газете появилась: «Отщепенцы» понесли наказание»...

Как отнесся коллектив? Жалели их все. Ведь не мы их исключали, обошлись без нас. Завели в комнату, заставили выложить партбилеты, и вся недолга.

Мы удивлялись, почему все так случилось. Ведь выступающие были «за Хрущева». Но в аппарате тогда сталинисты были сильны. Однако теперь думаю, что и Хрущеву не понравились требования физиков «гарантий против культа», сам он к этому шел...

Потом мы узнали, что начальство в нашем министерстве смертельно перепугалось. Такое же резкое, «неправильное» собрание было и в курчатовском институте. Но Игорь Васильевич сам членом ЦК был, никого из своих физиков не дал тронуть.

Наш Алиханов тоже заступался за ребят. По телефону говорил с самим Хрущевым, просил за нашу четверку, ссылался на их молодость, на талант.

Хрущев его одернул: «Ничего себе «талантливые дети» — доктора и кандидаты наук! Должны отвечать за свои поступки!»

Академик Алиханов тогда сильно нервничал. Может быть, потому и болеть начал. Сердце... Умер-то он от инфаркта...

* * *

В то время, когда работа физиков была столь необходима для прогресса страны, Юрий Орлов стал безработным.

Жил частными уроками, но наукой занимался по-прежнему. Место работы теоретика — его письменный стол. Формальное увольнение из института не в силах прервать течение созидающей мысли. Да и из друзей-физиков никто не отвернулся. Все старались помочь, публиковали его научные статьи.

Когда страсти чуть поутихли, академик Алиханов рекомендовал Юрия Федоровича своему брату — Алиханьяну, возглавлявшему Ереванский физический институт. Да, собственно, Орлов и не нуждался в рекомендациях, труды его физики, те, кто занимается исследованием тайн микромира, прекрасно знали.

Пятнадцать лет проработал Юрий Федорович в Армении, дождался запуска Ереванского ускорителя. Казалось, жизнь ученого вошла в обычную колею...

Однако «наверху» прегрешения Орлова не забыли.

Избрание его членом-корреспондентом вызвало гром и молнии на голову Алиханьяна. Все было ясно — пришлось Орлову увольняться «по собственному желанию». Как и брат, Артем Исаакович попадает в опалу, у него участились сердечные приступы.

Помню, я навещала Алиханьяна в московской больнице, приносила на подпись беседу с ним о первых работах на новом Ереванском ускорителе. Артем Исаакович уже был не директор института, жаловался на бесконечные придирки. Он торопился высказать свои взгляды на научные школы, на развитие физики элементарных частиц, напутствовал своих молодых учеников. Словно чувствовал, что огоньковская публикация станет последней в его жизни...

Орлов перебрался в Москву, он снова безработный. Теперь ему психологически куда труднее, чем в 1956-м году. Ушел заряд молодости. Хотелось высказать надуманное, наработанное, а приходилось опять давать частные уроки, чтобы заработать на жизнь. Если в молодости уроки приносили относительное материальное благополучие в семью, то теперь они становились откровенно в тягость, отрывали от главного дела жизни — науки.

Ректор МГУ академик Иван Георгиевич Петровский пытается устроить Юрия Федоровича читать лекции. Не получилось.

Наконец, в 1972 году академикам Арцимовичу и Сагдееву удается рекомендовать его в Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР (ИЗМИРАН).

Но через год неугомонный Орлов опустит в почтовый ящик свое письмо Брежневу. Теперь он останется без работы всерьез и надолго...

Всегда Юрий Федорович Орлов болезненно переживал любую несправедливость, всегда принимал чужую боль близко к сердцу, как собственную. Даже ближе. Так уж он устроен. Чужое горе для него мгновенно становилось своим. Потому-то так страстно вступается он за подвергающегося травле академика Сахарова, протестует против изгнания Солженицына, против использования психиатрических больниц в политических целях. Он входит в так называемую московскую группу содействия выполнению Хельсинкских решений о правах человека. Вступаясь за всех несправедливо осужденных, несправедливо обиженных, Юрий Орлов становится узником своей совести еще задолго до судебного приговора.

А наука? Неужели уволенный отовсюду физик с мировым именем действительно прекратил научные исследования, принеся их в жертву правозащитной деятельности?

Движение мысли, как и движение души, не остановишь. Орлов продолжает работать. Правда, в штат ни одного физического института его не берут, несмотря на рекомендации известных ученых. До Москвы доходит горькая фраза академика В. А. Амбарцумяна: «Бывают случаи, когда и президент Академии наук республики бессилен».

Но все-таки изредка удается публиковать научные труды, иногда под псевдонимом Ю. Федоров. Несколько работ напечатано за рубежом. Одна под собственным именем в стране. В течение нескольких лет, вплоть до ареста, в квартире Орлова регулярно собирается руководимый им семинар.

10 февраля 1977 года его арестовывают.

* * *

Суд над Ю. Ф. Орловым шел три дня, с 15 по 18 мая 1978 года. Его жена Ирина Валитова-Орлова пыталась вести запись процесса. Но в самом начале суда у нее отобрали магнитофон, не давали вести записи. Запрещали выходить на улицу во время перерывов. Запрещали подходить к окнам. Подвергали унизительным личным обыскам.

Поэтому запись суда воссоздана ею по памяти. Она вела записи сразу же, едва кончалось заседание, по горячим следам. Вот что писала она 1 августа 1978 года: «Суд намеренно велся так, чтобы затушевать и суть, и смысл дела Орлова, и многие эпизоды судебного разбирательства... стали мне понятны лишь во время первого (и пока единственного со дня ареста) свидания с мужем 21 июня 1978 года. Только под угрозой голодовки Орлову удалось добиться у начальства Лефортовской тюрьмы одного свидания со мной и одного с сыновьями (по 40 минут каждое).

На свидании муж сказал, что с самого начала следствия ему грозили предъявить статью (измена Родине и шпионаж), утверждая, что Орлов получил инструкции от **конгресса США**».

Обвинение это было столь нелепым, что на суде не фигурировало, зато усиленно муссировалось, что Орлов — «тунеядец», давно не работает как ученый.

*«**Судья:** Подсудимый, где вы работали с 1974 по 1977 год?*

***Подсудимый:** Я профессиональный ученый, физик, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Армянской Академии наук. Я занимался наукой вплоть до ареста. Мое место работы — мой рабочий стол...*

***Судья:** Отвечайте суду, а не публике! У вас есть последняя служба?*

***Подсудимый:** По уставу Академии наук ученый не обязан быть служащим. Я занимаюсь наукой независимо от того, нахожусь я на службе или нет.*

***Судья:** Отвечайте на вопрос, где вы работали с 1974 года?*

***Подсудимый:** Я писал научные статьи, публиковал их. Одна из них опубликована в этом году...*

***Судья:** Назовите ваше место работы!*

***Подсудимый:** ...а кроме того, я работал на общественных началах в Ереванском физическом институте».*

В материалах суда находился список научных статей Орлова и справка с подписью заместителя начальника отдела кадров Г. Узунина о том, «что он (Орлов) действительно работает в Ереванском физическом институте в должности СНС (старшего научного сотрудника) на общественных началах». Но, главное, суду были известны как все попытки Орлова устроиться на работу, так и то, **почему** его никуда не брали.

Научную работу Орлов продолжал даже в Лефортовской тюрьме под следствием! Ирина Валитова записывала: «Осенью 1977 года, в пору изнурительных допросов, длившихся с 11 утра до 7 часов вечера, Орлов сделал три научные работы: одну по физике и две по математической логике. Адвокат говорил мне, что тюремное начальство не разрешает послать эти работы в научные журналы для публикации. Об этом же Орлов сказал мне на свидании. В частности, он собирался требовать, чтобы одну из этих работ разрешили послать в Институт теоретической физики имени Ландау. «К сожалению,— добавил он,— в лагере у меня не будет возможности заниматься наукой. Но я все равно буду думать».

Признаюсь, когда я читала запись этого судебного процесса, мне казалось, что такого просто быть не может. Взять хотя бы этот диалог прокурора и подсудимого.

*«**Прокурор:** Подсудимый Орлов, вам инкриминируется изготовление и распространение письма к Л. И. Брежневу. Вы сами его изготовили?*

***Подсудимый:** Я **написал** письмо Брежневу.*

***Прокурор:** Кому вы передали это письмо?*

***Подсудимый:** Я послал это письмо по почте Брежневу и в редакцию газет «Правда» и «Известия».*

***Прокурор:** Кому вы еще передали это письмо?*

***Подсудимый:** Я дал это письмо начальнику отдела кадров Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Яншиной и показал его директору института В. В. Мигулину, так как это письмо служило настоящей причиной моего увольнения из института».*

В конце судебного процесса в своей защитной речи Орлов скажет: «Известно, что с теми, кто обращается с жалобами в свое правительство, у нас обходятся жестоко. Конечно, бывают назойливые жалобщики. Но я не понимаю: почему, даже если в самом деле они и назойливы, их отправляют в психиатрические больницы? Какой же тогда у человека способ обратиться к своему правительству? Мое письмо Брежневу дошло, вероятно, всего лишь до районного отделения КГБ или, уж самое высшее, до городского».

Прокурор и судья так отреагировали на слова Орлова: «Голословное заявление! Голословное заявление!»

В Московский городской суд: судье ЛУБЕНЦОВОЙ

В Московскую прокуратуру: прокурору МАЛЬКОВУ

В Московскую коллегию адвокатов: адвокату ШАЛЬМАНУ

Сегодня начинается судебный процесс над Юрием Федоровичем Орловым. Нас, нижеподписавшихся, вызывали в ходе следствия в качестве свидетелей по его делу, но, как непригодных для участия в разыгрываемом обвинением постыдном спектакле, на суд не вызвали. Подтверждая свой отказ отвечать на вопросы, к судебному делу относиться не могущие, если не явно провокационные, и тем самым косвенно поощрять уголовное преследование за правозащитную деятельность в рамках закона, мы в то же время заявляем о своей готовности всячески содействовать выяснению истины в качестве свидетелей на суде. Имея основания считать обвинения, выдвинутые против Юрия Федоровича, клеветническими, а следствие — предвзятым, настаиваем на своем конституционном праве присутствовать на суде, объявленном открытым. Каждый из нас имеет честь считать себя другом Юрия Федоровича, но никто не является его родственником и не может быть отведен от участия в процессе по мотивам личной заинтересованности.

15 мая 1978 года.

Юрий Гастев
Леонард Терновский
Владимир Корнилов
Юрий Гольфанд
Глеб Якунин
Виктор Капитанчук
Александр Подрабинек
Татьяна Великанова
Александр Лавут

Излишне говорить, что никто из них, как и другие свидетели защиты, на суд не был вызван.

Я встретилась с защитником Орлова Е. С. Шальманом. Разыскать его, адвоката с тридцатилетним стажем работы, было нетрудно. Евгений Самуилович

живо откликнулся на мой телефонный звонок. Уже на другой день мы беседовали с ним в редакции «Огонька».

— До суда я не был знаком с Юрием Федоровичем. Впервые увидел его в Лефортовской тюрьме. Узнав, что я буду вести его защиту, особой радости не проявил, отнесся спокойно, но доверительно. На меня произвел впечатление человека очень собранного, целеустремленного и в то же время мягкого, даже тихого. Знаете, о таких говорят: он человек тихий. Так вот, Орлов, о котором кричала советская и зарубежная пресса, показался мне именно «тихим». Голоса за время следствия он ни разу не повысил, был неизменно вежлив. Однако за внешней мягкостью угадывалась железная стойкость.

С самого начала ему было предложено покинуть страну, но он предпочел суд. А когда я заикнулся, что, может, так будет для него лучше, сказал с обескураживающей застенчивой улыбкой: «Нет, пусть, как будет. Чего уж теперь...»

Два месяца я ежедневно встречался с ним в Лефортовской тюрьме. До суда Орлов провел в заключении больше года, пока шло следствие. Дежурный приводил его в кабинет следователя, он быстро здоровался, и мы приступали к работе. Ни на что он не отвлекался, ни терял ни минуты, не вел «посторонних» разговоров, был равнодушен даже к обеду, что редко бывает у заключенных. О питании коротко заметил: «Здесь неплохо».

Что сказать о суде? Практически судебного процесса, как его принято понимать, не было. Суд считался открытым, но в зале сидели люди, которых ежедневно подвозили к зданию на автобусах и так же организованно увозили.

С самого начала дело было предрешено. Процесс фактически только закрепил выставленные обвинения. Все ходатайства, и мои, защитника, и подсудимого, не были удовлетворены.

Как к адвокату в процессе расследования дела ко мне поступали письма и телеграммы в защиту Юрия Орлова. Писали и звонили его советские и зарубежные коллеги — ученые, мои коллеги — советские и зарубежные адвокаты. За границей шла большая кампания в поддержку Орлова. Его хотел защищать знаменитый английский адвокат Джон Макдональд, но его, естественно, до защиты не допустили.

— Евгений Самуилович, но ведь Орлов отказался от защиты и вы на суде не выступали. Почему? — спрашиваю я Шальмана.

— Думаю, потому, что Юрий Федорович понимал, что дело его предрешено и любая защита ни к чему не приведет. Когда мы вместе готовились с ним к суду, я ото всей души старался ему помочь, все время думал о нем, о его судьбе. Но, оказывается, он тоже думал о моей судьбе, потому и решил отказаться от моей защиты. «А как же быть с вами?» — говорил он, боялся мне повредить.

Накануне суда мы заключили соглашение: перед речами он от меня откажется и будет вести свою защиту самостоятельно.

Суд освободил меня от защиты. А в перерыве меня вдруг втолкнули в какую-то комнату и там заперли, видно, не обратив внимания, что на столе стоит телефон. Я немедленно набрал номер председателя Московской городской коллегии адвокатов Константина Николаевича Апраксина и сказал, что меня заперли.

«Безобразие,— проворчал он.— Подождите секунду...»

Не знаю, звонил ли он кому, но через несколько минут дверь открыли. Я спустился и хотел идти домой, но тут мне разрешили вернуться в зал. В перерыве подошел к своему знакомому из коллегии адвокатов, который был обязан присутствовать на суде, Михаилу Павловичу Козину. Он был явно расстроен: «Ох, Женя, не суд — позорище!»

Дело № 10/78

*ПРИГОВОР**

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

18 мая 1978 г. г. Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе:

председательствующего Лубенцовой В. Г., народных заседателей Лебедева А. Н., Цветкова Г. Н., при секретаре Осиной В. И., с участием прокурора Емельянова С. А. и адвоката Шальмана, который в связи с отказом подсудимого Орлова в конце судебного следствия освобожден от участия в процессе в порядке ст. 50 УПК РСФСР, рассмотрела в открытом судебном заседании дело по обвинению:

ОРЛОВА Юрия Федоровича, 13 августа 1924 года рождения, уроженца города Москвы, русского, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, женатого, ранее не судимого, с начала 1974 года нигде не работавшего, проживающего по адресу: Москва, улица Профсоюзная, дом 102, корпус 7, квартира 1,—

в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 70 УК РСФСР.

Изучив материалы судебного следствия, выслушав судебные прения, последнее слово подсудимого, судебная коллегия по уголовным делам

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Орлов признан виновным в том, что он, будучи враждебно настроен к существующему в СССР строю, в 1973—1977 годах в городе Москве занимался антисоветской агитацией и пропагандой, в целях подрыва и ослабления Советской власти распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, в тех же целях систематически изготовлял и распространял документы такого же содержания.

Так, в сентябре 1973 года изготовил и затем распространил «открытое письмо» (Брежневу), в котором клеветал на советский государственный и общественный строй, отождествлял его с рабовладельчеством, феодализмом и нацистским рейхом. (...)

В конце 1976 года изготовил и распространил документы: «о правах ученых», «ко всем ученым мира» и «открытое письмо к художникам»,— в которых клеветал на положение науки, искусства и условия творческой деятельности в СССР. (...)

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Орлов виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал. Подтвердив факты изготовления, подписания и распространения им обращений и документов, указанных в вышеперечисленных эпизодах обвинения, Орлов отрицал клеветнический характер этих документов и заявил, что цели подрыва или ослабления Советской власти он не преследовал (...)

Подсудимый Орлов подтвердил свое участие в изготовлении указанных документов, их распространении и показал, что несет за них полную ответственность.

Несмотря на то, что в мае 1976 года ему органами государственной безопасности было объявлено официальное предостережение о недопустимости его противоправных действий, продолжал заниматься преступной деятельностью вплоть до ареста.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 301, 303, 315 и 317 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда

ПРИГОВОРИЛА

ОРЛОВА Юрия Федоровича признать виновным по ч. 1 статьи 70 УК РСФСР и назначить наказание в виде СЕМИ ЛЕТ лишения свободы со ссылкой сроком на пять лет после отбытия основного наказания.

Меру наказания в виде лишения свободы ОРЛОВУ Ю. Ф. отбывать в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Зачесть в срок отбытия наказания время предварительного пребывания под стражей с 10 февраля 1977 года.

Меру пресечения ОРЛОВУ оставить прежнюю — содержание под стражей.

Вещественные доказательства — документы, печатные и письменные, хранить при деле.

Вещественное доказательство — пишущую машинку марки «Континенталь» № Р-256 873, изъятую при обыске у Орлова, находящуюся на хранении в следственном отделе УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области,— обратить в доход государства.

Взыскать с ОРЛОВА Юрия Федоровича в доход государства судебные издержки в сумме 214 рублей 35 копеек (двести четырнадцать рублей 35 копеек), связанные с расходом по оплате проезда иногородних свидетелей.

Приговор может быть обжалован или опротестован в Верховный суд РСФСР в течение семи суток с момента его провозглашения, а осужденным Орловым в тот же срок с момента вручения ему копии приговора».

* Дается в сокращении.

Приговор Орлов обжаловал, но без результата. Орлова отправили в лагерь в поселок Чусовой, по странному стечению обстоятельств — на родину его матери. Вслед за ним, надеясь получить свидание со своим подзащитным, поехал и адвокат Шальман.

«И. о. Заведующего Юридической консультацией № 5 тов. Писаревскому П. Е. от адвоката Шальмана Е. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В соответствии с выданным поручением на ведение в порядке надзора дела Орлова Ю. Ф., осужденного Мосгорсудом 18 мая 1978 г. по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, 2.07.79 я прибыл в учреждение, где отбывает наказание Орлов. По прибытии в учреждение я представился зам. начальника учреждения капитану Вдовину А. И., предъявил ему командировочное удостоверение и ордер, после чего мне было предложено ожидать свидания. По прошествии 4-х часов ожидания на дворе, у входа в служебное помещение, капитаном Вдовиным мне было заявлено, что, несмотря на его старания, предоставить мне свидание в этот день «не получается», и мне было предложено явиться утром следующего дня, т. е. 3.07.79.

Май 1989 года. Ю. Орлов снова в Москве, среди друзей. **Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.**

В 9 ч. утра я вновь пришел в учреждение. Капитан Вдовин просил меня ожидать, и в 10 ч. 30 мин. я был проведен дежурным офицером в его кабинет. В кабинете, кроме приведшего меня офицера, находился сам капитан Вдовин и еще один офицер, который и вел со мной беседу. Незнакомый мне офицер начал с того, что рассказал мне о дурном поведении моего подзащитного в месте отбывания наказания: (он) объявил себя членом «какой-то Хельсинкской группы», «имеет многочисленные взыскания», «склонен к провокациям» и т. п. После этого офицер предложил мне расписаться в книге об ознакомлении меня с Указом об ответственности за незаконную передачу осужденному каких-либо предметов и правилами посещения лиц, находящихся в месте лишения свободы. Это требование было мной выполнено, было выполнено мной и другое требование — оставить в кабинете Вдовина портфель с личными вещами. На вопрос офицера — какие вещи я возьму с собой на свидание — я ответил, что при себе буду иметь Уголовный, Уголовно-процессуальный и исправительно-трудовой кодексы и писчую бумагу. Офицер сказал на это, что бумагу мне взять с собой не будет разрешено, что таковой я буду обеспечен в избытке, находящиеся же при мне кодексы им было предложено дежурному офицеру проверить. Затем незнакомый офицер, указывая мне на дежурного офицера, заявил, что тот проведет и мой личный досмотр. На мои возражения, что на таковой досмотр, который я считаю обыском, я согласиться не могу, поскольку данные действия противоречат закону, незнакомый офицер ответил, что он руководствуется действующими в учреждении правилами.

После такого заявления мне не оставалось ничего иного, как сказать, что обыскивать себя я не позволю и на таких условиях от свидания отказываюсь. На это последовал ответ: «Как хотите!» Я был вынужден отказаться от свидания и не выполнил поручения.

Адвокат Е. Шальман

16 июля 1979».

Из семи лет заключения чуть ли не год Орлов провел в карцере — «нарушал» распорядок: собирал материал о положении заключенных, вступался за их права, пытался писать научные работы (что было строжайше запрещено) и даже ухитрился передать на волю статью по волновой логике, распространив квантовую логику на гуманитарную сферу. Орлов является основоположником этого направления науки.

* * *

Ссылка в далекое якутское село Кобяй у Северного полярного круга...

Одними из первых поехали навестить Орлова в ссылке его друзья по Институту теоретической и экспериментальной физики доктора физико-математических наук Е. К. Тарасов и Л. А. Пономарев.

— Добирались до Кобяя больше недели. Юрий выглядел плохо: болел воспалением легких. Тосковал по семье, сыновьям. Его угнетала оторванность от научной информации. Но внешне Юрий был спокоен, как всегда, прост, вежлив, шутил, как и раньше, широко, беззлобно улыбаясь.

Сначала местные жители его встретили в штыки. Еще бы — американский шпион! Потрудились сотрудники КГБ, распространяя про Юрия Федоровича всякие небылицы. Никто не хотел сдавать ему жилье. Один раз его жестоко избили, не без науськивания тех же лиц.

Работать Орлову разрешили только сторожем. Он днем охранял стройматериалы, которые ночью вообще никто не охранял. Мы опасались, что ночью эти материалы разворуют, а отвечать придется Юрию, все на него спишут.

Постепенно лед недоверия между ссыльным профессором и местными жителями таял: Юрий Федорович был весь на виду. Он не заискивал, не пытался подделаться, но именно поэтому ему начали доверять. Приходили поговорить, посоветоваться, расспрашивали про Сахарова, Солженицына, с которыми Юрий Федорович был знаком. В печати их продолжали клеймить, но народ этому уже не верил. Я думаю, Орлова в селе Кобяй хорошо вспоминают. Жилье ему сдала в своей избе замечательная женщина Тамара Алексеевна. Добрая, мудрая. Горько, что из-за дружбы с Юрием Федоровичем она пострадала. Отняли дом, а потом и вообще снесли его...

...Половина срока ссылки осталась позади. И тут происходят события, по своей стремительности и таинственности напоминающие детективную историю.

Однажды в дверь к Орлову постучали. На пороге стоял военный: «Собирайтесь!» «Куда?» Военный пожал плечами: «Час на сборы».

Поехали на аэродром. Сначала летели на маленьком гражданском самолете, потом пересели на военный. Сопровождающие передавали Орлова из рук в руки.

Под крылом самолета — Северный Ледовитый океан. Куда его везут? Орлов терялся в догадках. Меняют место ссылки?

Внизу океан сменился тайгой. Под облаками проглядывали леса, поля, города. Его везли в Москву!

Снова знакомая Лефортовская тюрьма. Теперь Орлов не сомневался: его ждет новый срок. Первый же допрос подтвердил догадки.

На третий день Орлову неожиданно сообщили, что его лишают советского гражданства и высылают из страны. «Куда?» Молчание. И лишь в самолете, когда Юрий Федорович оказался рядом со своей женой Ириной Валитовой, он узнал, что его высылают в США. Навсегда.

Шел сентябрь 1986 года.

* * *

Душный жаркий май 1989 года. Мы сидим с Орловым за обеденным столом в тесной уютной московской квартире Тарасовых. Включен телевизор. Идет прямая трансляция со Съезда народных депутатов, и все с напряжением следят за выступлениями.

Орлов прилетел по приглашению новосибирского Института ядерной физики, в котором некогда защищал докторскую, на конференцию по ускорителям. Однако, несмотря на перестройку в стране, все оказалось непросто. Неожиданно в Женеве он узнал, что его советская виза аннулирована. Потребовалось вмешательство вице-президента АН СССР академика Е. П. Велихова. Все это заняло время, и конференция кончилась до приезда Орлова. Но он не в обиде. Счастлив, что он в Москве, увидел сыновей, друзей.

— Когда меня привезли из Кобяя в Лефортовскую тюрьму, я не сомневался: мне, как говорят в лагерях, клеят второй срок,— рассказывает Юрий Федорович,— это пытались делать еще в лагере за «помощь политзаключенным». Андропов ужесточил закон в этом отношении. К нему, кстати, из-за меня обращался не только академик Капица, была мощная поддержка зарубежных физиков. Официально просило о моем освобождении так называемое общество ученых «SOS». Но Андропов неизменно отвечал: «Пусть еще посидит». В Якутию в ссылку меня отправили уже после его смерти, в 84-м.

— А как вы восприняли сообщение о высылке из страны?

— С тупым спокойствием, безразличием. Я очень устал. Сказались и 7 лет лагеря, и ссылка, и волнения последних дней. Потом пришло удивление. Я пытался понять, чем это вызвано.

Лишь в самолете Ирина все объяснила мне и про переговоры, и про американца Данилоффа, которого мы только что освободили, популярно объяснила, что я «довесок» к этому. Потом я уже прочел «Договор об освобождении некоего Орлова».

Пока я сидел и был в ссылке, ученые США и Европы не переставали выступать в мою защиту. В 1986 году, например, ускорительщики ЦЕРНа в Женеве в знак протеста не поехали в СССР на международную конференцию. Нобелевский лауреат Джордж Уолд, крупный деятель в борьбе за мир, будучи на приеме у Горбачева, просил о моем освобождении.

Высылка — не освобождение. Я и теперь скажу: лишение гражданства — жестокое наказание. Меня лишили Родины, детей, друзей. Лишили моей культуры, языка...

— Как встретили вас в Нью-Йорке?

— Собралась огромная толпа народа — ученые, журналисты, просто любопытные. Четыре дюжих черных полисмена с трудом прокладывали нам с Ириной дорогу.

Здесь же, в аэропорту, я сделал краткую пресс-конференцию. Объяснил, что прибыл не по своей воле, что меня выслали, лишили гражданства. Мы с Ириной Валитовой ответили на вопросы...

Я глубоко благодарен Ирине. Она самоотверженно поддерживала меня всегда, когда мне было трудно. И в тюрьме, и в лагере, и в ссылке, и на первых порах в Америке. Потом она вернулась в Москву.

— А вам трудно приходилось?

— Сначала очень. Когда меня спрашивали об этом, я обычно отвечал: «Здесь легче, чем в лагере, но труднее, чем в якутской ссылке». Ведь такая наука, как физика, развивается стремительно, а я был оторван от нее десять лет. Конечно, я и в лагере пытался работать, думать, это сохраняет мозги. Но изоляция от научной информации не прошла бесследно.

— Вы владели английским?

— Знание языка было пассивным, в основном я только читал научные работы по физике и математике. В тюрьме и в лагере строгого режима, как вы понимаете, я не мог усовершенствовать английский, наоборот, подзабыл.

В первое время приходилось работать чудовищно много. Мне сразу предложили лабораторию в Корнеллском университете по моей специальности. Но, чтобы работать, надо было преодолеть пропасть длиною в десять лет...

— В один прыжок?

— Конечно,— принимает шутку Юрий Федорович.— Другого выхода у меня не было. Сейчас работаю в Корнеллском университете, пишу научные статьи по волновой логике, продолжаю свои исследования по ускорителям в ЦЕРНе, в Женеве. По-прежнему занимаюсь общественной правозащитной деятельностью. Только теперь легально. Как член группы при ООН по наблюдению за соблюдением Хельсинкских соглашений по правам человека, встречался с видными деятелями ряда стран — с Рейганом, Тэтчер, Брандтом, Миттераном...

— Жизнь нельзя переписывать набело, но если бы начать все сначала, вы написали бы то письмо Брежневу?

— Да, написал. Оно было для меня важно, чтобы подытожить свои собственные мысли. Многие понимали, что страна зашла в тупик. Я тоже понимал это, думал, как выйти из тупика... Я искал выход, а не идеал. И сегодня я другого пути не вижу. Но сегодня я стал бы говорить не об отдельных сторонах экономической, научной и политической жизни страны, а о системе в целом. За последние пятнадцать лет, включая лагерь и ссылку, я поумнел.

— Какие планы у вас в Москве?

— Они уже почти выполнены. Я повидал сыновей, которых мне так не хватает, друзей, коллег-физиков. Был на семинаре в Институте теоретической и экспериментальной физики. Время летит мгновенно.

— Почувствовали ли вы изменения в стране в связи с перестройкой?

— Конечно! Все то, о чем мы шептались по квартирам, теперь говорится открыто. Даже больше.

Я ходил по улицам, был на митингах. Люди стали более внутренне свободными. Внешне — пока нет.

С интересом слушаю выступающих на Съезде народных депутатов. Раньше за такие речи попадали в тюрьму...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*В Верховный Суд СССР **

К вам обращаются сотрудники Института Теоретической и Экспериментальной Физики по делу Ю. Ф. Орлова, осужденного в 1978 году Московским городским судом по ст. 70 УК РСФСР.

Ю. Ф. Орлов — физик мирового класса, работал в ИТЭФ с 1952 по 1956 г. Он пришел в науку трудными дорогами 30—40-х годов(...)

Энергия, выдержка, дружелюбие, абсолютное чувство чести, презрение к трусости и мощный талант исследователя — так говорят о Ю. Ф. Орлове люди, знающие его почти сорок лет. Время испытало все эти качества(...)

Давая характеристику Ю. Ф. Орлову как ученому и гражданину, мы не просим помилования «за заслуги». Наоборот. Мы выражаем недоверие к самому факту привлечения его к уголовной ответственности по ст. 70 УК. Все, что мы знаем о Ю. Ф. Орлове, говорит о том, что он не только НЕ СОВЕРШАЛ, но и НЕ МОГ совершить преступление.

Формально о суде над Ю. Ф. Орловым мы знаем по публикациям в газетах. Лживые и оскорбительные по отношению к Ю. Ф. Орлову, эти публикации, как ни парадоксально, дают в сущности правильную информацию о характере самого процесса: в мае 1978 г. под председательством В. Г. Лубенцовой был разыгран фарс, пародия на судебный процесс. Именно эти публикации позволяют нам выразить недоверие к приговору.

Но мы знаем и больше. Суд и приговор по делу Ю. Ф. Орлова находится в непосредственной связи с судами 70-х годов по политическим статьям. Мы знаем, что наличие самих этих статей в УК вызывает протест юристов. Мы знаем имена людей, осужденных по этим статьям, но оправданных ныне и юридически, и, что важнее всего, морально. Общество признало право граждан на публичную критику. Более того, нас призывают к участию в общественном контроле за соблюдением Советским правительством обязательств по международным соглашениям — именно к тому, чему и была посвящена вся общественная деятельность Ю. Ф. Орлова. «Вина» его только в том, что он на десятилетие опередил то, что ныне называется НОВЫМ МЫШЛЕНИЕМ. Но это НОВОЕ родилось не само по себе, а оплачено страданиями тех, кто не смог промолчать, когда остальные мудро ждали.

Мы надеемся, что объективное рассмотрение в Верховном Суде СССР дела Ю. Ф. Орлова оправдает его. Полная реабилитация Ю. Ф. Орлова и возврат ему гражданства СССР явились бы примером обновления жизни общества в едва ли не самой существенной ее части — правосознании его граждан.

Мы просим рассматривать это письмо как официальное ходатайство о возбуждении в Верховном Суде СССР пересмотра решения Московского городского суда по делу Ю. Ф. Орлова от 14 мая 1978 года.

(140 подписей сотрудников ИТЭФ).

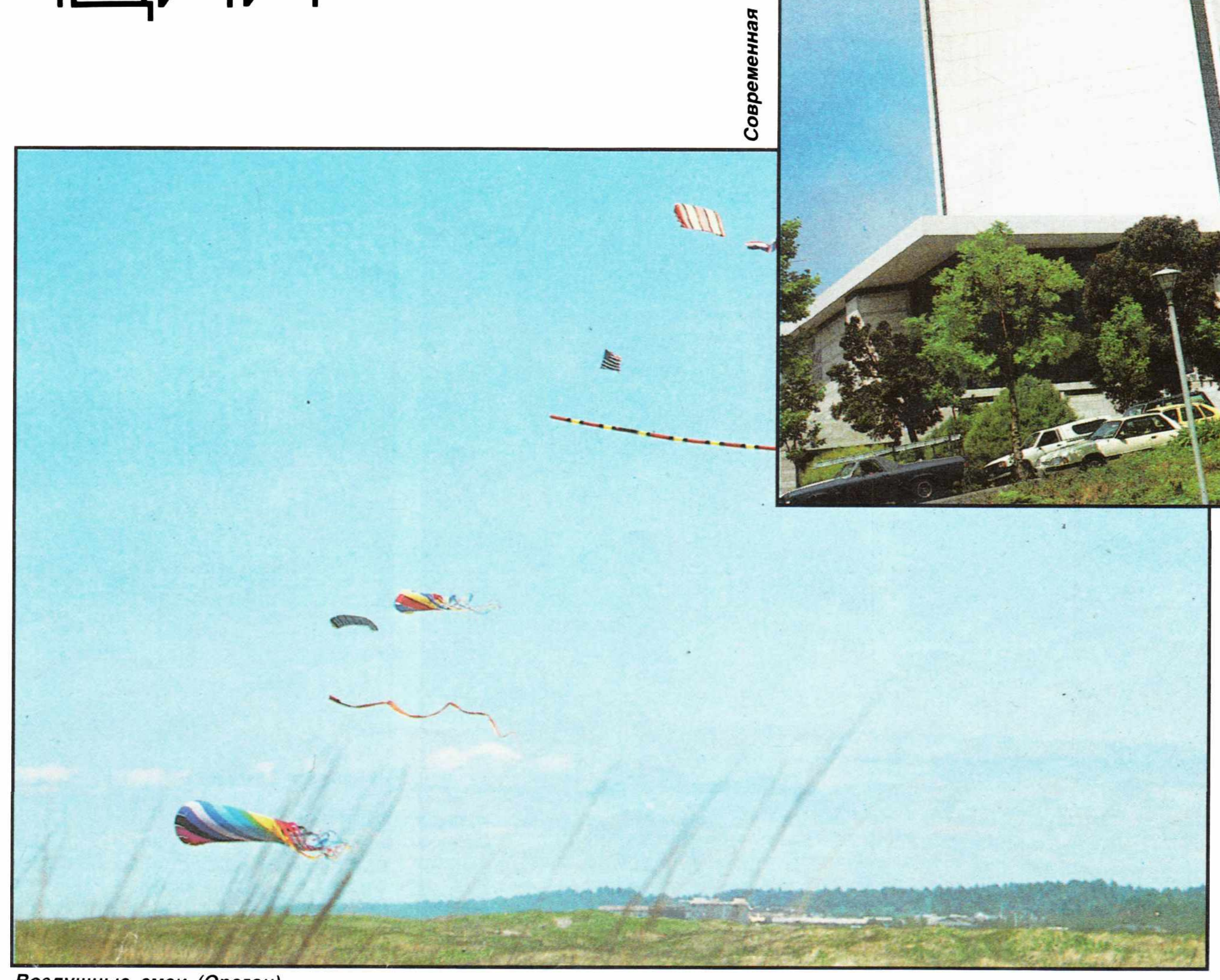
Дело Ю. Ф. Орлова еще не пересмотрено. Трудовой коллектив Института теоретической и экспериментальной физики только возбуждает ходатайство о его реабилитации. Но очерк этот мне хочется закончить словами самого Юрия Федоровича: «Я глубоко убежден, что и народ, и государство должны исповедовать определенные нравственные принципы... Это любовь к Родине и это человеческая совесть...»

* Письмо приводится в сокращении. Аналогичное письмо поступило из Ереванского физического института. (Ред.)

В АМЕРИКАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

**Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора**

Современная церковь (Калифорния).

Воздушные змеи (Орегон).

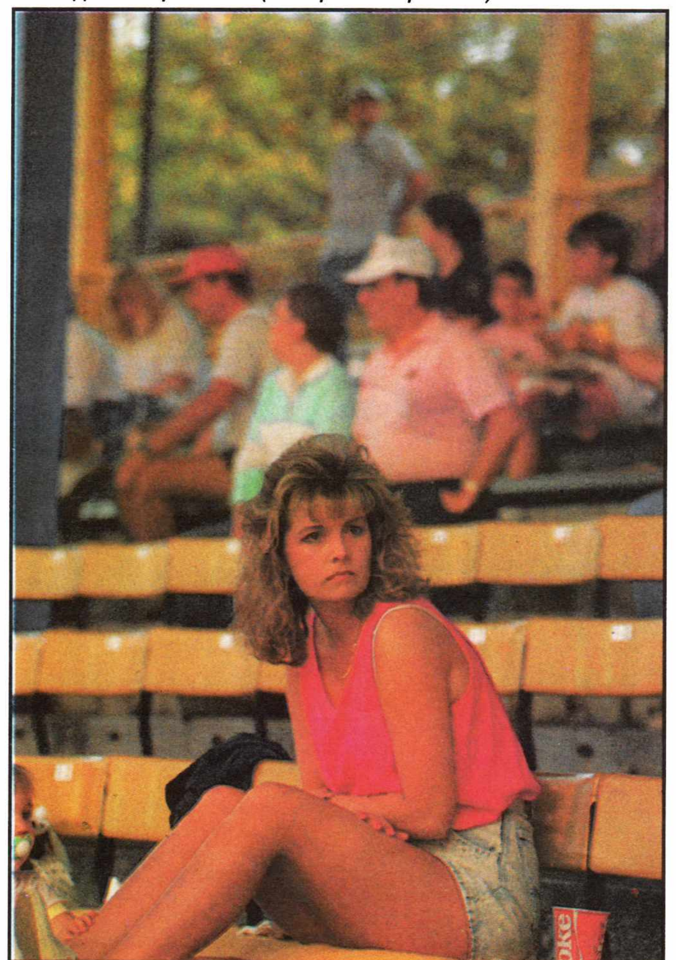

ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ

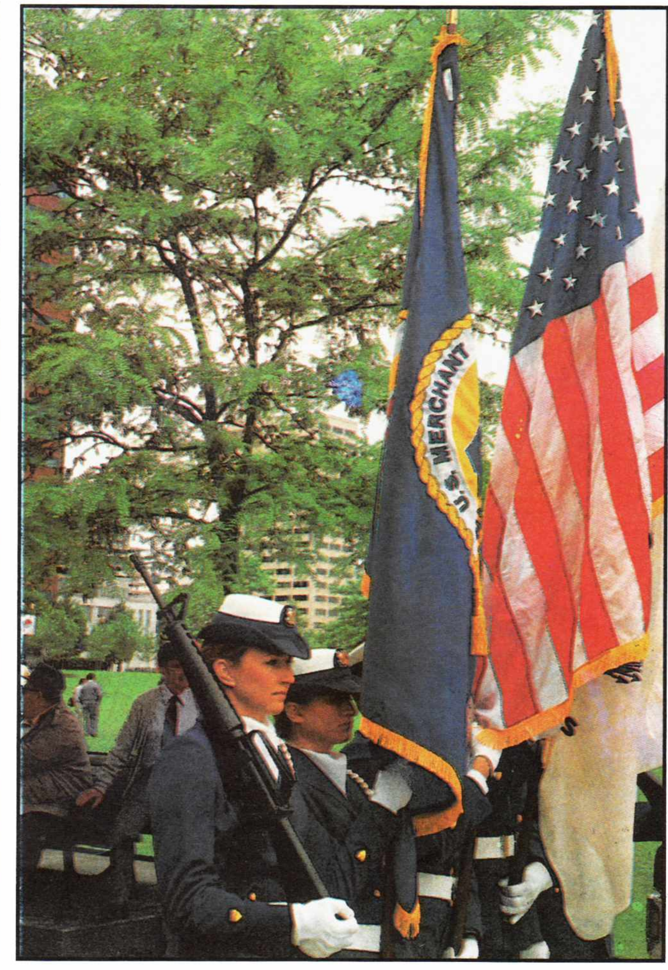
Более тридцати лет назад, в 1958 году, мне, молодому тогда журналисту, выпала большая удача: вместе с тремя молодыми американцами я совершил путешествие на машине по Соединенным Штатам. Во время поездки мы останавливались не в гостиницах, а в американских семьях и студенческих общежитиях. Так впервые близко познакомился с американцами. С тех пор много раз бывал в США, путешествовал по стране, и всегда мое внимание привлекали люди, населяющие ее. О них я написал немало очерков и книг, о том, как они живут, работают, учатся, платят налоги, воспитывают детей, женятся, разводятся, борются за справедливость, совершают преступления... Короче говоря, писал о том, какими я вижу американцев, об их психологии, морали, быте, привычках, традициях.

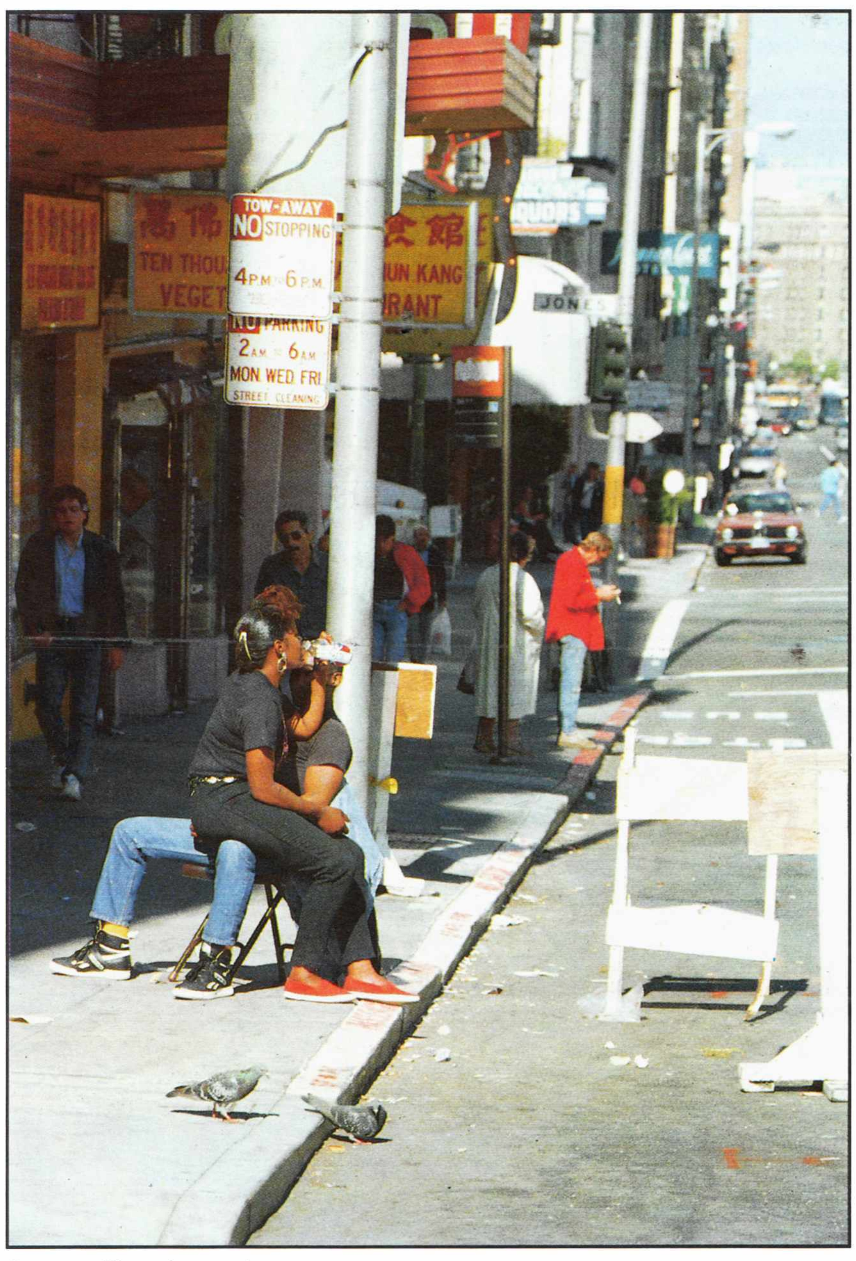
О политике я писал мало, в основном применительно к моей главной теме — рассказу об американцах. И почти никогда не писал я о местных властях (по-нашему, городских и районных), об участии американцев в их деятельности... Но после каждой новой встречи с Америкой убеждался в том, какую важную роль в жизни страны играют эти власти, скромные на первый взгляд. И свою последнюю поездку по Соединенным Штатам я решил совершить с определенной целью: получить более полное представление о местных властях. В ответ на мою просьбу американская сторона от имени правительства США предложила мне совершить поездку по нескольким штатам, главным образом по американской глубинке, по программе, которая, как говорилось в официальном приглашении, «предназначена для лучшего понимания государственной системы Америки, роли федеральных и местных органов власти. Она посвящена самым современным взглядам на эту проблему. Будут также затронуты тенденции к децентрализации управления, в частности, участие в нем населения, роль граждан и различных общественных групп». Целый месяц ездил я по американской провинции, встречался с местными политическими и административными деятелями, с учеными, разрабатывающими эту тематику,

Молодая американка (Северная Каролина).

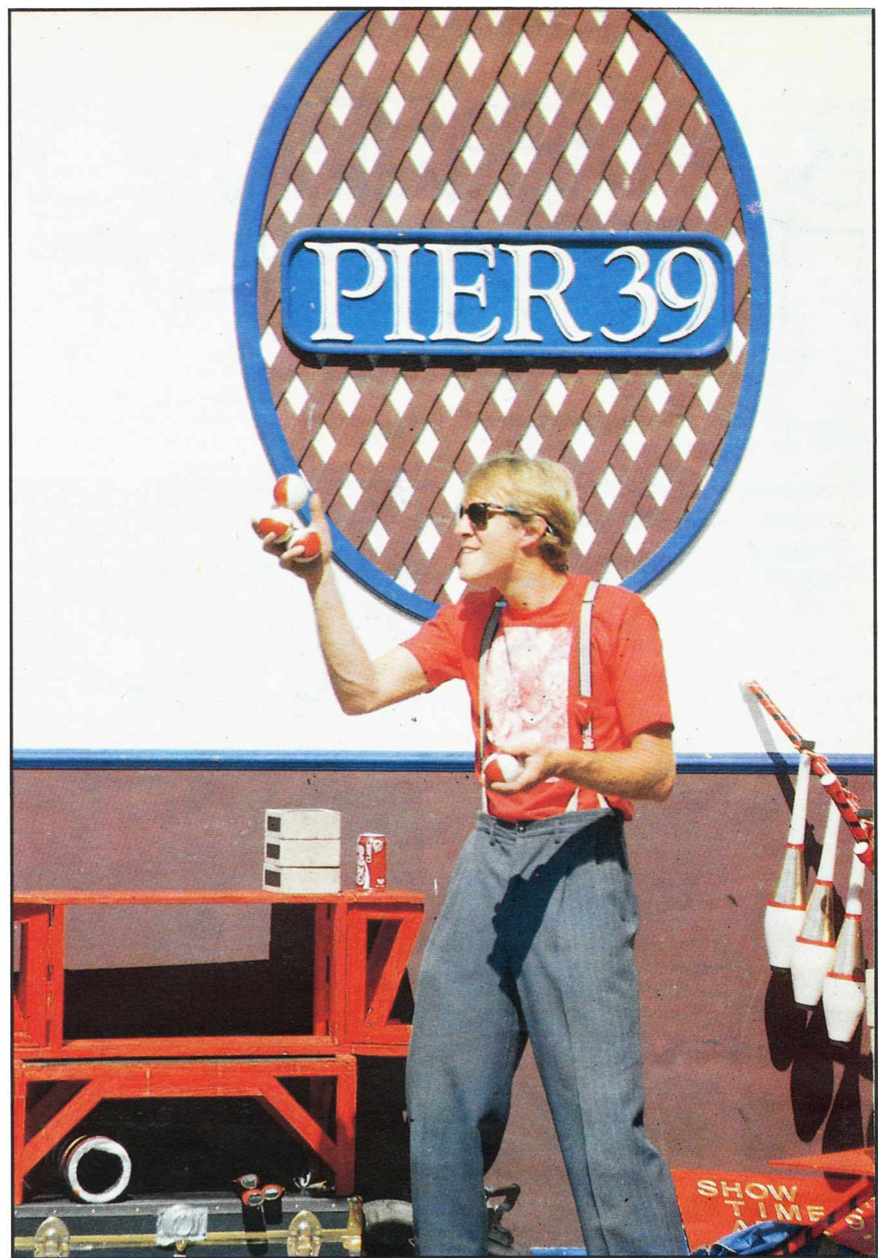

Девушки — морские пехотинцы (Орегон).

Вдвоем (Калифорния).

Уличный клоун (Калифорния).

с коллегами-журналистами, с простыми людьми, которые в Америке в большинстве своем на местную власть смотрят более серьезно и придирчиво, чем на центральную, предъявляют к ней более строгие требования, при этом немало местных жителей активно участвует в деятельности местных административных органов.

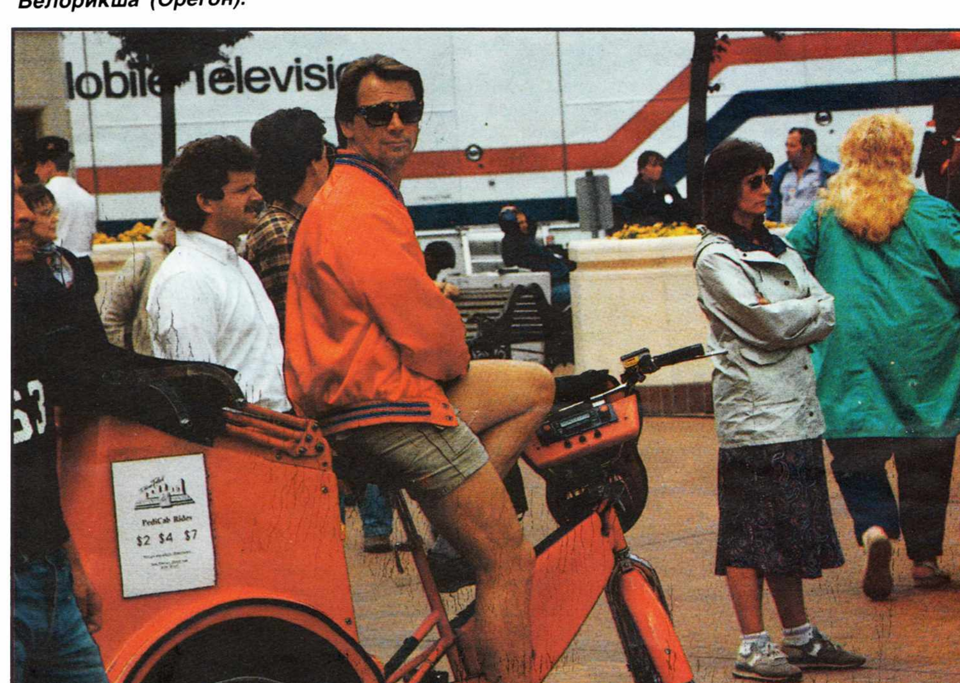
Итак, я постарался прикоснуться к истокам американской политической и общественной жизни и лишний раз убедился в том, что настоящая Америка начинается именно там, то есть, как говорят сами американцы, «на уровне корней травы». А мы, к сожалению, мало что знаем об этом уровне.

Чем ниже мы спускаемся по лестнице американской политической и административной структуры, тем сложнее и многообразнее становится она. Эту любопытную проблему я в течение нескольких дней обсуждал в штате Северная Каролина с учеными местного

Гордость фермера (Южная Дакота).

Велорикша (Орегон).

университета Ричардом Личем, Дэвидом Кэноном, Юджином Брауном, Стивеном Смитом, Хелен Лэдд, Уильямом Бьянко. Оказывается, американская наука сравнительно недавно занялась проблемами местной власти. Потому что назрела необходимость, ибо тема эта со временем стала исключительно важной, сложной и многоплановой. Например, достаточно ознакомиться с таким фактом: конституции штатов намного больше по объему, чем конституция страны, они полны таких конкретных деталей и подробностей, каких в конституции США не встретишь. Если она состоит из 9 тысяч слов, то конституция штата Нью-Йорк — 47 тысяч, а штата Алабамы — из 129 тысяч слов! Разумеется, все они не списаны одна с другой, каждый штат многое решает, оценивает и делает по-своему. Причем эти конституции не являются окончательно устоявшимися законами, принятыми раз и навсегда. В тексты ныне действующих конституций штатов внесено более 5 тысяч поправок (в тексте конституции страны было сделано 26 поправок, хотя предложено их было около 5 тысяч).

Когда же мы спускаемся ниже уровня властей штата, то сталкиваемся с еще большим многообразием политических и административных форм, традиций, житейских укладов. И это многообразие тоже отнюдь не устоявшееся, оно в постоянном движении, как и сама жизнь, оно видоизменяется в связи с насущными или порой кажущимися требованиями.

В США местные органы создаются на основе законодательства штата и обладают правами, определенными этим законодательством. Но это, можно сказать, только отправная точка, станция, от которой отходит в свой путь местный орган власти, так как ему предоставлено полное право осуществлять свои функции на основе самоуправления без формального контроля со стороны властей штата, не говоря уже о федеральной власти. А бюджет местных органов складывается из местных налогов и целевых ассигнований штатов и федерального правительства. В этих последних ассигнованиях местная власть, конечно, нуждается, ждет их, порой требует, но все же основной ее двигатель — местные налоги, размеры и цели которых определяются по мере надобности.

Вообще взаимоотношение местных властей с властями штатов и федеральными — проблема сложная и в США всегда животрепещущая. В разные периоды американской истории центр тяжести перемещался то к вышестоящим властям, то к местным, но сегодня можно утверждать, что последние пользуются подлинным самоуправлением. Опыт их деятельности представляется весьма интересным, может быть, в чем-то даже и поучительным. Без всякого намека на самоуничижение можно вспомнить, что у американской государственности более чем двухвековой стаж, а у нас — в три раза меньше.

Местной административной единицей, где выбирают органы самоуправления, является округ (как у нас — район), называемый графством. Обычно избираются совет графства и несколько должностных лиц (казначей, шериф, сборщик налогов и другие). Параллельно совету графства могут работать разные целевые комиссии. Находящиеся на территории графства города, как правило, имеют собственные независимые от графства органы самоуправления. Городские органы, кстати, еще более разнообразны, чем органы власти в графствах. И любопытно, что в большинстве городских самоуправлений всю их деятельность возглавляет учреждение, название которого абсолютно точно переводится на русский язык так: городской совет. В него могут избирать мэра и совет при нем, состоящий из руководителей отделов городского совета; в другом случае может быть избрана муниципальная комиссия, которая назначит мэра; есть и такая форма муниципального управления: избранный населением совет нанимает управляющего для квалифицированного руководства городским хозяйством (такой руководитель в отличие от избранных лиц может быть в любой момент уволен). Самых разных структурных вариантов местной власти очень много.

Все пятьдесят американских штатов подразделяются на более чем три тысячи графств, которые, в свою очередь, делятся на городские муниципалитеты (более 19 тысяч) и тауншипы (более 16 тысяч) в сельской местности. При этом надо особо выделить ту сложную структуру местного самоуправления, которая сложилась в настоящее время (тоже в самых разных формах) в городских агломерациях, то есть вокруг городов-гигантов с тяготеющими к ним населенными пунктами — спутниками. Так, вокруг Чикаго таких самостоятельных поселений, самоуправляющихся единиц, независимых от центрального города, насчитывается более одной тысячи! Такие агломерации требуют отдельного разговора. Мы же остановимся на тех местных властях, которые аналогичны нашим районным, сельским и городским, причем в небольших городах.

Есть еще и такая форма местного самоуправления, как специальные округа, их границы не совпадают с границами графств, городов и других административных единиц. Такие округа обычно возникают по инициативе населения, когда оно считает, что его насущные интересы в той или иной области не обеспечиваются традиционной формой местной власти. В первую очередь к таким единицам местного самоуправления относятся так называемые школьные округа, их насчитывается в стране около 16 тысяч. Они создаются гражданами, заинтересованными в прогрессе школьного образования в их микрорайоне. Специальные округа могут возникать по самым разным поводам. Университетский профессор из Северной Каролины Ричард Лич рассказал мне забавную и поучительную историю из своей жизни. Еще в молодости он с женой жил в небольшом городке, население которого вдруг стало жертвой москитов. Они появились в огромном количестве, и не было от них спасения. Горожане обращались за помощью в местные органы власти, в столицу штата. Все было бесполезно! Оставалось надеяться только на самих себя. И вот жители городка создали свой округ, который назвали москитным, обложили сами себя налогом по борьбе с этой напастью и в конце концов ее одолели.

После трех дней бесед с учеными в штате Северная Каролина я на три дня перебрался в городской совет города Дарема в том же штате. При населении в 130 тысяч человек он считается «городом промышленности, образования, медицины и науки». В городской торговой палате насчитывается более 1200 фирм (то есть примерно по одной на каждых десятерых жителей!). Вблизи Дарема расположены два университета. В городе две ежедневные многостраничные газеты и два еженедельника.

Дарем — единственный муниципалитет в одноименном графстве. Город управляется советом из 12 членов и мэром, которые выбираются. Графство управляется комиссией из пяти членов, повседневной административной работой руководит наемный (на зарплате) менеджер (управляющий) графства. По аналогии в городском совете ту же работу выполняет городской менеджер, он подчиняется непосредственно городскому совету и возглавляет его аппарат — 1300 служащих. Получается, что на сто жителей Дарема приходится один штатный работник горсовета. Нормальная пропорция? Наверное, вполне. Ведь других подобных организаций (скажем, как у нас, горкома партии, горкома комсомола, горкома профсоюзов и т.п.) здесь не существует. У городского управляющего есть один старший помощник и еще два просто помощника. В городском совете насчитывается 19 отделов (финансовый, планирования, полиции, пожарный, санитарный, расовых проблем, инженерный, стихийных и других бедствий, водных ресурсов и другие).

Городской совет расположен в прекрасном современном здании в центре Дарема. Знакомство с его деятельностью я начал с того, что пришел на его очередное заседание. Совет регулярно собирается на свои сессии, всегда открытые для публики, по первым и третьим понедельникам каждого месяца. Просторный зал мест на триста с высоченным потолком почти заполнен. На сцене, за полукруглым столом, мэр и члены совета, сбоку от них — городской менеджер, городской клерк (протокол) и городской прокурор. Местное телевидение тоже присутствует, не говоря уже о газетных репортерах. Сразу привлекает внимание большое табло на одной из стен, похожее на те, что устроены у нас на крупных футбольных стадионах. Оно фиксирует результаты голосования, подводимые с помощью электроники. Потом, познакомившись со зданием городского совета, с его другими залами и помещениями, я смог убедиться в том, что оно все начинено электроникой, облегчающей многосложную деятельность этого учреждения.

Прежде всего обращает на себя внимание раскованный, непринужденный характер обсуждения вопросов повестки дня. Более того. Каждый из выступающих или подающих реплики непременно пытается как-то сострить, вызвать смех, который часто звучит в зале. У многих из присутствующих в руках подробнейшая повестка дня с приложенными к ней разными справками и деловыми бумагами. Мнения высказываются неодинаковые, с разных точек зрения, от имени самых различных заинтересованных сторон.

Вопросы обсуждаются самые житейские, интересующие горожан, затрагивающие их интересы. Например, в одном из городских районов предполагается построить торговый центр и комплекс зданий для размещения в них разных учреждений. Двое горожан, представляющих, как они говорят, интересы 150 своих соседей, протестуют против этого проекта. Их доводы: речь идет о районе, где люди селились именно потому, что он тихий. Новые центры создадут большое уличное движение, испортится воздух. Сторонники строительства утверждают, что эти опасения преувеличены. Сразу вопрос не решают, предполагают изучить его.

С финансовым хозяйством городского совета мне помогал ознакомиться заведующий этим отделом Джон Педерсен, у которого 90 служащих. Деятельность их зависит главным образом от средств, собираемых с местных налогоплательщиков. Предмет этот очень сложный, особенно для нас, советских людей, так как в нашей действительности мы таких порядков не имеем. Само понятие «налог» у нас никаких особых эмоций и мыслей не вызывает, а мой собеседник Педерсен говорит о нем с бо́льшими почтением и озабоченностью, чем священник о боге. «Решающим и определяющим фактором американской жизни» назвал журнал деловых американцев «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» налоги и связанную с ними сложнейшую всеамериканскую систему. Чтобы разобраться в ней досконально, нужно ознакомиться с несколькими десятками огромных томов, в которых изложены премудрости этой системы. Мы же коснемся только одного аспекта, имеющего скорее не финансовое, а моральное значение. Дело в том, что человек, который платит местный налог, может и видеть, как и на что расходуются его деньги, а это обстоятельство вызывает эффект сопричастности к делам города или графства, эффект общей заинтересованности и ответственности. Бюджет у города Дарема на 1989—1990 годы — 111 миллионов долларов.

О проблемах планирования и развития мне поведал заместитель заведующего отделом Дик Хейлс. Он охарактеризовал город и окружающие его земли как весьма перспективный и богатый район. Больше всего меня заинтересовал его рассказ о референдумах среди населения, которые проводятся по самым разным проблемам развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и т. п. Эта форма участия населения в административных и общественных делах давно уже стала прочной традицией, с которой я несколько раз сталкивался во время поездки по США.

Перед моим прибытием в Дарем прошел сильный ураган и причинил много бед, я видел разрушенные дома, искореженный лес... Руководитель отдела стихийных и других бедствий Билл Колли ввел меня в курс своей деятельности. После урагана все семьи из разрушенных домов получили временный приют и материальную помощь. Причем не только за счет городского совета, но и от Красного Креста, от федерального правительства, которое выделило 12 миллионов долларов. Главная задача отдела, который возглавляет Колли, быть в постоянной готовности ко всякого рода чрезвычайным происшествиям, они не должны заставать людей врасплох. Похоже, что в Дареме этого не случается.

Интересный разговор о проблемах национальных меньшинств состоялся у меня с руководителем отдела горсовета Джо Бектоном. Неравенство между белыми и черными американцами все еще остается, главная проблема, по мнению Бектона, материальное неравенство, в целом негры живут значительно хуже белых. Это касается заработной платы, жилья, профессии, образования, медицинского обслуживания... Кое-что делается для восстановления справедливости, но процесс этот идет медленно. Бектон назвал и такие непростые проблемы, как комплекс превосходства у белых и ответный аналогичный комплекс у черных, говорил он и о белом и черном экстремизме. Посетовал и на то, что в его отделе всего 6 служащих (в местной полиции, например, 370 человек). Кстати, сам он негр, их в горсовете работает немало.

Америка — страна на колесах, поэтому нельзя было не встретиться с Элом Уилфордом из отдела транспорта. Он начал с общей в стране проблемы — с городского транспорта. При всеамериканской автомобилизации общественный транспорт развит слабо, он не всегда может давать доход. Эл говорит, что от его дома до ближайшей автобусной остановки 6 миль, вот и попробуй обойтись без машины! Инженер по про-

фессии, он неожиданно заводит разговор о морали и философии в связи с автомобилями и дорогами. И он прав. Сплошная автомобилизация сильно влияет на психологию американцев, их характер, житейскую философию, семейную жизнь, мораль, преступность... У молодых американцев первые свидания, признания в любви и первые поцелуи происходят, как правило, не на скамейке под луной, а в автомобиле. Не выходя из своей машины, американец может получить деньги в банке, посмотреть кино, совершить покупки и т. п. С другой стороны, автомобили и дороги вызывают несметное количество проблем, начиная с того, что все больше и больше загрязняется окружающая среда. Глава Американской автомобильной ассоциации за безопасность движения С. Якшич заявил: «Мы являемся нацией, которая помешалась за рулем и считает это в порядке вещей».

Из многих встреч в горсовете Дарема запомнилась беседа с городским менеджером Орвиллом Пауэллом. Он сразу подтвердил уже известную мне истину, что работает по «контракту на 48 часов», то есть его всегда могут уволить. Работой своей доволен, видно, что считает ее весьма престижной. Заводит разговор о политике и административной деятельности. Полагает, что последняя в идеале должна быть вне политики, но, вздыхает он, в жизни этого добиться не удается. Поэтому Пауэлл — за разумный компромисс, за естественный баланс между политикой и делом. Он заявляет, что часто бывает по политическим вопросам не согласен с горсоветом, но, повторяет Пауэлл, он не политик, а администратор. Уже в его бытность на этом посту несколько лет назад, говорит он, горсовет по своему составу был очень консервативным, сейчас — более либеральный, ему это по душе. Сетует не только на политиканов, но и на какие-то интриги в аппарате, сокрушается: «Без них не обойдешься!» Самое выгодное впечатление произвел на меня этот сугубо деловой человек. Воспитанный, светский, с чувством юмора и чувством собственного достоинства.

Его, можно сказать, коллега, менеджер графства Джек Бонд, тоже человек с очень солидной деловой биографией. Говорит, что это хороший район, перспективный, но, к сожалению, с элементами застоя, считает он, «здесь не любят рисковать». Сила местной власти, по его мнению,— в ее профессионализме. И точно так же, как и Пауэлл, он заводит речь о желательном удалении административной деятельности от политики и о несбыточности сей мечты. Ставит и более реальные вопросы. Например, нужны ли две разные школьные системы — для города и для графства? Двойные расходы на служащих. В городе она выше по качеству. Более того, он задумывается и над такой проблемой: нужны ли рядом две системы управления — городская и графства? От него я услышал забавный афоризм: «Демократия — это лучшая система, но не самая эффективная».

У графства, как и у города, много разных проблем, они широко обсуждаются общественностью и в местной прессе. Например, предполагаемое строительство нового аэропорта. Удачно ли выбрано для него место? Что в связи с этим будет с окружающей средой? С людьми, живущими поблизости? Не менее горячие дебаты идут и по поводу планов дорожного строительства, по вопросу слияния двух музеев в один. И, конечно же, бюджет и налоги не сходят с повестки дня. Четверо из пяти членов комиссии графства Дарем заявили, что они постараются снизить предложенное менеджером графства Джеком Бондом увеличение местного налога на 6 ½ процента. Для этого они думают урезать составленный Бондом бюджет в 151 миллион долларов. Все участники обсуждения бюджета и налогов едины в одном: нужны разумные сокращения, но только не за счет системы образования. Школы, как я смог убедиться в ходе моей поездки, вообще являются предметом особой заботы местных властей. В городе Дарем и в графстве ассигнования на них по сравнению с прошлым бюджетом заметно увеличиваются.

Случаются здесь истории и уголовно-полицейские, которые всегда будоражат общественное мнение, вызывают его живой отклик. При мне слушалось дело об одной женщине, обвинявшейся в убийстве мужа, который погиб, как это было признано вначале, в результате случайного выстрела из его же пистолета. А вскоре обнаружилась магнитофонная запись, которую он наговорил незадолго до этого случая и в которой подозревал, что жена добивается его смерти и пытается осуществить этот замысел. После того как прослушали пленку, вспомнили о весьма странных обстоятельствах смерти первого мужа этой женщины — тоже, похоже, было убийство. Так современная техника стала главным нервом страшной интриги.

В это же время город Дарем стал свидетелем скандала в местной полиции. Ее начальник Тревор Хэмптон был обвинен в неэтичном поведении. Хэмптон отрицал обвинения. Страсти накалились, и последовали другие обвинения по этой же части. А началось все с того, что он попытался увести от ответственности своего тайного агента (из отдела по борьбе с наркотиками), когда тот был задержан на шоссе за езду в пьяном виде (преступление в США очень серьезное; за год пьяные водители убивают около 20 тысяч американцев, а ранят более 600 тысяч).

За этот случай взялась местная газета «Дарем морнинг геральд». Это о ней и ее репортерах Хэмптон заявил: «Все это выдумано газетчиками». Но последние раскрыли еще несколько неблаговидных поступков начальника полиции в то время, когда он пытался замять дело своего подчиненного. По свидетельству газеты, он ликвидировал магнитофонную запись в деле водителя-пьяницы и результаты его освидетельствования (медицинского теста), в конечном итоге нарушитель ушел от возмездия, суд его оправдал за недостатком улик. А газета ко всему прочему обвинила начальника полиции еще в корыстолюбии и пьянстве. На своих собраниях местные жители потребовали его увольнения. Я спрашивал об этом деле городского менеджера Пауэлла, человека, как я писал выше, вызывающего доверие. Он был очень осторожен в своих ответах. Он сказал, что коль скоро дело связано с агентом по борьбе с наркотиками, то возможны всякие неожиданности. Пауэлл сказал мне, что начальник полиции весьма успешно боролся с этим страшным злом, поэтому, возможно, кто-то решил его таким образом скомпрометировать. Но в данном случае меня интересует не суть дела, а тот факт, что оно нашло такой широкий отклик в прессе и среди населения. Думаю, и потому, что платят начальнику полиции за счет местных налогоплательщиков.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Интерес к самым различным сторонам местной административной и общественной жизни весьма характерен для американской провинции. Как я уже указывал выше, в Дареме 130 тысяч жителей. Но полистайте местный еженедельник «Индепендент», в нем 40 страниц и сотни разных объявлений о всякого рода событиях на текущей неделе: собраниях, лекциях, встречах, выставках, концертах, конкурсах, фестивалях, музейных экспозициях, фильмах, театральных постановках, спортивных соревнованиях как в самом городе, так и в его окрестностях. Я узнаю из объявлений, что только детям за неделю будет посвящено 18 мероприятий, а спорту — 12. Под рубрикой «Искусство» сообщается о 41 мероприятии за неделю в Дареме и двух близлежащих городах, а под рубрикой «Музыка» — о 53 мероприятиях (они связаны не только с современной музыкой, но и с классической).

Понятно, что такой размах разнообразной деятельности может быть обеспечен только за счет добровольного энтузиазма. Корни его уходят, по моему мнению, в авторитет местной власти, который складывается из ее независимого самоуправления и участия в нем заинтересованных местных жителей. И, конечно, активность эта распространяется не только на сферу культурно-развлекательную. Сотни и тысячи самых разных точек приложения самодеятельной активности граждан создают как бы фундамент, основу, питательный фермент для местных органов власти, дополняют и обогащают их деятельность. И я склонен рассматривать понятие «власть на местах» именно в этой совокупности — местные административные органы плюс сотни, тысячи добровольных инициатив в самых разных областях жизни и деятельности.

С этой стороной американской власти на местах я познакомился в штате Орегон. Хотя он и находится на другом конце страны по отношению к Северной Каролине, о которой речь шла выше, я убедился, что проблемы местной администрации у них схожие, только формы разнятся, а суть та же. В первой же газете которую я раскрыл в штате Орегон, увидел схему нового местного административного органа, который предлагается взамен двух существующих — городского совета и графства. То есть и здесь как бы продолжается разговор, начатый в Северной Каролине.

Есть у нас такое хорошее слово — «доброволец», есть оно и в Америке. Но у нас его услышишь обычно в связи с очередной кампанией — добровольцы едут на целину, на БАМ и т. п., а в США слово это звучит повседневно в самом широком обиходе. Потому что каждый второй американец является добровольцем. То есть отдает по своему усмотрению часть своего времени и, как правило, часть своих средств на общественно полезную (а иногда — и вредную) деятельность самого неохватного профиля: помощь бедным, защита окружающей среды, защита животных, борьба с пьянством, курением, наркоманией, преступностью, СПИДом и еще бог знает с чем, разведение редких цветов, внедрение компьютеризации, борьба против засилья огнестрельного оружия в стране и... пропаганда того же оружия, движение за запрещение абортов и... борьба за их легализацию и т. д. и т. п. Повторяю, таких организаций и движений в США — тысячи. Многие из них затрагивают очень существенные проблемы и сферы американской жизни, заметно влияют на них, но не делают при этом бизнес, то есть их цель не прибыль, а служение обществу. Как правило, местные отделения таких организаций объединяются на уровне штата, а далее — на федеральном, всеамериканском уровне. То есть они имеют солидные (часто очень солидные) финансовые фонды, юридические права, влияние в обществе и в мире бизнеса, который традиционно выделяет часть прибылей на такую деятельность, о чем обычно широко и с благодарностью оповещается общественность. Существенную часть фондов составляют и частные пожертвования.

В этой, казалось бы, чисто филантропической механике есть и такая сторона, нашим людям обычно неведомая: бизнесмену или просто богатому частному донору каждый благотворительный вклад уменьшает сумму налога, который в США берется буквально со всего, но не с пожертвований! Отдавая какую-то часть своей прибыли на общественные нужды, на помощь и милосердие, человек тем самым снижает свой обязательный налог. Не пожертвуй он свои доллары на доброе дело, эти его деньги (или их значительная часть) все равно уплыли бы от него в казну. Недаром у подавляющего большинства таких добровольных организаций есть не только достаточные средства, но и свои издания, свои солидные офисы, свои штаты, наконец. Таким образом, это и есть то самое дополнение, помощь той самой власти на местах, о которой мы и ведем речь. Понятно, что местные административные органы и эти организации обычно тесно и плодотворно сотрудничают, а часто и конфликтуют, когда добиваются своих целей. В результате такого сотрудничества и такого соперничества получается все же определенная сила со знаком «плюс», которая и движет вперед все многообразие местных властей и инициатив снизу.

Кстати, к помощи, услугам добровольных организаций постоянно прибегают многие официальные учреждения. Так, несколько лет назад я совершал поездку по США под эгидой государственного департамента и Информационного агентства, организаций сугубо официальных, а оказать мне помощь они попросили местные добровольные общества, занимающиеся развитием международных связей, в частности с иностранными гостями Америки. И в этот раз схема была такой же. В штате Орегон, в городе Портленде, меня опекал так называемый международный совет Орегона.

Это добровольная организация, цель которой — развивать дружбу и сотрудничество с народами самых разных стран, приглашать и принимать у себя гостей из-за рубежа. В моем случае приглашен я был официальными властями за их счет, но совет в Портленде может пригласить и сам, за счет своих средств. Совет также занимается пропагандой знаний о других странах. Одна из его программ заключается в том, что он организует перед жителями штата выступления американских и зарубежных деятелей (политиков, дипломатов, работников культуры и т. п.). По другой программе совет приглашает в Орегон иностранных гостей, в 1987—1988 годах их было 486 из 124 стран. Третья программа называется «школьной», то есть по ней деятельность совета разворачивается в системе образования, среднего и высшего. По программе путешествий совет помогает жителям штата выезжать с познавательной целью в другие страны.

С деятельностью совета меня познакомила один из его директоров — Шарлотта Кеннеди. Она подчеркнула, что большинство активистов этой организации имеют свое какое-то официальное занятие, дело, а совету посвящают время, урываемое от их досуга. Ее, можно сказать, коллега по добровольной деятельности Коринна Паулсон является президентом Лиги голосующих женщин. Как известно, женщины в США имеют право голоса, но есть еще немало проблем, которые говорят о неполном равноправии женщин с мужчинами. Поэтому Лига выступает за активизацию политической активности американок, призывая их прежде всего принимать участие в выборах и тем самым выдвигать перед кандидатами на политические должности свои требования. Паулсон отмечает, что обычно пожилые и старые американки активнее участвуют в выборах, чем молодые, поэтому среди последних Лига проводит большую работу. Кстати, несмотря на свой уже солидный возраст, Коринна Паулсон постоянно общается с молодежью, на работе и дома, у нее 5 детей и 3 внука.

А вот организация с таким сложным названием — «Исследовательская группа по защите интересов жителей штата Орегон». Она создана в 1971 году, и на ее счет сегодня вносят пожертвования 75 тысяч человек. У организации несколько задач. Экологическая — приостановить загрязнение окружающей среды и бездумное расхищение природных богатств (полезные ископаемые, лес, рыба и т.п.). Уже установлено в штате более 240 мест, вызывающих тревогу с экологической точки зрения. Эта группа борется также за уважение прав потребителей, то есть за должное качество продуктов и товаров. Другая задача — активизация уча-

стия граждан в управлении, в политике и административной деятельности. Это направление лишний раз подтверждает связь такого рода организаций с местными властями, своего рода внутреннее родство с ними. А с другой стороны, какой раздутый аппарат должны были бы иметь местные органы власти, если бы взяли на себя выполнение хотя бы малой части того, что делают добровольцы!

Директор этой организации Джоэль Айро рассказывает, что у ее истоков стояли студенты и сегодня она наиболее влиятельна именно в их среде. Такие же организации, продолжает он, есть уже в 25 штатах, в Вашингтоне они имеют свое лобби (представительство) при американском конгрессе (так же, как и многие другие добровольные организации). Айро считает, что в настоящее время ни один из политиков, идущих на выборы, не может не выразить своего отношения к экологическим проблемам. А это — один из главных результатов деятельности таких общественных организаций. Их перечисление можно множить до бесконечности, вот только еще одно из них — Бюро добровольных организаций Большого Портленда (то есть города с окрестностями). Оно координирует деятельность добровольных организаций трех соседних графств. Основано оно на тех же принципах, что и все эти организации, но является своего рода справочно-информационным центром по деятельности добровольных инициатив. Оно дает справки, консультации по проблемам этого движения, имеет большую специализированную библиотеку, присуждает ежегодные награды лучшим активистам. Во время беседы в бюро его руководители обратили мое внимание и на такую его роль: оно избавляет общее движение добровольных организаций от ненужного дубляжа, лишних усилий и затрат. Что ж! В столь многослойном и многосложном явлении, каким стало в Америке движение добровольцев, это бюро нелишнее.

Когда ездишь по Соединенным Штатам, то не перестаешь удивляться этому многообразию. В Сан-Франциско я несколько часов провел в заведении, которое у нас, в России, издавна называлось ночлежкой. Существует она тоже за счет добровольных усилий. Проблема бездомных остро стоит в США: бесприютные, обтрепанные люди с мешками и картонными коробками в руках, многие из них очень странно выглядят (среди них немало душевнобольных и наркоманов), встречаются в каждом американском городе. Такое их количество на фоне процветающей Америки производит особо тягостное впечатление. Они дики и нелюдимы. И, по-моему, исходит от них какая-то угроза. Я немало думал над судьбой этих неудачливых американцев и пришел к выводу, что их так много именно потому, что Америка — очень богатая страна. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из них умер от голода, так или иначе им перепадают какие-то жалкие подачки от общества и человеческое сочувствие, и помощь от пекущихся о них добровольцев из числа благополучных граждан. С моей точки зрения, такая опека все равно выглядит унизительной. Но без нее было бы еще хуже. А может быть, без нее их было бы меньше?

В этом заведении в Сан-Франциско бездомный может переночевать, может провести несколько дней, отоспаться, прилично поесть, обратиться к врачу, помыться. С ним побеседует консультант, при желании поможет ему приобрести специальность или поступить на работу, попытается помочь разобраться в душевных переживаниях (многие начинают этот тягостный путь с того, что теряют работу, или из-за разлада в семье).

Знакомит меня с ночлежкой ее директор Джо Хилл. Два этажа на окраине города. Сразу из дверей попадаешь в зал, где одни играют в карты, другие — в домино, третьи — спят на полу или на стуле (спальные комнаты наверху). Часть обитателей в небольшом зале смотрит кино. Вдоль одной стены — буфетная стойка, за ней — скучающий буфетчик. На меня и пришедших со мной еще трех иностранцев никто из обитателей никакого внимания не обращает. Снуют туда-сюда добровольцы, которые здесь сегодня дежурят. Они отличаются от бездомных опрятной одеждой, выражением лиц и опознавательными бирками на груди (с фотографией). Вокруг довольно чисто, но казенно, как на вокзале; на душе все равно тяжело, понимаешь, что добровольцы здесь делают немало, не каждый к тому же согласится на такой род деятельности, но все же, но все же... Ночлежка есть ночлежка. И опять-таки серые, отстраненные лица ее обитателей, какая-то стена между ними и тобой — чистым, сытым и погруженным в важные дела.

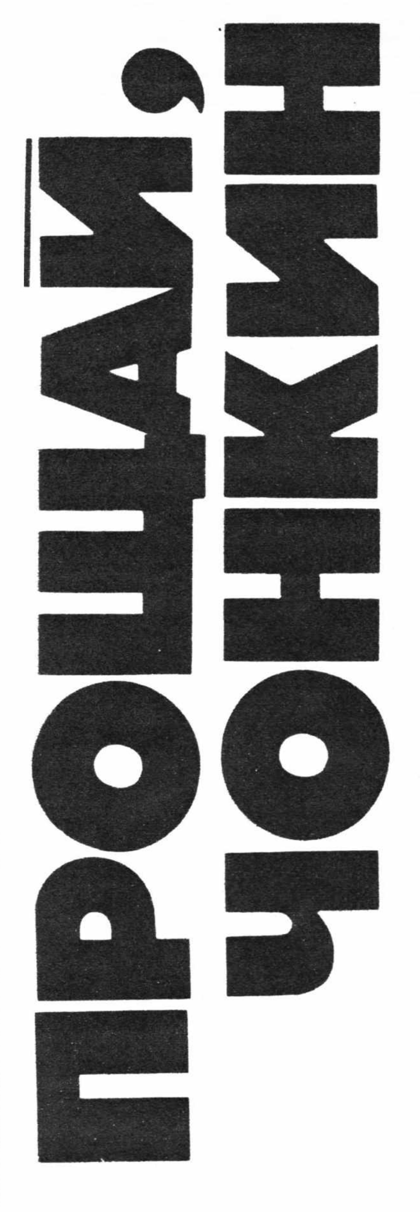
Кстати, и здесь есть самая непосредственная связь с темой нашего разговора — местными властями. Всюду они пытаются уменьшать масштабы трагедии бездомных, в этом им, несомненно, помогают добровольцы.

И наконец, еще об одном ярком впечатлении. В штате Южная Дакота я побывал в городке Нью-Андервуде (население — около 500 человек) в праздничный день: отмечалось столетие штата, которое совпало здесь с открытием нового общественного центра. На средства местных жителей был построен большой, светлый павильон, в котором, наверное, можно собрать все население Нью-Андервуда. В этом павильоне и происходили торжества. Несколько коротких выступлений, активность двух газетных репортеров и двух телеоператоров, награды лучшим общественникам; под конец один из местных деловых людей дарит местным властям чек, сумма скромно не называется, но все дружно аплодируют. А я в это время листаю брошюру об истории городка. В самом ее начале перечислены 78 фирм, церквей, организаций, обществ, которые помогают крохотному Нью-Андервуду. Семьдесят восемь... Говорят, что дух взаимопомощи и добровольных инициатив живет в американском народе еще с легендарных времен первых переселенцев из Европы. Этот дух, помноженный на труд, и дает свои результаты.

Я внимательно читаю брошюру об истории Нью-Андервуда. Чаще всего в ней встречается глагол «строить». Историю городка ее составители рассматривают как летопись строений, а не перечень политических и общественных событий (о них вовсе не упоминается). В 1907 году построили склад и магазин. Склад использовался также под церковные службы и танцы. В том же году появились ресторан и местная газета «Андервуд таймс», а в 1908 году — банк и лесопилка. Затем выросло несколько церквей разных религиозных верований. В брошюре подчеркивается: «Даже при таком небольшом населении и на такой ранней стадии развития у жителей городка была возможность выбирать церковь по своему желанию». В 1910 году построили школу, вначале в ней было четыре комнаты, затем пристроили еще две. История местной школы занимает в брошюре заметное место. Одновременно со школой вырос и элеватор... В каждом случае обязательно назван строитель сооружения, есть в брошюре несколько имен банкиров и священников. И нет ни одного местного политика! Такое вот сугубо прагматическое направление этого издания...

Один из самых популярных американских политиков, Роберт Кеннеди, брат президента Джона Кеннеди, говорил: «Только немногим дано вмешиваться в ход истории, но каждый из нас может трудиться и добиваться хотя бы небольших перемен вокруг себя, а в целом этими усилиями и пишется история».

Северная Каролина — Орегон — Калифорния — Южная Дакота.

Эльдар РЯЗАНОВ

Это очень грустная и поучительная статья о сотрудничестве. Впервые за многие десятилетия на равных включаясь в международные соглашения и сделки, мы исполнены радостью и неопытностью перед лицом происшедшего. Как бы там ни было, но деловое сотрудничество — это вовсе не знакомый нам по прежним плакатам и фотоочеркам вариант, когда две толпы, разверзши объятия, бегут навстречу друг другу. Раз уж равноправное сотрудничество, то каждая из участвующих сторон ищет свою выгоду. В этом нет ничего странного. Хороший режиссер и хороший писатель задумывают совместную экранизацию, но выясняется, что права на нее принадлежат некоей третьей силе, у которой тоже собственный интерес в этом деле... Короче говоря, все мы, входя в международные сделки, только лишь начинаем понимать, насколько их условия отличаются от благословенных советских, где все, например в кинопроизводстве, регулируется государством — от ставок актеров до качества пленки и количества зрителей. Но — взявшись за гуж... Результат случившегося устраивает лишь две группы людей — очень капиталистическую британскую студию и очень советскую ветеранскую организацию. Как это часто бывает, полюса сомкнулись. Но это не то сотрудничество, которое нас интересует. Деловые отношения — а их становится все больше — между представителями разных государств требуют от участников самого серьезного отношения и предлагают нам уроки, еще только подлежащие усвоению.

Работы над фильмом о солдате Чонкине по роману В. Войновича остановлены. Съемочная группа распущена. Реквизит конца тридцатых годов, собранный с огромным трудом и любовью, сдан в соответствующий цех «Мосфильма». Костюмы — штатские, крестьянские, военные, — сшитые и приобретенные, отданы в костюмерную студию, и другие съемочные группы растаскивают их для своих кинолент. Актеры — исполнители ролей освобождены от обязательств. Истраченные деньги списали, вернее, распределили и «навесили» на другие фильмы. Я — безработный. Таков итог усилий, забот, труда, нервотрепки, на которые было затрачено более полутора лет жизни.

Почему же это случилось? Что произошло? Для того чтобы читателю стало понятно, как это случилось, придется начинать «от печки».

Я прочитал роман Войновича лет двенадцать тому назад, когда признаться в том, что ты его читал, было опасно. Еще тогда у меня возникло желание сделать по «Чонкину» фильм. Но в те годы даже заикнуться об этом считалось безумием.

В декабре 1987 года я решил, что хотя время осуществить свое давнее желание еще не пришло, но надо опережать эпоху и начинать хлопоты. Тем более что гласность набирала темпы и, следовательно, работала в мою пользу.

Сперва я позвонил Войновичу (с которым был знаком лишь шапочно до его изгнания) в Мюнхен, где живет Владимир Николаевич. Я поинтересовался, как бы он отнесся к экранизации его романа на Родине? Автор принял это восторженно и прислал мне письмо, где, в частности, писал: *«Мой роман о солдате Чонкине — книга глубоко русская, и я хочу, чтобы фильм по ней был снят в России, чтобы герои оригинала говорили по-русски...»* В этом же послании Войнович сообщил, что права на экранизацию Чонкина проданы им английской фирме «Портобелло продакшн», и если на Родине кинокартина не будет снята, то постановка может быть реализована на Западе. *«...И тогда Чонкину, — заканчивал письмо Войнович, — придется, возможно, под развесистой западной клюквой изъясняться по-английски или по-немецки...»*

Получив благословение автора, я начал пробивать постановку картины. Предстояла тяжелейшая работа — надо было переломить официальное отношение к Войновичу как «диссиденту» и «очернителю», поднять вопрос о необходимости возвращения гражданства инакомыслящим изгнанникам, легализовать роман Войновича, добиться публикации для начала хотя бы фрагментов из книги, публично заявить о своем намерении экранизировать «Чонкина». Прежде чем вступать в переговоры с западной фирмой, у которой права на экранизацию (а я, как частное лицо, не имел на это полномочий), надо получить «добро» на постановку от наших инстанций. И я энергично принялся за эту деятельность: давал интервью разным газетам, писал статьи, добивался публикации фрагментов из «Чонкина», писал к ним предисловия и послесловия, вел переговоры с руководством Госкино и «Мосфильма» по первоначалу, правда, безрезультатные. Тем временем в Лондоне, разумеется, от Войновича, узнали о моих поползновениях и стали бомбардировать «Мосфильм» телексами, что они, мол, хотят с нами

Иван Чонкин (Владимир Стеклов)

сотрудничать. А что им отвечать, когда у нас никто «не мычал и не телился». Ну, ответы англичанам сочиняли, как водится, уклончивые,— мол, Рязанов в отпуске или еще какую-то подобную белиберду. Кинематографические руководители были не то чтобы против запуска ленты в производство, но, честно говоря, побаивались такого поступка.

В поисках выхода из тупика я обратился за помощью и поддержкой в Союз кинематографистов СССР, организацию смелую и прогрессивную.

Вот выписка из решения секретариата нашего Союза:

«Поддержать идею студии «Ритм» киностудии «Мосфильм» об экранизации романа В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» кинорежиссером Э. А. Рязановым...»

Для того чтобы конкретно озадачить Госкино, надо было положить на стол сценарий будущего фильма, ибо на посланный сценарий (это же документ!) необходимо в двухнедельный срок дать автору какой-то определенный ответ. И я сел сочинять киноверсию. Я был влюблен в роман и работал с удовольствием. Поскольку трамвай, то есть сценарий, не резиновый, приходилось что-то сокращать, выбрасывать. Делал я это каждый раз с огорчением — жалко было. Досадно, что мы не могли писать сценарий вместе с Войновичем, ибо жили в разных государствах, а граница тогда все еще была на огромном ржавом замке. Во всяком случае, мы поддерживали телефонную связь, Войнович знал о том, что я делаю сценарий, знал о поддержке Союза кинематографистов. И у него, и у меня появилась уверенность, что фильм, несмотря ни на что, состоится. Да и время шло нам навстречу. Летом 1988 года сценарий был готов, его мгновенно обсудили в нашем объединении «Ритм», которым руководит режиссер Георгий Данелия, приняли и послали на утверждение в Госкино. Но Госкино долго-долго молчало и делало вид, что никакого сценария не получало. Давно уже прошли положенные две недели, но не последовало ни ответа, ни привета.

Пока сценарий лежал в Кинокомитете, наступило время подумать об английской фирме. Честно говоря, наличие «Портобелло продакшн» меня беспокоило. Нам англичане в создании фильма о Чонкине были совершенно ни к чему. Съемки надо было вести в русской деревне, а не в английской, играть должны были русские актеры, а не заграничные. Вообще всю ленту надо было сделать ядреной, с элементами ерничества, близкой к лубку, ибо вещь глубоко национальная. И при этом сугубо реалистическую. Иностранное вмешательство было в данном случае крайне нежелательным. Но закавыка состояла в том, что англичане без нас могли обойтись, а мы без них, одни, снимать картину не имели права. У них была лицензия на съемки «Чонкина». На Западе распространена форма, при которой кинокомпания или фирма приобретает у писателя право на экранизацию произведения. То есть, по сути, накладывается «лапа» на книгу, чтобы другой продюсер не мог ее перехватить. В этом случае автору произведения выплачивается небольшая (по западным меркам) сумма и, если кинофирма в обговоренный срок не создаст кинофильм, это право, англичане называли его «ОПШЕН», кончается, и автор снова волен распоряжаться своим сочинением. Как правило, «ОПШЕН» заключается сроком на полтора года и может быть продлен фирмой на год при условии выплаты дополнительного вознаграждения. Что уже было сделано. И срок «ОПШЕН» истекал 18 ноября 1988 года. В случае же, если кинокомпания создает фильм, то она обязана уплатить сочинителю кругленькую сумму.

Итак, я без англичан снимать не мог. Копродукция, к чему сладостно стремятся иные наши кинематографисты, была мне навязана изначальной ситуацией. Есть поговорка — «если насилие неизбежно, то расслабься и получи удовольствие». В нашем случае уклониться от насилия оказалось невозможным. Но сначала надо было все-таки запуститься в производство на Родине. Генеральный директор «Мосфильма» В. Н. Досталь сказал мне, что, как только он увидит в советской печати публикацию с фамилией Войновича, он в тот же день запустит меня в производство. Первым смельчаком оказалась «Неделя», в октябре 88-го появился фрагмент из «Чонкина» с небольшим моим интервью. В тот же день, утром, я позвонил генеральному директору.

— Вы видели сегодняшнюю «Неделю»? — спросил я Владимира Николаевича.

— Видел, — лаконично ответил Досталь. — Готовим приказ о запуске.

Досталь оказался человеком слова, а решиться ему на запуск фильма в той ситуации, когда кругом все блокировалось, было непросто. Досталь совершил мужественный гражданский поступок, и я оценил его по достоинству. Итак, мы стали существовать легально, правда, из предосторожности, под псевдонимом «Ваня и Аня», чтобы не дразнить гусей.

Начались официальные переговоры с англичанами.

Нам было известно, что права «Портобелло» на экранизацию кончаются 18 ноября 1988 года. Мы надеялись, что, если немного потянем, сможем освободиться от англичан и работать без них. Но оказалось (а мы были не очень-то компетентны во всех этих делах), что фирма вроде могла продлить свои полномочия еще на один год, что вроде это входило в первоначальный договор с Войновичем. Что ж! Раз англичане хозяева ситуации до ноября 1989 года, придется сотрудничать.

Фирма «Портобелло» — сравнительно молодая, небольшая компания. В основном она специализируется на съемках фильмов-концертов, фильмов-балетов и детских лент для проката на британском телевидении. «Чонкин» должен был стать первым масштабным детищем фирмы. Директору ее Эрику Абрахаму лет тридцать шесть. Женат он на чешке, Кате Краузовой, которая знает русский язык. Она прочитала книгу Войновича в оригинале, и так вот получилось, что «Портобелло» приобрела права на экранизацию «Чонкина». Я сперва недоумевал — зачем англичанам фильм специфически русский, с ярко выраженным национальным юмором, но, думаю, случилось это потому, что жена директора фирмы — славянка. Прежде чем входить в переговоры с нами, англичане посмотрели мои кинокартины «Вокзал для двоих», «Жестокий романс», «Забытая мелодия для флейты», «Служебный роман». Они не хотели сотрудничать с котом в мешке.

Поначалу все шло замечательно. Англичане предложили нам аппаратуру, которая неизмеримо лучше нашей, киноплёнку, которую с отечественной даже неудобно сравнивать, свою запись звука, что нам и не снилось, согласились на поголовное участие русских артистов и на съемки в подлинной российской деревне. Казалось, что может быть прекраснее. По сути, нам предложили «одеть» фильм во все заграничное (я имею в виду технику), не поступаясь ничем отечественным. Правда, было еще одно условие, что фирма имеет приоритетное право влиять на художественную сторону фильма. Прежде чем начнутся съемки, англичане должны были одобрить сценарий, эскизы декораций, костюмы, натуру, выбранную нами для съемок, и утвердить актеров — исполнителей ролей. Что означал этот пункт, мы, наивные дикари, даже не подозревали. Мы находились в состоянии эйфории, не догадываясь о том, что готовит нам судьба.

Для того чтобы создать окончательную версию сценария, нам необходимо было поработать с Войновичем вместе. Для этого требовалось организовать приезд писателя в СССР. Встретиться нам на нейтральной территории было бы гораздо легче, но я не хотел этого.

Для Войновича факт приезда на Родину, отторгнувшую его, был полон огромного смысла. И для дела перестройки, как мне казалось, это было бы полезно. Но никто не хотел приглашать. Ехать по зову Союза писателей, исключившего его из своих рядов, Войнович не желал. Да и писатели тоже не спешили звать. Госкино и «Мосфильм» в этом вопросе тоже скромничали. Ситуация опять стала тупиковой.

А пока подготовка к съемочному периоду развернулась вовсю. Съемки должны были начаться в середине июня, так что приходилось торопиться. Мы вели работы широким фронтом: ездили в киноархив смотреть старую кинохронику, изучали журналы, газеты, фотографии конца тридцатых — начала сороковых годов. Гримеры всматривались в прически, костюмеры — в особенности одежды той эпохи. Второй режиссер искал реквизит — предметы быта того времени, шли поиски летающего «кукурузника», самолета-биплана ПО-2, 1927 года рождения. Художник рисовал эскизы, велись репетиции с кандидатами на роли, снимались кинопробы с актерами. Мы регулярно ездили на выбор натуры. Об этом следует сказать особо.

Заявились мы однажды в один райисполком, объясняем: надо найти деревню сорок первого года. Чтобы была скверная дорога, чтобы в центре была бы разрушенная церковь, чтобы крыши домов были крыты дранкой или соломой. В райисполкоме посоветовали: «Вам надо ехать в колхоз «Мечты Ильича». Они не шутили, не глумились. Там все колхозы так называются: или «Огни коммунизма», или «Ленинский путь», или «Свободный труд»...

Пожалуй, самое тяжкое, самое гнетущее впечатление за последние годы я испытал именно тогда, когда искал деревню для съемок.

Действие книги происходит в сорок первом году в центре России. Мы поездили по Калининской, Ярославской, Рязанской и Московской областям. Более страшной картины представить себе трудно. Жуткие дороги. Если асфальт, то это стиральная доска; проселки такие, что все время увязал наш «микрик» — не столько он нас вез, сколько мы его волокли на себе. Отсутствие магазинов, а если есть магазин,— отсутствие продуктов. Деревни разрушены, опустошены, сожжены, растащены, брошены. Русская деревня, в которой прежде дома стояли строем, напоминает сейчас рот старика, где отдельные избы торчат, словно последние зубы. Есть села, где нет воды, нет колодцев. Мы подвозили старух, которые, сгибаясь, волокли мешки с продуктами восемь километров от ближайшего сельпо. В одно село приехала автолавка. Я видел, как крестьянка купила 300 штук яиц, привезенных в деревню из города. Ее соседка купила целый мешок буханок хлеба. От этой противоестественной картины берет оторопь, становится жутко.

Почти в каждой деревне стоят руины прекрасных некогда церквей. Из их куполов, обрушившихся крыш растут березки и прочий кустарник. От этих поездок (а мы повидали с полтысячи деревень и сел) возникает ощущение, что крестьянство много десятилетий находилось под оккупацией. Сколько нужно было приложить стараний, чтобы так расправиться с собственной деревней, с собственным народом, с собственной архитектурой. После каждой поездки я возвращался больной, разбитый, раздавленный, со скверным настроением... Было ясно, что наша сельская жизнь поражена метастазами, казалось, что деревню невозможно поднять, что она умерла...

Тем временем произошло очень важное для нас событие. Журнал «Юность» в трех номерах, в № 12 за 1988 и в №№ 1 и 2 за 1989 год, опубликовал роман В. Войновича. С одной стороны, это было замечательно. Книга перестала быть явлением эмигрантской литературы, а стала явлением литературы советской. Но одновременно с этим пришли в движение и те, кого возмутила книга Войновича...

По-прежнему казалась неразрешимой проблема приезда Войновича в Москву. По личному приглашению, что нетрудно было устроить, Владимир Николаевич приезжать не намеревался. И тогда я опять обратился за помощью в Союз кинематографистов СССР, членом которого Войнович никогда не был. Руководство Союза, понимая, что приезд Войновича необходим для работы над сценарием, послало приглашение ему

Нюрка (Наталья Гундарева)

и его семье и, больше того, позаботилось о жилье. Войновича тепло встретили в аэропорту друзья, родные, близкие. Встречу снимало телевидение, журналисты наперебой брали интервью. Полтора месяца пробыл писатель в Москве.

Когда вихрь встреч поутих, мы засели за работу. Мы просидели вместе бок о бок, что-то сочиняя, поправляя, сокращая, дорабатывая, дописывая. Единственное, о чем сожалел Войнович, что я уперся и выбросил сцену, где Гладышев поит Чонкина самогоном из дерьма и того рвет. Мне не казалось, что эта сцена соответствует хорошему вкусу. Мы немного поспорили, и Войнович сдался. В остальном он одобрил наше общее детище. К сожалению, мне не пришло в голову предложить ему поставить на экземпляре свою подпись. Просто у меня не было опыта работы с зарубежной фирмой.

Не успел Войнович отбыть в Мюнхен, как в газете «Ветеран» появилось письмо членов клуба «Золотая Звезда», в который входят Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы. Называлось это письмо «Кощунство». Письмо адресовалось главным редакторам журналов «Юность» и «Огонек». Приведу некоторые цитаты:

«Над чем смеется господин Войнович, что стало предметом его глумления? Прежде всего это первый день Великой Отечественной войны... Именно этот день всенародной скорби стал предметом осмеяния В. Войновича. Могли ли мы, фронтовики, в годы войны предполагать, что эта трагедия станет сюжетом для серии анекдотов?.. Вот уж поистине нет предела цинизму и издевательству!.. А как глумится В. Войнович над деревенскими женщинами и всеми жителями деревни Красное! Примитивизм мышления и поступков, животные чувства, похабщина, умственная отсталость — вот что приписал он им. Все это пронизано злобой ко всему советскому, ко всему русскому. Издевательство, брезгливость элитарного господина к «черной кости» свидетельствуют об отсутствии у автора элементарной порядочности...»

Прочитав это письмо, я огорчился ужасно, у меня случился стресс, у меня заболело сердце. Я всегда испытывал и испытываю чувство безмерной, трепетной благодарности к тем, кто защитил Отечество от вторжения гитлеровских полчищ. Для меня подвиг народа в Великой Отечественной войне священ. Но почему же мы так однообразно суровы? Великий Гоголь говорил: «Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль?.. В руках искусного врача и холодная, и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни. В руках таланта все может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному».

У нас всегда уничтожали сатириков, считали их врагами. Вспомним хотя бы М. М. Зощенко. А насмешка, если хотите,— высший способ выражения любви к Родине со стороны сатирика, причем значительно большей и действенной любви, нежели высокопарные слова, заклинания и восхваления.

В нашей литературе было очень мало смешных писателей, и понятно почему. Трудно сочинять веселое при такой страшной истории. Трудно дается юмор народу, который пронес на своих плечах монголо-татарское иго, который впитал в свои гены многовековое крепостное право, который вынес послереволюционные десятилетия, где было все: и братоубийственная резня, и два голода 21-го и 33-го годов, и уничтожение крестьянства, и великие репрессии, и страшная война, где мы победили, положив десятки миллионов человек. Наш народ никогда не жил хорошо. Ни до революции, ни после нее. И тем не менее именно чувство юмора способно сохранить нацию живой. Именно умение посмеяться, и в первую очередь над собой, говорит о живительной душе народа. Надо усвоить, что нация, не воспринимающая юмор,— мертва. А мы слишком уж часто бываем злобными, мрачными, грубыми, раздраженными, злопамятными. Национальный характер изменился к худшему, мы должны признать это... И, в частности, появление писем-окриков тому подтверждение.

Книга Войновича, если хотите знать, гимн русскому народному характеру, ибо в центре повествования два чистых, цельных образа — Ивана и Нюрки. Это два живых, естественных человека, которые смогли сберечь в себе опрятность души, честность, натуральность чувств — верность и любовь, доброту, способность к прощению, тягу к земле, страсть к труду — и все это среди сталинского параноидального общества. Именно прекрасные черты, присущие главным героям книги, дороги автору и говорят о подлинном национальном русском характере, которым некогда мы славились.

Верно, в день начала войны крестьяне в романе Войновича не побежали в райвоенкомат, как хотели бы авторы письма «Кощунство», а рванули в сельпо за спичками, солью и мылом. Но, по-моему, это не клевета на народ. Напротив, это говорит о его здравом смысле, неверии в сталинский социализм, говорит еще о некоем «провидческом» даре крестьянства. Ибо и сейчас, почти полвека спустя, в мирное время с некоторыми из этих товаров по-прежнему неблагополучно. А что касается войны, то почти все мужики деревни ушли на фронт и своими жизнями заплатили за горькую Победу.

Это письмо не было одиноким. Некоторые отставные генералы занялись эпистолярным жанром. Пошли письма и в ЦК КПСС, и в газеты, и в Госкино с протестами против экранизации, с обвинениями в очернительстве, глумлении, святотатстве. Это все говорило еще и о том, что у нас привыкли видеть в искусстве покорную служанку, угождающую порой невежественному, безапелляционному мнению. Примитивный постулат, который нам вдалбливали в головы много лет,— «Искусство в долгу перед народом» — заставил многих поверить в это. А искусство и литература — независимые субстанции и не подчиняются лозунгам и командному окрику. Но я для себя сделал выводы из писем принципиальных отставников и решил из предосторожности снимать фильм в какой-то степени партизанским методом. Обычно, когда делается фильм с участием войск, армия помогает кинематографистам. Но я уже знал мнение Политического управления Вооруженных Сил и понимал, что если мы обратимся к военным за помощью, то будет не просто отказ. Наша просьба наверняка вызовет могучий шквал, направленный на запрет ленты. Поэтому реликтовый самолет ПО-2 мы искали не в Военно-Воздушных Силах, а в гражданской авиации. А полк, действующий в конце повествования, нашли в одном из невоенных училищ.

Не могу сказать, что все это улучшало настроение и облегчало работу. Быть партизаном в своей стране во времена гласности — позиция несуразная. Я понимал, что ждет картину после того, как она будет готова, какой залп по ней даст специализированная пресса, какой поток организованных писем последует во все мыслимые и немыслимые органы. Но это светлое будущее я оставлял на потом. Сейчас надо было подготовиться к съемкам и найти общий язык с англичанами. А он, общий язык, никак не находился.

На роль Чонкина фирма «Портобелло» предложила Михаила Барышникова, блестящего танцовщика, кинозвезду, знаменитость. Но на роль Чонкина требовался исполнитель с крестьянскими корнями, в руках которого коса выглядела бы естественно, сельский говор был бы органичен, а деревенские манеры — натуральными. Все эти нюансы имели для меня огромное значение, так же, как, думаю, и для русского зрителя. Западная публика вряд ли оценила бы эти особенности, следовательно, для «Портобелло» все это тоже большого значения не имело. Целый день — часов семь — меня уламывали, чтобы я согласился на участие Барышникова. Я не был знаком с Барышниковым, ничего не имел против него лично, но предложить ему роль Чонкина — значило пойти против собственного режиссерского инстинкта.

Я попробовал влезть в шкуру Эрика Абрахама. Фирмач был намерен заработать, делая фильм. И это естественно. Имя Барышникова являлось гарантом, что западный зритель клюнет на фильм. Суперзвезда, русский, оставшийся на Западе, снимается впервые в советской ленте — все это большой манок для рекламы. Есть чем завлекать. А без Барышникова нет никакой уверенности в возврате затраченных сумм. Но я был тверд, и англичане отступили, но, как потом выяснилось, временно. Итак, работа продолжалась. Сценарий переводился на английский, чтобы портобелловцы могли с ним ознакомиться. Подходили к концу кинопробы. Состав складывался первоклассный: Владимир Стеклов (Чонкин), Наталия Гундарева (Нюрка), Иннокентий Смоктуновский (Моисей Соломонович Сталин), Михаил Филиппов (Миляга), Леонид Филатов (селекционер Гладышев), Георгий Бурков (председатель колхоза)...

И вот снова приехал Эрик Абрахам в сопровождении юристов. Они посмотрели пробы. Реакция была довольно кислой. И снова была предпринята атака на меня с тем, чтобы я взял Барышникова. Мне предложили даже слетать на несколько дней в США, познакомиться лично, посмотреть претендента в драматическом шоу. Но я видел Барышникова в двух игровых лентах и уже имел свое мнение. И я наотрез отказался. И в этот момент, по сути дела, была решена дальнейшая судьба нашей ленты.

Через несколько дней мы получили сообщение из Лондона, что фирма «Портобелло» отказывается от дальнейшей работы с «Мосфильмом», ибо их не устраивают актеры и сценарий. Сценарий, мол, вообще написан не Войновичем, а одним только режиссером, актеры же не соответствуют ролям.

Действительно, несмотря на то, что я собрал для участия в нашей картине первую сборную страны (если так только можно выразиться об актерской команде), никто их на Западе не знал. Также никто не знал и имени постановщика фильма Рязанова. А к этому моменту мы уже строили декорации, заканчивалось шитье костюмов, на приусадебном участке Кузьмы Гладышева — селекционера-лысенковца — был посеян якобы выведенный им гибрид томата с картошкой, где на ботве должны были бы вызревать помидоры, а под землей — картофельные клубни. Этот гибрид, как знает читатель, был назван самоучкой-мичуринцем ПУКС, что означало «Путь к социализму». Мы остановили свой выбор на мерине Абзаце, который должен был «сыграть» мерина Осоавиахима. Был сделан дублер действующего самолета ПО-2, перекрашены десять гражданских самолетов под военные истребители И-16, которые встретили войну 41-го года. Администрация договорилась с гостиницей и турбазой, где мы намеревались жить. Одним словом, к началу съемок было практически все готово.

Но тут, как в детской игре «Замри», все замерло, застыло, остановилось. Что делать? Ведь мы же не можем снимать без разрешения англичан. А уже подходил к концу июнь месяц. Если через две-три недели мы не начнем съемок, будет поздно, не успеем снять, ведь действие картины происходит летом. И мы посылаем англичанам послание, что хотим провести переговоры о создании нашего, русского фильма. Те отвечают согласием принять у себя делегацию «Мосфильма».

И вот делегация в составе заместителя генерального директора, юриста и директора картины поехала в Лондон на переговоры — спасать картину, торговаться, добиваться приемлемых условий. Меня поразило больше всего то, что английская фирма не только оплачивала им гостиницу, но наши были вынуждены попросить у «Портобелло» еще и суточные. Что же после этого могли думать о нашей делегации богатые британцы?

Пока в Лондоне велись тяжелые переговоры с партнерами, пока съемочная группа замерла в оцепенении, ожидая решения своей участи, я продолжал жить нескучной жизнью. Три отставных генерала отправили письмо в адреса ЦК КПСС, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, в редакции газет «Правда» и «Красная звезда». Протестуя против экранизации книги Войновича, авторы, в частности, пишут и такое:

«И вот теперь этот народ должен быть осмеян и с экрана. И кем? Тем режиссером, который уже однажды, выступая по телевидению, бравировал тем, что смог укрыться от призыва в армию и участия в Великой Отечественной войне. Не выполнил свой долг и не стал защитником Родины?!.

...И теперь он-то и будет экранизировать повесть, как говорится, возьмет дело в «умелые руки»?! И т. д. и т. п.

Подписали этот документ:

«Ветераны Великой Отечественной войны — председатель инженерной комиссии Московской секции СКВВ, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин города Могилева, доцент, генерал-лейтенант запаса....., председатель совета ветеранов ВИА имени В. В. Куйбышева, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военных наук, профессор, генерал-майор запаса.....(эти фамилии не называю по причине, которая станет понятной ниже); председатель Совета военно-патриотического воспитания молодежи в инженерных войсках, отличник просвещения РСФСР, кандидат технических наук, доцент, генерал-майор запаса Г. В. Шевченко».

Я уже писал, что получал письма с несогласием, с протестами против создания фильма, но те письма не выходили за обычные рамки, в них не было клеветы и оскорблений. Тут же я решил ответить трем генералам, каждому в отдельности.

Вот выдержки из моего ответа:

«В своем письме... Вы и Ваши соавторы оскорбили мою честь и достоинство человека и гражданина. В этом письме

Вы и Ваши соавторы обвинили меня в уклонении от воинского долга, в нарушении Конституции, по сути, в дезертирстве. Прежде чем инкриминировать мне уголовное преступление, надо было, по всей вероятности, для начала навести кое-какие справки. Тогда бы Вы поняли, что 9 мая 1945 года мне еще не было семнадцати с половиной лет, а в армию, как Вам известно, призывали с восемнадцати. Опираться в своих домыслах на мой телевизионный рассказ, где я поведал о том, как в 1952 году не попал на месячные лагерные сборы в армию из-за того, что был в длительной киноэкспедиции на Дальнем Востоке, по меньшей мере несерьезно. Ведь это событие превратилось в Вашем изложении в факт, будто я «смог укрыться от призыва в армию и участия в Великой Отечественной войне». И больше того, «выступая по телевидению, бравировал этим»... В своем письме Вы возвели на меня напраслину, оговорили меня, обозвали трусом... Ваши утверждения — клевета и оскорбление. Кроме того, Вы послали свои унизительные для меня высказывания в высокие организации и газеты.

В течение месяца я буду ждать от Вас письменного извинения. Если его не последует, то я подам на Вас в суд за оскорбление личности».

И подписался:

Эльдар Рязанов,
секретарь правления
Союза кинематографистов,
народный артист СССР,
лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, член Союза писателей СССР,
согласно военному билету — солдат, рядовой, необученный, годный к строевой службе.

Я получил письма с извинениями от двух соавторов. Именно поэтому не публикую их фамилии. А на третьего придется подавать в суд, ибо безответственность и злые эмоции не могут служить оправданием подлости. Но о том, как рядовой с генералом судился, напишу потом, а пока вернемся к итогу лондонских переговоров.

Перед поездкой наших представителей в Лондон мы все посовещались. Мы знали — права у англичан кончаются в ноябре 1989 года. И мы, если Войнович согласится после этого срока передать права нам, можем смело приступать к съемкам картины. Ведь она готова будет лишь в феврале 1990 года, а к этому времени не будет никакой кабалы.

В Лондоне переговоры начались с того, что фирма выложила карты на стол. Оказывается, еще летом 1988 года англичане подписали новое соглашение с Войновичем, позволяющее им продлевать права на экранизацию многократно и в одностороннем порядке.

Вот какую бумагу привезли из Лондона наши товарищи:

«Окончательные условия для использования лицензии на производство художественного фильма «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», предоставляемой фирмой «Портобелло продакшн» фирме «Мосфильм»:

1. «Портобелло» бесплатно предоставит «Мосфильму» лицензию на производство одного художественного фильма на русском языке с правом проката лишь на территории СССР...

5. Ни «Мосфильм», ни любое другое лицо или фирма, за исключением фирмы «Портобелло», не будут иметь право на прокат, показ или передачу фильма любым способом, включая на кинофестивалях вне территории СССР. Ни «Мосфильм», ни любое другое лицо или фирма не будут иметь право показывать фильм на международных фестивалях на территории СССР без предварительного письменного разрешения фирмы «Портобелло». В случае несоблюдения этого условия «Мосфильм» обязан заплатить «Портобелло» штраф в 100 000 фунтов стерлингов за каждое несоблюдение условия любым третьим лицом, включая нас...

6. «Мосфильм» передает все творческие и прокатные права на фильм вне территории СССР фирме «Портобелло» без пределов во времени, то есть фильм станет имуществом «Портобелло» вне территории СССР.

8. В том случае, если «Портобелло» по собственному решению согласится выпустить фильм вне СССР и организовать прокат фильма, «Мосфильм» обязан предоставить все пленки и печатные материалы по требованию и без претензий на оплату...

9. В признание работы В. Войновича над сценарием «Мосфильм» оплатит ему полный эквивалент оплаты автора-сценариста в рублях, в его банк в Москве.

(Здесь не удержусь. Ведь они отвергли этот сценарий под предлогом, что Войнович его не писал. Да еще по требованию англичан в титрах русского фильма не должна была стоять фамилия Войновича-сценариста. Где же логика?)

12. Признавая бесплатное получение лицензии на права, «Мосфильм» направит всевозможные усилия на то, чтобы помочь «Портобелло» с их собственной постановкой «Чонкина», если появится просьба от «Портобелло». «Мосфильм» также обязуется вступить в переговоры о прокате фильма «Чонкин», сделанного «Портобелло», к которым приступит с доброй волей...

13. Результатом любого несоблюдения данных условий будет немедленная потеря прав «Мосфильма» на создание и прокат своего фильма на территории СССР».

Первая реакция у меня, у съемочной группы и у дирекции «Мосфильма» была однозначная и одинаковая — мы все взбесились! И самими условиями, и тоном, близким к военному приказу. Мы восприняли это так: вы там в своем лепрозории можете делать, что хотите. Впрочем, если мы захотим, то все, что вы там «налудите», будет принадлежать только нам, и если мы захотим что-нибудь заработать на вашем произведении, то сколько, как и каким образом мы это заработаем,— наше дело. Больше того, вы обязаны предоставить нам все условия для создания английской версии «Чонкина» и купить ее для проката.

Немножко поостыв, я попробовал еще раз влезть в шкуру британца и посмотреть на ситуацию его глазами. Ведь Эрик Абрахам мог вообще отказаться и попросту сказать: «Нет!» Мог? Мог! Но Абрахам не хочет ссориться с «Мосфильмом». Ведь если «Портобелло» действительно затеет свою версию «Чонкина», то без съемок в русской деревне не обойтись. Далее, Абрахаму известно, что фильмы Рязанова пользуются в СССР успехом и приносят доход, так что он дает возможность заработать «Мосфильму». Но для того, чтобы русский фильм не помешал бы английской версии, зона его демонстрации будет со всех сторон окружена стеной с колючей проволокой. Если же британский проект «Чонкина» не состоится, то на русской картине можно будет заработать, не вложив ни одного цента. И мина хорошая — вроде как благодетель, и игра неплохая...

И дальше последовало нечто неслыханное с моей стороны, учитывая в особенности мою вспыльчивость. Первый приступ ярости прошел, кровь поостудилась. Я поразмыслил, прикинул. Все было готово к съемкам, был затрачен немалый труд, люди не жалели времени, сил, нервов. Я знал, что многие зрители у нас эту картину ждут. И после сомнений, колебаний, уговоров самим собой самого себя — я согласился! Пришел к генеральному директору и, наступая на самолюбие, заявил, что готов приступать к съемке. Я любил книгу, и, по-моему, сложился хороший сценарий, мне нравились актеры, натуру для съемок мы нашли замечательную.

Однако тут В. Н. Досталь встал на дыбы. Он сказал, что подписание этих унизительных условий подорвет реноме «Мосфильма». Я не стал с ним спорить, хотя полной уверенности в том, что у «Мосфильма» есть реноме, у меня не было. Я доподлинно знал, как за рубежом относятся к нашим фильмам, снятым, в частности, на родной, отечественной пленке. У них там даже термин есть: «Совколор». Подразумевается, что цвет блеклый, жухлый, вялый. Короче, цвет, как и рубль,— неконвертируемый.

Я не мог заставить себя бороться с Досталем. Его протест упал на взрыхленную почву. Настроение у меня было паршивое, чувство оскорбления сидело внутри. Кроме того, в шестьдесят один год подчиняться диктату, пусть капиталистическому, казалось отвратительным и немыслимым. И я сдался. Я не был уверен, что смогу сделать веселую, озорную картину, находясь в состоянии унижения.

И тем не менее (я даже об этом не знал) руководители студии «Ритм» Г. Н. Данелия и Ю. С. Кушнерев вместе с генеральным директором «Мосфильма» В. Н. Досталем сделали еще одну попытку спасти картину. В Лондон пошло новое предложение — откупить права на постановку «Чонкина» за 100 тысяч долларов — цена, прямо скажем, немалая. Англичане отказались.

«Наше последнее предложение,— ответило «Портобелло»,— это пригласить другого режиссера-постановщика и продолжить работу над действительно копродукцией».

Написали бы прямо: другого, более покладистого, более сговорчивого.

Наши актеры, желая сыграть в фильме о солдате Чонкине, отвергали заманчивые предложения, не соглашались на съемки в других кинокартинах. И в результате, конечно, потеряли эти роли...

...Обрадованные тем, что наконец-то освободились от цепких «идеологических» лап чинуш, цензоров и прочей бюрократической нечисти, наши кинематографисты ринулись с идеями и предложениями на свободный рынок. Не имея международного опыта, будучи наивными и юридически безграмотными (впрочем, как и все советские люди!), мои кинематографические друзья и я сам столкнулись с трезвыми коммерсантами и расчетливыми дельцами, которые облапошивают нас, как хотят. К нам относятся, как к дешевой рабочей силе, как к крепостным, как к чему-то второсортному. А мы-то себя таковыми не считаем. Нас воспитывали в великодержавном чванстве — мол, мы самые-самые.

Пришла горькая пора отрезвления и правильной самооценки — мы нищие, мы отстали от Запада во всем на десятки лет, и единственное, что у нас есть, как это ни странно,— самолюбие, чувство собственного достоинства и патриотизм.

Между прочим, телекс, направленный известным американским киномагнатом Дино де Лаурентисом Сергею Бондарчуку с отказом от совместной работы над фильмом о Екатерине Второй, заканчивался фразой: «Кстати, за рубль сейчас дают семь центов...»

Пока длилась агония с закрытием картины, а этот процесс, включая переговоры в Лондоне, тянулся не меньше месяца, Войнович, зная от меня об отказе англичан, не звонил мне ни разу. Он позвонил мне в день, когда подписывался приказ об остановке работ по фильму. Но совсем не по этому поводу. От наших общих знакомых он получил сведения о моем недовольстве тем, что летом прошлого (восемьдесят восьмого) года, когда вовсю велись между нами переговоры, когда Союз кинематографистов поддержал идею постановки, когда я намеревался засесть за сценарий, то есть запахло реальностью, в это самое время Войнович подписал дополнение к договору, дающее возможность фирме «Портобелло» продлевать право «ОПШЕН» многократно. О том, что он сделал это, я не подозревал и не догадывался. То, что писатель подписал такое продление, было в его праве. В конце концов хозяин — барин. Книга-то его. Как хочет, так и распоряжается. Меня задело только одно — как же можно было не сообщить мне об этом, не поставить в известность. Ведь знай я, что права «Портобелло» на «Чонкина» стали многолетними, я бы, может, и не полез бы в авантюру. Поступок же фирмы легко объясним. Фирма поняла, что советская сторона заинтересована в вещи Войновича, и решила укрепить узы с автором.

Итак, Войнович позвонил мне, раздосадованный. Дословно он мне говорил по телефону следующее: «Я не помню, что я там подписал... Может, я и не подписал. А если подписал, то текст-то ведь на английском, а я язык знаю слабо... Я не «Мосфильм», у меня тут нет адвокатов, с которыми я мог бы посоветоваться... Я тут один... Может, недопонял чего...»

И еще через дней десять, когда я уже распрощался с картиной, на «Мосфильм» пришел телефакс от Войновича, на сей раз из Нью-Йорка.

«Дорогой Эльдар!

Я изучил проблему и выяснил, что (как я и думал) никаких пролонгаций я не подписывал. В ноябре мой договор с Эриком после уплаты им определенной суммы будет продлен автоматически.

Я перед тобой ни в чем не виноват. С самого начала я тебя поставил в известность, что мои права проданы фирме «Портобелло» задолго до того, как вы начали перестраиваться...

Сейчас, по-моему, Эрик уступил вам все, что мог. Он разрешил, не требуя ни гроша, делать советский фильм для советской аудитории. Для решения творческих задач этого вполне достаточно, а коммерческие проблемы находятся за пределами моей компетенции. Впрочем, даже будучи плохим коммерсантом, я знаю, что с деньгами, накопленными на «Запорожец», вряд ли стоит прицениваться к «мерседесу» и обижаться на продавца, который предложенную сумму не принимает... Короче, я в это дело больше не вникаю. Хотите — торгуйтесь дальше, хотите — не торгуйтесь. Мешать не буду, а помочь не могу.

В любом случае желаю успеха.

В. Войнович»

К сожалению, передо мной лежит текст соглашения англичан с В. Войновичем от 20 июня 1988 года. Вот что в нем, в частности, написано:

«Уважаемый господин Войнович!

Мы ссылаемся на литературную собственность (договор краткой процессуальной формы «ОПШЕН») от 18 июня 1986 г. между Вами («Владельцем») и Нами («Покупателем»), уважая вышеупомянутую собственность. Для глубокого рассмотрения и получения эффективности стороны подтверждают это данным документом. Стороны согласны исправить (разрядка моя.— Э. Р.) следующим образом».

Там много параграфов и пунктов, обговаривающих условия продления. А в конце документа две подписи — «Владельца» и «Покупателя».

Но спорить и доказывать что-либо я не хочу. Меня все это уже больше не интересует.

К сожалению, в своем прощальном послании Владимир Николаевич не нашел ни одного слова благодарности к людям, которые, идя против течения, вкладывали все свои силы и способности, чтобы сделать фильм по его книге. Он не нашел слов сочувствия и сожаления. В его письме не проскользнуло ни единой нотки огорчения, что фильм в России не состоится. Честно говоря, мне очень жаль!

Итак, каков же итог? Деньги на Западе. Права у них тоже, причем не только на экранизацию, но и на многое другое. Разнообразные продукты у них. Демократия и законность пока тоже не у нас. Об одежде, условиях быта и изобилии всего говорить не будем — это бестактно. Конкретно, будущий фильм о Чонкине тоже в капиталистических руках. А что же у нас? Пожалуй, кроме нескольких грядок ПУКСа, который мы посадили в деревне Геронтьево, у нас ничего и не осталось. Ну, а ПУКС, как читатель уже знает,— это путь к социализму.

ЧАСТНЫЙ СЫСК?

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Alex (греч.) — защита.
Lex (лат.) — закон.

В ЧАСТНОЕ СЫСКНОЕ БЮРО «АЛЕКС» МЕНЯ ПРИВЕЛА ЛЮБОВЬ... ЭТО ЧУВСТВО НАНЕСЛО СЕРЬЕЗНУЮ ДУШЕВНУЮ ТРАВМУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДЕВУШКЕ НАТАШЕ, ПОЗНАКОМИВШЕЙСЯ В ЛЕТНЕМ САДУ С СЕРЕЖЕЙ ИЗ ГОРОДА КИЕВА. ВОЗНИКШАЯ СИМПАТИЯ ОКАЗАЛАСЬ ВЗАИМНОЙ — БЕЛЫЕ НОЧИ И СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ ЕГО ОТПУСКА ПРОЛЕТЕЛИ КАК ОДНО СЧАСТЛИВОЕ МГНОВЕНИЕ. НО КОГДА ОНО РАСТАЯЛО ВМЕСТЕ С ИНВЕРСИОННЫМ СЛЕДОМ РЕАКТИВНОГО ЛАЙНЕРА, ВЗЯВШЕГО КУРС НА СТОЛИЦУ УКРАИНЫ, НАТАША ВДРУГ ОБНАРУЖИЛА, ЧТО, КРОМЕ ИМЕНИ И ГОРОДА, НЕ ЗНАЕТ О СВОЕМ ВОЗЛЮБЛЕННОМ РОВНЫМ СЧЕТОМ НИЧЕГО. ПОДУМАВ, НАТАША ОБРАТИЛАСЬ В «АЛЕКС». И ВСКОРЕ НАПИСАЛА В РЕДАКЦИЮ ПИСЬМО С ПРОСЬБОЙ РАССКАЗАТЬ, КАКИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ, ЧУТКИЕ ЛЮДИ ТАМ РАБОТАЮТ: ЕЕ СЕРЕЖА БЫЛ НАЙДЕН!

ПРАВДА, НЕ В КИЕВЕ, А СОВСЕМ В ДРУГОМ ГОРОДЕ. НО ЭТО, ПОЛАГАЮ, ЗНАЧЕНИЯ УЖЕ НЕ ИМЕЕТ. ГЛАВНОЕ, ЧТО В АРЕАЛЕ НАШИХ НЕЗАТЕЙЛИВЫХ УСЛУГ ПОЯВИЛОСЬ НЕЧТО НОВОЕ, ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СО ВРЕМЕН ШЕРЛОКА ХОЛМСА И ДОКТОРА ВАТСОНА.

ДО СИХ ПОР К НИМ НА БЕЙКЕР-СТРИТ ИДУТ ПИСЬМА С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ, ЧТО В ОБЩЕМ-ТО НЕУДИВИТЕЛЬНО — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ КОНАН ДОЙЛ СДЕЛАЛ МИСТЕРУ ХОЛМСУ НЕПЛОХУЮ РЕКЛАМУ.

УДИВИТЕЛЬНО ДРУГОЕ: С НЕДАВНИХ ПОР ТОЧНО ТАКИЕ ЖЕ ПИСЬМА СТАЛИ ПОСТУПАТЬ И ПО АДРЕСУ: ЛЕНИНГРАД, 7-Я СОВЕТСКАЯ, ДОМ 26. МНЕ, К ПРИМЕРУ, ДАЛЕКО НЕ СРАЗУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ ДАЖЕ АДРЕС: В ГОРСПРАВКЕ ОН ОТСУТСТВОВАЛ, А В МИЛИЦИИ НАЗВАЛИ ЛИШЬ УЛИЦУ. И Я НЕМАЛО ПОКОЛЕСИЛ ПО СТАРЫМ ДВОРИКАМ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫЧИСЛИЛ ИСКОМОЕ БЮРО, УКРЫВШЕЕСЯ ПОД СКРОМНОЙ ВЫВЕСКОЙ ОПОРНОГО ПУНКТА ДНД.

НЕУЮТНОЕ, ПРЯМО СКАЖЕМ, ПОМЕЩЕНИЕ. НО ЛУЧШЕГО ПОКА НЕТ, И НЕИЗВЕСТНО, КОГДА БУДЕТ, СПАСИБО, ХОТЬ СЮДА ПУСТИЛИ. АНАЛОГИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СО ВСЕМ ПРОЧИМ: ТРАНСПОРТ СВОЙ, ПИСТОЛЕТЫ НЕ ПОЛОЖЕНЫ, КОМПЬЮТЕР КУПИТЬ НЕ НА ЧТО, А В ТЕЛЕФОННОМ АППАРАТЕ ДЫРКА. ЛИХА, КАК ГОВОРИТСЯ, БЕДА НАЧАЛО. А НАЧИНАТЬ ТУТ ПРИХОДИТСЯ И В САМОМ ДЕЛЕ С БЕДЫ.

Незатейливая история Наташи скорее исключение, в основном же сюда обращаются люди, разуверившиеся в популярном некогда утверждении «моя милиция — меня бережет».

— Полгода прошло, ничего сделать не могут! — возмущается коренастый черноволосый мужчина, зашедший вместе со мной.— А тридцать тысяч как корова языком слизнула. И никаких следов.

Случай у него достаточно банальный: полдесятого утра позвонили, жена, не подумав, отворила дверь и через несколько секунд была связана по рукам-ногам. Нож, приставленный к горлу, открыл налетчикам все семейные тайники, содержимое которых мгновенно перекочевало в их объемистые сумки. Операция заняла не больше пятнадцати минут.

Тридцать тысяч в загашнике, это звучит увесисто. Гражданин мне несимпатичен, дело его кажется безнадежным, но руководитель «Алекса» А. Елесин совершенно невозмутим, и незаметно, вникая в логику его вопросов, увлекаюсь и сам. Истина брезжит где-то ря-

дом, еще чуть-чуть — и можно брать такси и ехать за наводчиком, подсказавшим лихим ребятам адрес небедной квартиры. Но Елесин хмурится, откладывает продолжение разговора до выяснения каких-то деталей, и я понимаю, что песня тут еще долгая.

— А есть ли вообще шансы, коли штатные следователи за полгода не управились? — спрашиваю Александра Сергеевича.

— Шансы всегда есть,— уклончиво отвечает он.— А милицию ругать не спешите, ей сейчас трудно как никогда.

Я и не ругаю, знаю, какой вал преступности обрушился на всех нас. И одной милиции, особенно при нынешней ее материально-технической нищете, с ним явно не совладать.

Плохо верится и в целесообразность призывов активнее привлекать к правозащитному делу общественность, рабочий класс. Ибо это не тот случай, где качество можно компенсировать количеством. Опыт ДНД лишнее тому подтверждение — ни от засилья мелких хулиганов, ни от пьяниц граждане с красными повязками на рукаве нас не избавили. Так испугает ли видимая массовость невидимую мафию?

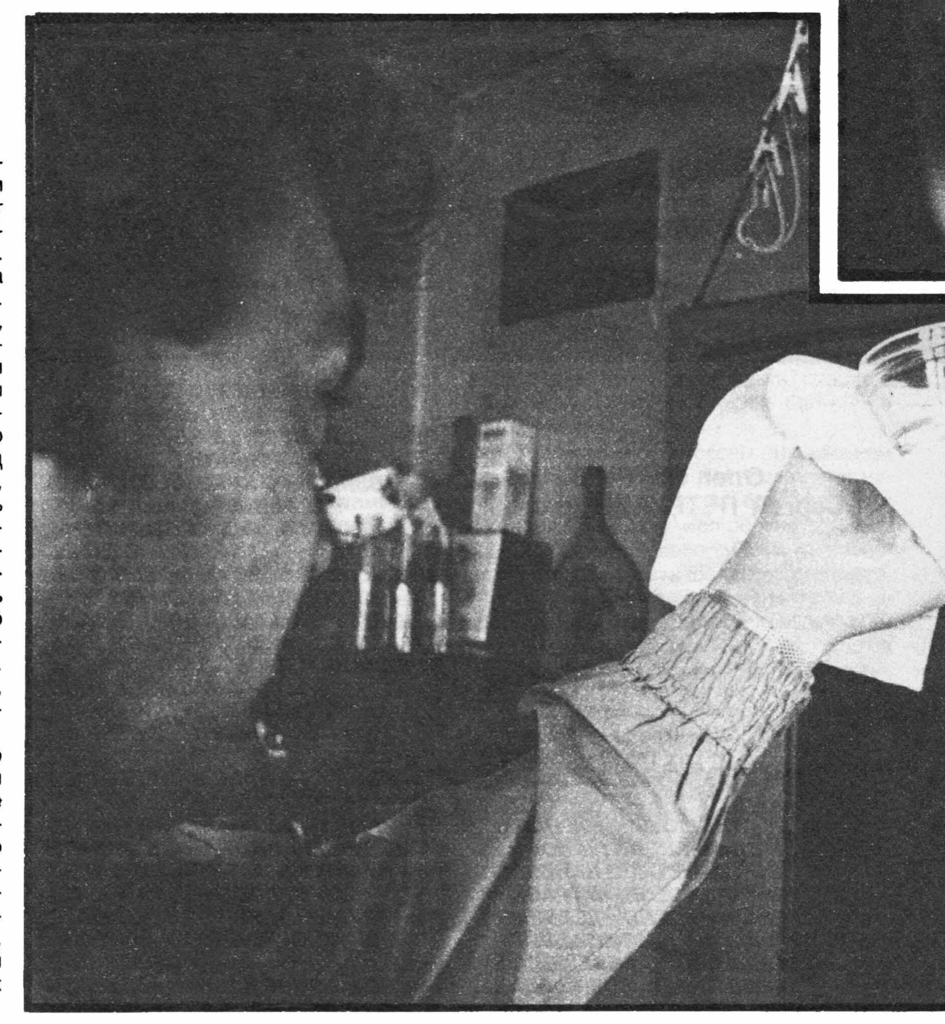
Ответ очевиден... А потому убежден, что защитой социалистической законности должны заниматься отборные профессионалы. Хорошо обученные, современно экипированные, высокооплачиваемые. Сейчас эти три условия сходятся где-то в районе генеральского чина. А должны стать профминимумом для любого сержанта.

«Алекс» зарабатывает на жизнь самостоятельно. Как подразделение кооператива «Оргучет», сфера деятельности которого простирается от оказания помощи предприятиям в ревизии финансово-хозяйственной деятельности до охраны организаций и граждан от назойливого внимания любителей считать деньги в чужих сейфах и карманах.

Судя по наплыву клиентов, без дела частным сыщикам сидеть не придется. А есть дело, значит, будут и деньги, будут свой офис и, возможно, служебные «мерседесы» у подъезда. Смотря как раскрутятся, на какие горизонты выйдут. Мечты ребят серьезные, а расценки, кстати, вполне приемлемые, по аналогии с теми, что установлены год назад для адвокатов. И хоть говорят, что трудом праведным не заработаешь палат каменных, гражданам с этой жизненной установкой сюда лучше не обращаться: при мне попросили вон «пострадавшего», который, договорившись о жирном наваре сверх госцены за свою «Волгу», получил лишь то, что заплатили в кассе автомобильной комиссионки. И, оскорбленный в лучших чувствах, явился в «Алекс» искать управу на обманщиков.

Так может ли частное сыскное бюро стать серьезным конкурентом службам МВД? Я задал этот вопрос сам себе и дней через десять, пообщавшись с сыщиками, их клиентами, ответил на него утвердительно. Понимаю, что такая постановка вопроса в принципе неправомерна и речь должна идти скорее о сотрудничестве. По аналогии, скажем, с медициной, где частнопрактикующий семейный врач не соперник, а соратник Минздрава (в идеале).

И все-таки отчего некоторые предпочитают начинающий «Алекс» мощному государственному ведомству? Полагаю, потому, что им не важно, в каком мундире следователь. Будь хоть в майке,

лишь бы знал толк в работе и занимался только твоей бедой, а не десятком разных одновременно. С соответствующим результатом. И если такие бюро появятся во всех городах (а они появляются), это, наверное, и будет разумной альтернативой существующим правоохранительным органам. Облегчающей жизнь и им, и нам.

Кто работает в «Алексе»? Увы, ни численности, ни конкретных фамилий (кроме Елесина) просили не называть. Во всяком случае, берут сюда далеко не каждого, но повезти может не только недавним сотрудникам МВД, КГБ, прокуратуры. Звание «афганца», как выяснилось (и удивило), не лучшая рекомендация, нет ни одного. Зато трое — демобилизованные пограничники.

В общем, сплав куется крепкий. Но как он будет использован, зависит не только от «Алекса». Очень хочется верить, что времена, когда частный сыск никак не укладывался в рамки генеральной стратегии государства в сфере коммунальных услуг, миновали. И в схватке с рэкетом и прочей нечистью, облепившей днище нашего корабля, соответствующие службы признают его равноправным и верным товарищем.

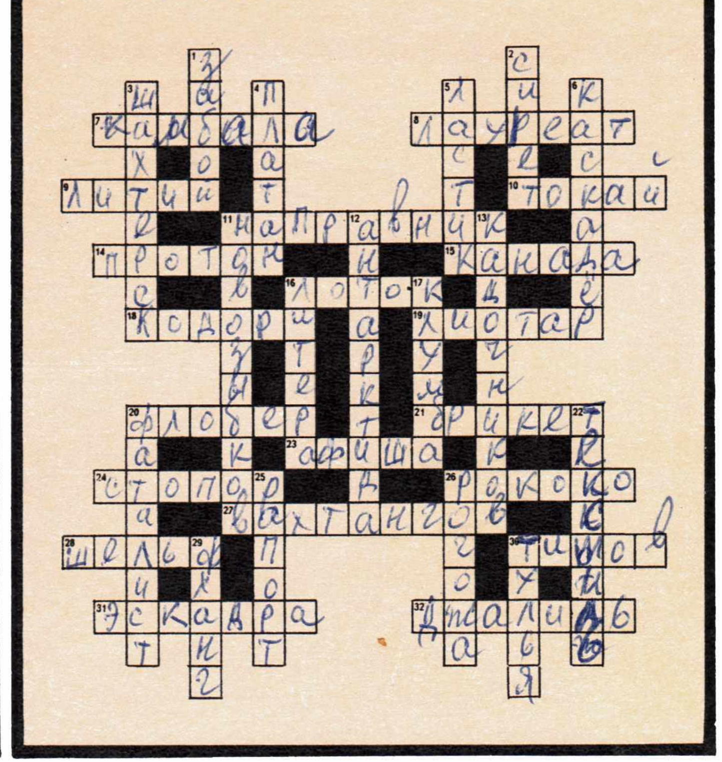
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Промысловая морская рыба. 8. Звание, присуждаемое за выдающиеся достижения в области науки, искусства. 9. Химический элемент, металл. 10. Вулканический массив в Венгрии. 11. Композитор, дирижер, автор оперы «Дубровский». 14. Элементарная частица. 15. Государство в Северной Америке. 16. Открытый прилавок для торговли на улице. 18. Река в Абхазии. 19. Швейцарский живописец, автор картины «Шоколадница». 20. Французский писатель XIX века. 21. Плитка из спрессованного материала. 23. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 24. Деталь для фиксации частей механизма в определенном положении. 26. Стилевое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 27. Советский режиссер, актер, основатель и руководитель студии МХТ. 28. Материковая отмель. 30. Летчик-космонавт СССР. 31. Крупное соединение военных кораблей. 32. Татарский поэт, Герой Советского Союза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рабочее место горняка. 2. Приток Дуная. 3. Город в Донецкой области. 4. Крупное дерево с широкими листьями. 5. Шелковистая хлопчатобумажная ткань. 6. Дублер киноактера, исполнитель трюков. 11. Город в Брянской области. 12. Материк. 13. Киноактер, народный артист СССР, сыгравший главную роль в фильме «Подвиг разведчика». 16. Брусочек с выпуклым изображением печатного знака. 17. Цветник. 20. Название главы романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 22. Изделия из волокон и нитей. 25. Устный или письменный доклад военнослужащего. 26. Упаковочная плетеная ткань из мочала. 29. Оконечность строя, расположения войск. 30. Верхняя часть шляпы, фуражки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Вокализ. 7. Квартал. 8. Хвар. 9. Семинар. 11. Тоннель. 13. Леток. 14. Бархат. 16. Панно. 18. Обсерватория. 21. Клодт. 22. Танама. 25. Цитра. 26. Сопрано. 28. Траверз. 30. Литр. 31. Потанин. 32. Кальций.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Доницетти. 2. Элерон. 3. Баглан. 4. Кантилена. 6. «Захарка». 7. Каретка. 10. Инкубатор. 12. Непринцев. 13. Лубок. 14. Брехт. 15. Тропа. 17. Осина. 19. Боголюбов. 20. Стереотип. 23. Аполлон. 24. Материк. 27. Атлант. 29. Ариэль.

Комната москвички Инны Николаевны Трифоновой словно веселая ярмарка. Настоящий музей. Здесь сотни матрешек, вся их история. Пахнет лаком, краской, свежей древесиной. Более тысячи кукол Инна Николаевна сделала собственными руками.

Инна Николаевна по профессии инженер-электромеханик. Работала на метрополитене, потом научным редактором в одном из московских издательств. Ушла на пенсию и всецело посвятила себя матрешкам.

— Мы все свыклись с тем, — говорит Трифонова, — что матрешка — это древнее русское ремесло. А на самом деле нет ему и ста лет. А забрела игрушка в Россию в 1890 году — из Японии...

Есть у Инны Николаевны деревянная фигурка добродушного мудреца Фукурумы, которая считается прародительницей русской матрешки. Это забавная японская кукла с большой, вытянутой от постоянных раздумий головой. А раскроешь ее — внутри несколько фигурок — семья мудреца. В России же эта диковинная заграничная кукла несказанно изменилась, расцвела небывало, а затем в новом, уже русском сарафане покорила мир и японцев...

— Где побывали ваши матрешки, на каких выставках?

— На международных во Вьетнаме, Анголе и в Афганистане. Есть у меня бронзовая медаль ВДНХ, диплом лауреата II Всесоюзного фестиваля народного творчества. Была персональная выставка здесь, в Москве, в Доме техники; республиканские, городские. Всего около тридцати. Снимались мои матрешки и в кино...

Зоя КРЯКВИНА
Фото М. САВИНА

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

